

Министерство культуры Хабаровского края
Краевое государственное бюджетное научное
учреждение культуры
«ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА»

Дальневосточный краевед

Специальный выпуск журнала
«Вестник Дальневосточной государственной
научной библиотеки»

Хабаровск
2013

Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки: журнал по вопросам теории и практики библиотековедения, библиографоведения и книговедения. – Хабаровск : ДВГНБ, 1998. – ежекварт. 2013, № 3 : спец. вып. «Дальневосточный краевед». – 200 экз.

«Дальневосточный краевед» – специальный выпуск журнала «Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки». Включает материалы, представленные как членами клуба «Краевед» Дальневосточной государственной научной библиотеки, так и исследователями других регионов, по вопросам истории, географии, культуры, науки Дальнего Востока. Авторы публикаций – люди разных профессий: историки, геологи, архивисты, библиотекари, военные, литераторы, журналисты, издатели, но все они краеведы, которых объединяет страстное желание познать свой край, открыть новые страницы в его истории и культуре и поделиться своими находками с теми, кто готов извлекать уроки из опыта далёкой и не слишком далёкой истории родного края.

Помимо новых материалов, в «Дальневосточный краевед» в рубрику «Memoires» включены литературные свидетельства дальневосточной старины, опубликованные в различных периодических изданиях XIX – начала XX вв. и никогда не переиздававшиеся.

Специальный выпуск журнала «Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки» «Дальневосточный краевед» подготовлен к печати главным библиотекарем отдела краеведческой литературы ДВГНБ Т. В. Кирпиченко (составитель) и писателем Ю. В. Ефименко (литературный редактор), С. А. Андык (отв. за вып.), К. К. Михельсоном (вёрстка).

№ 3 (60)
июль — сентябрь
2013

Министерство культуры Хабаровского края
Краевое государственное бюджетное научное
учреждение культуры

«ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА»

Журнал по вопросам
теории и практики
библиотекосведения,
библиографоведения
и книговедения

Издаётся с декабря
1998 года

Выходит 4 раза в год

*Редакционная
коллегия:*

И. В. Филаткина
(гл. редактор),
Р. В. Наумова
(зам. гл. редактора),
В. П. Буря,
Н. И. Дубинина,
Е. Ю. Качанова,
Т. В. Кирпиченко,
Н. К. Лютова,
Т. Б. Мильруд,
С. М. Нарыжная

Адрес редакции:
680000,
Хабаровск,
ул. Муравьёва-
Амурского, 1/72
тел.: 32-72-20

© Дальневосточная
государственная
научная библиотека
2013

СОДЕРЖАНИЕ

К 120-ЛЕТИЮ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Циновская Л. Н.

«ЭТО БЫЛО ТАК ДАВНО, ЧТО ГРУСТИТЬ
УЖЕ СМЕШНО...» (ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ) 6

Кирпиченко Т. В.

ПЕРВАЯ ВЫСТАВКА ДОСТИЖЕНИЙ
ПРИАМУРСКОГО КРАЯ
(ИЗ ФОНДОВ ДВГНБ) 60

СОБЫТИЯ

Ефименко Ю. В.

ТИХООКЕАНСКИЕ ВОРОТА ПЕТРА
ПЕРВОГО 67

Фонова Т. В.

НЕЛЬКАНСКИЕ КЛЮЧИ К ОХОТОМОРЬЮ 74

ИМЕНА

Зилова К. Н.

КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
И. А. ГОНЧАРОВА НА ФРЕГАТЕ «ПАЛЛАДА» .. 83

Ходжер Е. Г.	
ВРЕМЯ УХОДИТ, С НАМИ ОСТАЁТСЯ ТОЛЬКО ПАМЯТЬ. К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ Г. Г. ХОДЖЕРА	92
Жабина Н. Я.	
НАЙТИ СВОЙ ЖЕНЬШЕНЬ (МИХАИЛ ПРИШВИН НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ)	101
Буря В. П.	
КИБАЛЬЧИШИЯ – МЕСТО, ГДЕ Я РОДИЛСЯ И ЖИВУ	107

ИЗ ИСТОРИИ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

Шевнин И. Л.	
О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ В ХАБАРОВСКЕ В 1885–1911 ГОДАХ	114
Вольхин В. Н.	
СУДЬБА УНИКАЛЬНЫХ СКЕЛЕТОВ ИЗ ГРОДЕКОВСКОГО МУЗЕЯ	126
Монахова С. А.	
ТЕАТРАЛЬНЫЕ ЗВЁЗДЫ РОССИИ В ХАБАРОВСКЕ	135
Ковальчук М. А.	
К ДАТИРОВКЕ ОСНОВАНИЯ СЕЛА СОЛОНЦЫ УЛЬЧСКОГО РАЙОНА	143
Лысунец В. А.	
КУДА ДОЛЖЕН СМОТРЕТЬ ЕРОФЕЙ ХАБАРОВ?	149
Лысунец В. А.	
СТАДИОН МОЕГО ДЕТСТВА	156

ИССЛЕДОВАНИЯ

Спижевой Н. Е.	
СВЯТИЛИЩЕ «БОГАТЫРЬ ДЖЕРМЕНЬ» В ПОКРОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ ПРИАМУРЬЯ	166
Корнева Л. В.	
МУЗЕИ ПРИАМУРСКОГО ОТДЕЛА ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА НА ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКЕ В ПАРИЖЕ	171

Спижевой Н. Е.

КАМЕННЫЙ АРТЕФАКТ ИЗ НИКОЛАЕВСКОГО МУЗЕЯ
(Г. Г. ПЕРМЯКОВ И ЕГО ПУБЛИКАЦИИ О СКУЛЬПТУРЕ
КАМЕННОЙ ГОЛОВЫ С БОЛЬШОГО КЛЮЧА) 175

Вежновец А. Ф.

К ИСТОРИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ
ВОИНОВ-ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ 178

МЕМОИRES

Баранов А. Е.

НА РЕКЕ АМУРЕ В 1854–1855 ГГ. ВОСПОМИНАНИЯ
ОФИЦЕРА ИЗ ОТРЯДА Н. Н. МУРАВЬЁВА 187

ЗАПИСКИ. ПУТЕШЕСТВИЯ

Корнева Л. В.

«СИРЕНЬ» ЮЖНО-КИТАЙСКОГО МОРЯ 203

НАШИ АВТОРЫ 207

Л. Н. Циновская

«ЭТО БЫЛО ТАК ДАВНО, ЧТО ГРУСТИТЬ УЖЕ СМЕШНО...»

(Из воспоминаний)

В одной из повестей А. Гладилина был такой стишок по поводу воспоминаний. Следуя этой рекомендации, отодвину в сторону ностальгию и просто мысленно вернусь на Комсомольскую площадь начала 50-х, когда была она ещё совершенно пустой: не стоял памятник героям Гражданской войны, не возвышался многоэтажный дом Крайкома профсоюзов, вместо него тянулся деревянный павильон автобусной остановки. Возле библиотеки ещё не было здания ТИСИЗа, а стоял одноэтажный, тоже деревянный дом, где располагалась поликлиника партактива. Зато было много зелени: два парка, ПКО и ДОСА, и стена кудрявых вязов, закрывавших перспективу Амура. Наша 35-я школа стояла почти наискосок от достаточно монументального для старого Хабаровска красного кирпичного здания, в котором размещалась библиотека. И каждое утро я пробегала мимо него, не подозревая, что здесь пройдёт вся моя взрослая жизнь. В первый раз я переступила порог этого дома, учась в 9-м классе. Классная руководительница привела нас на экскурсию. В памяти очень чётко сохранился тот читальный зал, который теперь именуется универсальным залом. Там нас усадили за громадные тёмные столы и что-то долго рассказывали. А я тем временем разглядывала картину с первопечатником Иваном Фёдоровым. Её мрачноватое полотно и «золочёная» рама в этом пустом строгом зале создавали какую-то особую атмосферу: хотелось говорить шёпотом и ходить на цыпочках. Потом, уже в 10-м классе, я записалась на абонемент, изредка брала книжки, но больше нравилась мне уютная маленькая библиотека им. Н. К. Крупской, что находилась когда-то на улице Запарина, чуть ниже кинотеатра «Гигант», на другой стороне (теперь там Диагностический центр «Здоровье»). Абонемент в краевой библиотеке занимал тогда часть первого этажа с окнами на улицу Карла Маркса (ныне Муравьёва-Амурского). Свободного доступа к полкам не было, а был длинный и высокий, во всяком случае для меня, прилавок, на котором надо было расписывать-

ся за взятые книжки. Фонд был отделён от места выдачи двумя очень высокими дверными проёмами, занавешенными длинными тёмно-синими шторами, на вид суконными. Всё это выглядело довольно-таки уныло и по-казённому. Девушки-библиотекари были одеты то ли в чёрные, то ли в синие халаты и казались все одинаковыми.

Потом был институт, а тут уж без «науки» – никуда! В читальном зале сидели не только с учебной литературой. Читали здесь и художественную, программную. Однажды перед экзаменом по западноевропейской литературе взяли с подружкой «Декамерона» (был какой-то вопрос в билете). И такой на нас напал хохот, что пришлось спасаться бегством на площадку второго этажа, а там отпаиваться водичкой из бачка – был тогда в библиотеке такой, с алюминиевой кружкой на цепочке, дабы не увели. Стоял тот бачок на табуреточке возле входа в нынешний читальный зал краеведческого и информационно-библиографического отделов. А тогда, в 50-е, находились там каталоги (места вполне хватало). Теперь удивительно, но такой «водопой» просуществовал чуть ли не до конца шестидесятых годов. Наверное, всякого рода заразы было намного меньше, чем сегодня. После первой педагогической практики я с грустью осознала, что школа – это не для меня... То ли дело библиотека, вот куда надо было идти учиться – в библиотечный! И недолго думая, написала письмо в московский бибвуз. Ответ пришёл скоро: на третий курс, на который я уже перешла, меня, увы, не возьмут. Можно только на первый, без вступительных. Но сильно расстраиваться я не стала: заметила к тому времени, что на вечернее отделение нашего литфака ходит одна красавица из «науки» – значит, можно будет работать там и с педагогическим образованием. Той красавицей была Галина Георгиевна Синайская, позднее она стала заведующей читальным залом, на пенсию ушла заведующей сельскохозяйственным отделом. Она и в 55 лет выглядела молодо и была очень хороша, а ушла из жизни, кажется, чуть ли не раньше своих библиотечных ровесниц...

После института пришлось два года отработать в школе, но библиотека с повестки дня не снималась.

И вот в августе 1959 года, только вернулась я из поездки «на запад», как в тот же день позвонил мне один из институтских поклонников и предложил работу в «науке»! Оказалось, что его «спустили» в библиотеку из комсомола на место замдиректора – ни много ни мало. Едва ли кто-нибудь сегодня помнит Александра Басалаева, проработал он не

более трёх лет. 25 августа я пришла в отдел библиографии, на место сотрудницы, ушедшей в декрет, потому надолго там не задержалась. Но это конечно же была судьба. За те три месяца, которые пробыла в отделе, практически познакомилась с работой библиографа, и целью моего дальнейшего пребывания в библиотеке стала именно эта специальность.

Отдел библиографии и тогда был на втором этаже, только располагался напротив кабинета директора и при этом объединял два нынешних кабинета застав. Комната была удобная, квадратная, сотрудников – пять человек: Александра Николаевна Маслова, заведующая, Эсфирь Васильевна Осипова, Юля Жак, Валя Широкова и я на месте дамы в декрете. С Масловой познакомилась позднее, когда она вернулась из отпуска, и показалась она мне женщиной чрезвычайно строгой не по возрасту (у нас разница всего два года), необыкновенно умной и эрудированной. Самой старшей в отделе была Э. В. Осипова, но она же была самой живой, весёлой, остроумной и непоседливой. Впрочем, и было-то ей всего 36 лет. Началась моя работа с чисто технической писанины. В это время создавался будущий отдел краеведческой литературы: шёл тотальный просмотр фондов на предмет выявления книг дальневосточной тематики, составлялся справочный аппарат – шла роспись газет, книг, журналов, изданий государственной библиографии. И вот засадили меня, рабу Божью, за роспись «Летописи газетных статей». Перво-наперво заставили освоить библиотечный шрифт, а уж потом начала я переписывать всё, что было отмечено квалифицированным библиографом. Так писарем и проработала все три месяца – мало того что днём 8 часов рисовала на карточках эти буквы, так ещё и ночью они мне снились! Казалось бы, такая работа на веки вечные должна была отвратить человека от отдела с названием библиографический... Не тут-то было! Нет, мне здесь нравилось решительно всё – даже эти пресловутые «Летописи», «Ежегодники книги», энциклопедии, куча всяких других справочников, которыми были уставлены полки в отделе, и сами библиографы, развлекавшие тем, что наперебой называли имена и отчества известных людей из разных областей деятельности, и вся эта атмосфера духовности, интеллигентности и ещё лёгкого подтрунивания друг над другом и над собой. Ах, как хотелось мне здесь остаться! За время своего недолгого пребывания на втором этаже библиотеки конечно же я повидала немало сотрудниц, особенно из числа дежуривших в каталогах. Каталоги находились в непосредственной близости к отделу библиографии. Через

дверь, что ведёт теперь в сектор деловой информации, попадали в коридорчик рядом с приёмной директора, а через неё и к библиографам. Часто дежурила в каталогах высокая, стройная молодая женщина, очень милостивая, с пушистыми светло-русыми волосами. Забегая во время дежурства в библиографию, она приговаривала: «Спасите от позора!» Но при этом сама со знанием дела рылась в необходимой литературе, что-то выносила читателям. Это была Татьяна Александровна Матвеева, в те дни ещё заведующая методическим отделом. Заходила в отдел Женя Рудневская, как мне тогда показалось, подружка Али Масловой. Женя для меня так и осталась Женей, а вот Маслову называть Алей я так и не научилась. Директора, Михаила Семёновича Масюка, тогда я видела только издали. Бывало, он заглядывал в отдел, на мою персону внимания не обращал, наверное, потому, что оформили меня в его отсутствие. В общем отношении к директору чувствовалось и уважение, и некоторое опасение – не провиниться бы. Он был строг, но и справедлив, что называется «своих не сдавал» – много позднее я испытала это на себе при разрешении одного конфликта с читателем абонементов. Отработав четыре месяца в отделе библиографии, я по воле директора попала на абонемент. Утешалась мыслью, что к библиографам вернусь! Тем не менее судьба на шесть лет связала меня с новым отделом. Теперь-то я с благодарностью вспоминаю те годы...

Но прежде чем продолжить свой рассказ, хочется для тех, кто не знал библиотеки того времени, описать расположение отделов на первом этаже, где и находился абонемент. Капитальный ремонт, проводившийся с 1994-го по 1997 год, полностью изменил планировку первого и частично второго этажей. До этого вход в библиотеку находился на улице Тургенева. Помещение абонементов занимало весь нынешний вестибюль плюс угловая гостиная и все современные застеклённые выгородки вестибюля. Рядом с абонементом находился музыкально-нотный отдел с входом через улицу Карла Маркса (Муравьёва-Амурского). Оба помещения соединялись дверью, которая вела в маленькую служебную комнатку абонементов. Там стояли письменный стол заведующей отделом и позади него, с двумя проходами, деревянные стеллажи в два яруса. На стеллажах держали дублетную литературу, сюда же приносили новинки из отдела обработки, теснота была страшная. Здесь же между стеллажами мы и обедали, примостившись со своими термосами и бутербродами на

маленьких скамеечках. Но как-то всё это было в порядке вещей, даже то, что мы обрабатывали те 15 минут, что тратили на обед.

В 1959 году абонемент нашей библиотеки совершенно поменял своё лицо. Не стало длинных высоких прилавков, из-за которых выдавали книги, убрали тёмные пыльные шторы с двух дверных проёмов, за ними теперь стояли ряды удобных деревянных стеллажей с книжным фондом абонемента. Для читателей пришло благословенное время открытого доступа к книгам. Это было новшество, которое вводили многие библиотеки страны. У нас оно реализовалось благодаря деятельной и падкой на всё новое в библиотечном мире Ксении Ивановне Рычковой, заведующей абонементом. Спокойная, выдержанная во всех ситуациях, никогда не повышавшая голоса, она была прекрасным руководителем, и отдел был на хорошем счету у дирекции. Кроме того, она была очень интересной женщиной: естественная блондинка с пышными волосами, одетая всегда по моде и со вкусом, жалко было, когда она надевала форменный халат. Но и халаты вскоре всем нам сшили на заказ, думаю, с её подачи. У нас было три стола выдачи литературы: для специалистов, студентов и рабочей молодёжи. Читатели постоянно стояли в очереди на запись, причём абонемент работал с 10 до 22 часов. Восемь человек работали в две смены: трое на выдаче, остальные в фонде – помогали в выборе литературы, расставляли и проверяли фонд, подбирали и оформляли выставки. Вот эта работа с выставками была для меня самой любимой, она позволяла хорошо знакомиться с литературой разнообразной тематики.

В связи с выставками запомнился мне такой неприятный инцидент. Тогда в отделе библиографии работала Людмила Миланич, будущий известный и многими любимый поэт, она курировала выставочную работу на абонементе. И вот вместе с ней поставили мы большую выставку изданий дальневосточных поэтов, адресованную молодёжи, под броским названием «Зачем же вы молодость грабите, мимо стихов идя...». Строчка была взята из стихотворения тогда ещё благовещенского поэта Леонида Завальнюка. Выставка вызвала интерес читателей, с неё брали книги или просто останавливались их полистать. Но вот принесла нелёгкая некую даму из Управления культуры, которую шокировало резкое слово – «грабите»! Последовала команда – убрать! Так всегда и приходилось оглядываться на «вышестоящих товарищей» – как бы чего не вышло. Помнится, потеряла я бдительность, уже будучи в отделе библи-

ографии: поставила какую-то выставку по природе и не дала на первом месте партийные материалы. Попало мне тогда крепко.

Работая на абонементе, полюбила готовить обзоры новых поступлений (а книг получали горы!). Носили их на руках из отдела обработки, который так же, как и теперь, находился на третьем этаже, и всегда прихватывали себе в помощь молодых ребят из читателей. Новые книги складывали в служебной комнате между стеллажами и начинали их разбирать по отделам фонда. Но в первую очередь каждый старался успеть ухватить художественную новинку. Тогда многие из нас увлекались чтением зарубежной литературы. Читали книги А. Кронина, Р. Олдингтона, Д. Олдриджа, Э. Синклера, Д. Сэлинджера, М. Дрюона, Ф. Саган, С. Ирвинга и уж всенепременно – Ремарка. Э. М. Ремарк был вне конкуренции, по его романам проводились читательские конференции, на каждое новое издание записывались в очередь, так же, как и на журнал «Иностранная литература», очень популярный в те годы. Что греха таить, конечно, мы читали эти книги раньше наших читателей.

В тот год, когда я пришла на абонемент, там вместе со мной ещё недолго работали Вера Александровна Шевченко – милая, удивительно спокойная и доброжелательная женщина, десятки лет отдавшая библиотеке; Соня Поляковская, Софья Ефимовна Коен, ставшая позднее заведующей отделом обработки, умница, эрудитка. В это же время, но тоже недолго, работала на абонементе Фира Гречаник, Эсфирь Зеликовна, замечательный знаток технической библиографии, в нашей библиотеке проработала без малого 50 лет. Соня и Фира окончили Ленинградский институт культуры, обе пользовались большим авторитетом у своих коллег, обе много лет спустя переселились в Израиль.

Ещё одновременно со мной на абонементе работала наша ветеран из ветеранов, 63 года отдавшая библиотеке, – Елена Абрамовна Лимоник. Красавица, хохотушка, любительница анекдотов и невероятная общественница. В достопамятные девяностые, с их пустыми магазинами, уже будучи далеко не молодой и здоровой, она организовывала снабжение нашего коллектива то рыбой, то картошкой, ещё какими-то продуктами... Что такое голод и холод, хорошо знала по страшным военным годам – неласково обошлась с ней жизнь... Это было старшее поколение абонементов тех лет. Когда они ушли на повышение, на абонементе собралась одна молодёжь. На полгода раньше меня в отдел пришла Валя Донцова, Валентина Петровна Новицкая, сменившая в своё время Ксе-

нию Ивановну, а позднее возглавившая отдел технической литературы. Ею написаны прекрасные воспоминания о коллективе абонементы («Вестник ДВГНБ», 2004, № 3), нет смысла повторяться, ведь со многими мы работали вместе. О самой В. П. Новицкой есть интересная статья Г. А. Гавриловой, написанная к 45-летию библиотечного стажа Валентины. Вот только видится мне сейчас не умудрённый опытом многолетней работы профессионал высокого класса, а совсем ещё юная Валечка Донцова тех незабываемых лет нашей молодости. Сейчас трудно себе представить, но у неё была фигурка Мэрилин Монро! Мужчины заглядывались и оборачивались ей вслед. А пришла она в библиотеку со студенческой скамьи мединститута и только позднее стала дипломированным библиотечником. Думается, медицина потеряла в её лице замечательного доктора. Впрочем, она из тех, кто на любом месте отдаёт себя избранному делу без остатка. Умница, бесконечно преданная библиотеке. Теперь жалею очень, что не свела её судьба с отделом краеведческой литературы, – получился бы из неё отличный краевед. Валентина – истинная дальневосточница, хабаровчанка, влюблённая в свой город. Да вот пришло для неё время расстаться с родным Хабаровском, уехала она к дочери в далёкий Краснодарский край. Там родные, дорогие люди – дочкина семья, пятеро внуков, а часть её сердца навсегда осталась здесь, на наших амурских берегах. И пусть теперь она путешествует по всей Европе, но снится ей будет наш город и наша «наука» – её второй родной дом... Знаю это по собственному опыту, хотя и не уезжала никуда.

К нам на абонемент очень часто заходил директор. Видимо, новая форма работы требовала постоянного контроля. Походка у Михаила Семёновича была совершенно бесшумная, в связи с чем ходила у нас легенда, что на фронте он был разведчиком. Теперь уж нечего скрывать, «разведчик» нередко заставлял нас болтающими у окна с великолепным видом на улицу Карла Маркса. Летом это огромное окно мы открывали настежь, рядом стоял стол с книгами для расстановки. Ну просто невозможно было, разбирая книги, не обсудить то, что происходит за окном, особенно в воскресный день вечером: нарядная публика валом валила на концерты, на танцы, из парка доносилась музыка, да и читателей в это время было уже совсем немного... А нас ждали наши мальчишки и танцплощадка. Да, непросто было работать с нами Ксении Ивановне, но она нас хорошо понимала, хотя и требовать умела. Отношения в коллективе были равные, даже в чём-то домашние. К праздникам да-

рили друг другу подарки, тянули жребий – кто кому дарит: у меня до сих пор сохранились хрустальные стопочки от Ксении Ивановны и ещё этакий хрустальный «жбан», подаренный девочками в день моего рождения. Это были мои первые подарки, полученные в библиотеке. Тогда ещё хрусталь не был дефицитным товаром, не давились за ним в диких очередях, именно диких: своими глазами через витрину ювелирного магазина видела, как одна женщина вцепилась зубами в руку другой, получившей чек раньше неё.

Наверное, во все времена и все библиотеки любят посещать люди с психическими отклонениями. И если читальные залы в какой-то степени ограждены от них группой контроля, то на абонемент им всегда была свободная дорога. Боялись мы их ужасно, хотя не всех стоило бояться, были и вполне мирные, только очень назойливые. Особенно донимал один с целым талмудом «ценных» предложений по усовершенствованию библиотечного дела. Ходил и ещё один «мирный». Видимо, работал кочегаром, так как руки его были невероятно грязные – после него страшно было прикасаться к книгам, хотя он их всегда заворачивал в газету. Был он уже преклонных лет, и потому верили мы в его байку о том, как он участвовал в расстреле семьи императора Николая II. А спустя много лет из публикации в газете «Молодой дальневосточник» узнали, что это было правдой.

Работать с людьми всегда непросто – кто-то придёт уставший, кто-то раздражённый или вообще с дурным характером, и, если ещё и библиотекарь встал не с той ноги, ситуация может стать взрывоопасной. Такие случаи у нас, конечно, бывали, но наша замечательная Ксения Ивановна всегда умела погасить любой пожар. И те читатели, которые её хорошо знали, относились к ней с большим уважением. Были среди них и наши активные помощники. В конце квартала помогали со статистическими подсчётами, участвовали в организации и проведении встреч с писателями, готовили выступления на конференциях по книгам. Чаще всего на наши массовые мероприятия народу набиралось немало. Помню среди них встречи с Риммой Казаковой, тогда она ещё жила в Хабаровске, Анатолием Ваховым, его книги были очень популярны, Михаилом Беловым, Александром Грачёвым. В начале 60-х появилась в нашем фонде тоненькая, невзрачно оформленная книжечка Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича». До того мы познакомились с этим именем на страницах журнала «Новый мир», как известно, его главным

редактором был в те годы А. Т. Твардовский, допускавший довольно смелые по тем временам публикации. Книжечка наделала много шума – это была первая весточка с той стороны нашего мира, о которой многие не знали, а знавшие предпочитали молчать. В библиотеке по книге организовали конференцию. Помню, что побывали на ней моя мать и моя школьная учительница литературы, обе репрессированные в 1938 году. Мать пришла совершенно поникшая и молчаливая – ни до, ни после она ничего и никогда не говорила о своих лагерных злоключениях.

На абонементе при скоплении читателей одно время практиковались обзоры книг, новых или подобранных по какой-либо тематике. Было это достаточно неудобно. И вот наш новый замдиректора А. Басалаев решил усовершенствовать этот способ информации, используя звукозапись. Тот агрегат, который притащили к нам в отдел, сегодня можно было бы демонстрировать в музее истории радио. Это был огромный ящик, занявший весь письменный стол Ксении Ивановны, со всякими кнопками, окошечками и ручками, но главное – там был микрофон. Все мы тут же опробовали звучание своих голосов и, конечно, их не узнали. Но зато теперь можно было записать любой обзор или объявление и включать это в фонде в удобное время. Попутно скажу о том, что именно Басалаев создал у нас хор, который довольно долго развлекал народ на наших библиотечных вечеринках. Устраивали их по великим праздникам. Тогда ещё не было никаких дарованных правительством предпраздничных часов, но был наш славный директор, понимающий своих женщин и сочувствующий им. И вот накануне праздника, где-то в середине дня, он появлялся в дверях отдела с непроницаемым выражением на лице, задавал два-три несущественных вопроса и с видимым удовольствием объявлял: «Кто не занят с читателями, может идти домой». И мы каждый раз с нетерпением ждали его прихода, справляясь по телефону в соседних отделах, был ли у них директор. А вечером встречались вновь, и всё было замечательно: музыка, танцы, столы с вином и закуской. Михаил Семёнович всегда присутствовал с женой Елизаветой Ивановной Елизаровой, много танцевал, ухаживал за женщинами. Все были молодые и молоденькие, весёлые, нарядные, со своими мужьями или кавалерами. Тогда ещё был свободен так называемый лекционный зал на втором этаже и именно там проходили первые памятные мне вечеринки. Вскоре его отдали под новый отдел краеведческой литературы.

В августе 1961 года на базе Хабаровской краевой научной библиотеки состоялся семинар-совещание работников абонементов областных библиотек Дальнего Востока и Сибири. Мне поручили подготовить сообщение по обслуживанию читателей из числа рабочей молодёжи, так как я работала именно с этой группой. Это было моё первое выступление, потом, наверное, их были десятки на всевозможных семинарах, симпозиумах и конференциях. Мне понравилось готовить это сообщение: собирать материал, обобщать, делать какие-то выводы. Помогла Татьяна Александровна Матвеева – ведь за два года работы в библиотеке я узнала ещё ничтожно мало об этой профессии, а она была уже специалистом со стажем – заведовала методотделом. И вот мне представилась первая возможность послушать, как работают в других библиотеках, а заодно и расширить в какой-то мере свои теоретические знания по этой теме. Наверное, никогда больше я так старательно не записывала все выступления, не слушала с таким интересом – для меня открывалась дверь в новую сферу деятельности. И чем дальше, тем больше склонялась я к мысли о библиотечном институте, о втором высшем образовании. Тогда в Хабаровске ещё не было института культуры, но был консультационный пункт от Восточно-Сибирского института культуры во главе с нашим директором Михаилом Семёновичем Масюком. Мы вместе с моей подружкой Вероникой Садовской, которая тоже поменяла школу на библиотеку и тоже работала на абонементе, подали заявление и начали своё заочное обучение, к счастью, по сокращённой программе. При этом путеводной звездой для меня оставался отдел библиографии, куда я собиралась вернуться. В это время объективные обстоятельства сложились таким образом: отдел абонемента в краевой библиотеке ликвидировался, а на базе его фонда создавалась городская библиотека – та, что находится теперь на Амурском бульваре. Наши девочки стали присматривать себе места в других отделах, кто-то из новеньких уходил в городскую библиотеку, а мне предложили должность библиографа в краевом бибколлекторе. Библиограф! Это слово меня заворожило, и я по глупости согласилась. На новом месте встретили меня очень хорошо, поскольку знали по библиотеке, но с первого же дня я затосковала по своему абонементу, по своей «научке». Ведь я привыкла быть в коллективе, привыкла к читателям, на которых мы между собой часто ворчали. Теперь их даже не хватало. На новом месте я была одна целыми днями в окружении молчаливых ящиков с картотеками. Нет! От-

сюда надо было бежать! И вот, проработав десять дней, я, как блудный сын, то бишь дочь, отправилась на поклон к Михаилу Семёновичу. Надо сказать, он очень не любил, когда уходили из библиотеки, обратно брал неохотно. Спасибо, Ксения Ивановна замолвила за меня словечко, и Татьяна Александровна Матвеева, тогда уже ставшая заместителем Масьюка, тоже помогла. А вскоре после этого пришла к нам на абонемент Александра Николаевна Маслова и увела меня в справочно-библиографический отдел, который тогда ещё возглавляла, одновременно исполняя должность второго заместителя директора. Начался новый этап моей жизни, и опять шестилетний.

Отдел библиографии располагался, как и теперь, на втором этаже. Только сейчас в этой комнате читальный зал библиографов и краеведов, а тогда здесь сидели пять сотрудников и стояли четыре больших стола для читателей. Три стены были заняты стеллажами под самый потолок со всевозможными библиографическими изданиями, справочниками и энциклопедиями. Позади наших письменных столов тоже стояли стеллажи, новые металлические, и маленький столик, за которым мы обедали. Рядом с выходом на балкон находилась дверь в бывший лекционный зал, ставший в 1961 году помещением для фонда дальневосточной литературы и библиографов-краеведов. Здесь же обслуживали читателей, тогда ещё очень немногочисленных; избранных допускали к стеллажам, разрешая самостоятельный просмотр книг. Сегодня эта территория после капитального ремонта и перепланировки занята двумя служебными комнатами: в первой – «общие» библиографы, в угловой – краеведы.

В справочно-библиографическом отделе нас было пятеро. Вскоре после моего прихода вернулась из декретного отпуска Галина Фёдоровна Малиновцева, заведующая отделом. Конечно, я знала её, работая на абонемента. По должности своей она нередко заходила к нам, проверяла состояние выставочной работы, пропаганды библиографических изданий библиотеки. Высокая, стройная, с особым шармом красивой метиски, казалась она мне издали девушкой отнюдь непростой. И потому было мне весьма неуютно, когда она вышла на работу и обнаружила здесь новый кадр, присутствие которого с нею явно не согласовывали; а проблема была ещё и в том, что я месяца через три должна была уйти в декрет, что называется – сплошной сюрприз. Это было время, когда подобного рода отпуск продолжался всего четыре месяца – значит, ещё не беда, вот только заочница! Но и эта проблема разрешилась через два

года – институт был благополучно окончен. Кадр стал вполне полноценным. Заняв свою новую должность, я быстренько разгребла завалы картотеки, оставшиеся от предыдущего работника, отредактировала доставшийся мне раздел медицины, читателей отдела обслуживала и справки выполняла исправно. Галина Фёдоровна даже отдала мне на попечение двух студенток Восточно-Сибирского института культуры, приехавших к нам на практику. Событие для меня памятное потому, что одной из них была Галя Бутрина – Галина Александровна Бутрина, впоследствии возглавившая научно-методический отдел, затем многие годы работавшая заместителем директора нашей библиотеки. Вторая студентка была её подруга Таня Лаврова, после института она тоже получила направление в Хабаровскую краевую библиотеку и была прекрасным методистом, пока по семейным обстоятельствам не уехала с мужем в Николаевский район на далёкий мыс Лазарева. Тогда мы с моими практикантками совместными усилиями одолевали премудрости справочно-библиографической работы. И с Галиной Фёдоровной мы всегда были в прекрасных отношениях, даже тогда, когда я стала сначала практически, а потом и официально заведующей отделом краеведческой литературы: два медведя мирно уживались в одной берлоге – территориально отдел был един. А в самом начале дело было ещё и в том, что сближало нас наше материнство: мы только что стали мамами – сын Малиновцевой всего на пять месяцев старше моего. Были у нас общие переживания бессонных ночей и неизбежных болезней наших малышей. Хотя моей начальнице приходилось несравненно трудней: у меня были две бабушки, а у неё никого, кроме мужа, естественно занятого на своей ответственной работе – он был режиссёром на нашем телевидении. Галина Фёдоровна – очень отзывчивый, душевный человек, и это в ней главное. Она умеет помочь людям независимо от того, родной это человек или совсем посторонний. За всё, что надо сделать срочно, берётся сама. Вот ведь какая случилась история: надо было в кабинете повесить гардину на окно, а высота не менее четырёх метров. Замдиректора Малиновцева, не дожидаясь помощи со стороны хозяйственной службы, карабкается наверх сама. Результат печален – сломанная ключица. Но Галина Фёдоровна – большая оптимистка, никогда не жалуется ни на своё самочувствие, ни на всякого рода нежелательные обстоятельства. В своё время Галю Малиновцеву после окончания Восточно-Сибирского института культуры пригласил в нашу библиотеку сам Михаил Семёно-

вич. Мне кажется, он никогда не ошибался в подборе кадров. И в этом случае энергичная, деловая умница вполне оправдала его ожидания – стала хорошей заведующей справочно-библиографическим отделом, а позднее и заместителем директора библиотеки. Её имя дважды вошло в издания справочника «Кто есть кто в российских библиотеках» (М., 1996, 2000). Очень хорошо о профессиональных достоинствах Г. Ф. Малиновцевой написала Г. А. Гаврилова («Вестник ДВГНБ», 2003, № 2/3).

Ещё в мой первый приход в отдел библиографии из пяти её сотрудников в то время я выделила для себя Эсфирь Васильевну Осипову. Вокруг было много прекрасных профессионалов, милых, остроумных, живых, энергичных, а в Эсфирь Васильевне словно собрались все эти качества вместе. «Настоящий библиограф» – так назвала свою статью о ней Г. Ф. Малиновцева («Вестник ДВГНБ», 2001, № 2). У Осиповой была превосходная память, большая увлечённость книгой и забавная рассеянность, рождённая, видимо, этой увлечённостью. Только она могла выйти читать лекцию перед приехавшими со всего Дальнего Востока участниками зонального семинара в разных туфельках – чёрных лакированных, но разного фасона и на разных каблуках. Второпях, отправляясь на какой-нибудь из бесчисленных обзоров, могла натянуть на себя плащ Малиновцевой, которая выше неё на голову. А уж ручек было потеряно столько, что собери их вместе – хватило бы на всю библиотеку. На столе вечный беспорядок, куча бумаг разного формата, но если что-то надо было найти, то каким-то немислимым образом из этой кучи извлекалось то, что казалось навек утраченным. Обзоры писались на обрывках, на оборотной стороне уже написанного ранее, в результате терялась то одна запись, то другая. Но обзоры эти всё равно по бумажке никогда не читались. Это всегда был заинтересованный рассказ о прочитанном, всегда с выраженным личным мнением и «за», и «против». Для меня её обзоры были примером для подражания, на них я училась. Эсфирь Васильевну хорошо знали в городе и нередко приглашали в самые различные аудитории. Она часто выступала на радио и каждый раз переживала за правильность произношения, «Словарь ударений для работников радио и телевидения» всегда был её настольной книгой. А где-то в конце семидесятых на Хабаровском телевидении надолго обосновалась её передача «Компас в книжном море» о библиографических указателях и книгах, в них представленных. В это время она уже была завсектором редкой книги. Событием стали проводы Эсфири Васильев-

ны на пенсию. Наш спаянный («споенный» – по её словам) коллектив постарался на славу. Да и как иначе могли мы провожать женщину, которая была душой этого коллектива, автором бесконечных капустников и «поздравилок», средоточием шуток и анекдотов. В кабинете директора собрались за общим столом приглашённые: главным угощением был большой капустник, посвящённый юбиляре. Были песни и стишки с маленькими забавными подарками, частушки, дружеские шаржи. Расходились поздно – очень не хотелось расставаться. Желали Эсфири Васильевне спокойной, лёгкой жизни на пенсии, а вышло всё наоборот: тяжёлые переживания и болезни, болезни на долгие годы.

В справочно-библиографическом отделе в 1965 году ещё работала хорошо мне знакомая Любаша Федяева, девушка видная, черноглазая, черноволосая, ухажёров у неё было не счесть. С ней, Тамарой Морковиной и Валей Грошевой (одна – с абонементов, другая – из читального зала) мы как-то замечательно отдыхали дикарями на Океанской в Приморье. Люба пришла в библиотеку шестнадцати лет. Работая помощником библиотекаря, окончила десять классов, поступила в Биробиджанскую культпросветшколу, затем в институт. С библиотекой расставалась только на время обучения в Восточно-Сибирском институте культуры. Когда в Улан-Удэ открыли этот вуз, из нашей библиотеки уехали туда учиться человек десять-двенадцать. В их числе Люба Федяева, Люда Рогаль, Валя Грошева, Светлана Нарыжная, будущий профессор Хабаровского института искусств и культуры, Валя Лобачёва, будущий преподаватель того же института. Росли молодые кадры, энергичные, заинтересованные, на всю жизнь влюблённые в свою библиотечную профессию. А ведь жить было трудно, и зарплата в библиотеках была ничтожно мала. Но почему-то учились на библиотекарей и работали в библиотеках. Видимо, было в жизни что-то, что ценилось дороже денег. Теперь другие времена: молодёжь учится на экономистов и юристов, а в библиотеках дорабатывают те, что пришли когда-то, руководствуясь не нынешними идеалами. С Любой Федяевой в справочно-библиографическом отделе мы проработали почти три года, а потом её забрали от нас в МБА – она стала заведующей отделом, а Вера Демьяновна Коломиец ушла на пенсию. Двумя словами хотя бы хочется вспомнить Веру Демьяновну. Она была очень незаурядным, равнодушным человеком. Хорошо помнятся наши общие собрания: надо сказать, что проходили они почти всегда бурно, обсуждались так называемые производствен-

ные вопросы, и не было, кажется, темы, которая не вызвала бы реакции со стороны Веры Демьяновны. Её выступления были острыми и нелицеприятными, так же выступала ещё Лена Вольфинзон (Е. А. Лимоник). Любовь Филипповна Федяева оказалась очень достойной заменой, хотя мучилась, расставаясь с библиографией. Впрочем, с нею-то она и не рассталась, так как работа в новом отделе оказалась тесно связанной с библиографическими разысканиями. Любовь Филипповна – человек очень ответственный, даже дотошный, как считают некоторые, но это качество как нельзя более подходило для её должности. 36 лет возглавляла она МБА библиотеки, её знали библиотекари от Камчатки до Новосибирска. Наверное, тысячи людей работали с книгой, которую, разыскивая по всем возможным справочным аппаратам и библиотечным фондам, добывала для них Л. Ф. Федяева вместе со своими «МБАшниками». И до сих пор она, несмотря на все недуги, не может оставить свою работу, свою библиотеку. В молодые годы это трудно понять, хотя в молодости мы шутили: пенсию надо платить, пока человек молодой, а работать можно, когда уже нагуляешься.

Некоторое время вместе со мной работала библиографом Валентина Романовна Мышакова, родная сестра Бориса Романовича Алёнкина, режиссёра нашей Дальневосточной студии кинохроники и мужа Жени Рудневской, тогда уже Евгении Михайловны Алёнкиной. Спустя какое-то время она ушла в отдел иностранной литературы, где заведующей была Алла Александровна Миленина. Не могу не сказать, что отдел этот постоянно был на хорошем счету у дирекции. Миленина и Мышакова привели его в образцовый порядок и в смысле организации работы, и в чисто внешнем отношении. В семидесятые годы это был самый уютный, оригинально оформленный зал, а уж Алла Александровна Миленина всегда была у нас образцом элегантности.

На освободившееся место я привела в библиотеку мою сокурсницу по пединституту Галю Бурлака. Моя педагогическая альма-матер была в своё время постоянным поставщиком кадров для краевой библиотеки. Вот и Галина поменяла свою учительскую профессию на библиотечную стезю. Вместе мы проработали недолго, так как пришлось ей уехать вслед за мужем В. В. Бурлакой, доктором сельскохозяйственных наук, в далёкую сибирскую Тюмень. Но характерно то, что она осталась верна библиотечному делу – долгое время была библиографом в библиотеке научно-исследовательского института, в котором работал её муж, уже

и после того, как овдовела. Выманила я из школы на абонемент и свою подружку Веронику Садовскую. Вместе с ней мы окончили Восточно-Сибирский институт культуры, причём Вероника, в отличие от меня, училась только на отлично. Потом вместе работали в отделе библиографии, правда, я была уже краеведом. О Веронике очень хорошо написали и Г. Ф. Малиновцева, и В. П. Новицкая («Вестник ДВГНБ», 2002, № 2; 2004, № 3). Была она очень незаурядным, интересным человеком, из породы лидеров, заводил. Кстатi, ученики очень любили свою учительницу и долго её помнили; если бы не подводило здоровье, она не ушла бы от своих ребят. Но второй институт она окончила не просто так: новая профессия пришлась очень по душе. Иначе и быть не могло, ведь сфера деятельности библиотекаря связана с книгой, литературой и живыми людьми. В нашем коллективе Веронику очень любили за лёгкий, приветливый характер, за эрудицию, сноровку и безотказность. Но подкралась жестокая болезнь, и пришлось Веронике оставить работу. Однако с библиотекой она не рассталась. Очень любила читать и читала много. Светлана Петровна Полотайло, тогда заведующая книгохранением, постоянно снабжала Веронику интересной литературой из новых поступлений. За книгами Вероника приходила сама и всегда навещала наш отдел, была в курсе всех событий. Совсем незадолго до своего ухода как-то сказала мне, словно прощаясь: «Спасибо, что привела меня в нашу библиотеку». Она любила свою вторую профессию.

Свои причины прийти в библиотеку из школы были и у другой моей подружки – Валерии Бердаковой. Большая любительница и почитательница книги, общительная, всегда доброжелательная, готовая помочь и читателю, и своему товарищу, она сразу завоевала симпатии коллектива. Много выступала с обзорами, не считаясь с тем, рабочее это время или собственный выходной день, в городе это или надо с кучей книг ехать за тридевять земель. После Э. В. Осиповой несколько лет вела на телевидении передачу «Компас в книжном море». Долгое время Валерия Васильевна работала с фондом редких книг, заведовала сектором редких и ценных изданий. Изучая состав фонда, столкнулась с книгами, имеющими автограф В. К. Арсеньева, её материалы на эту тему опубликованы в сборнике докладов и сообщений «Книга и книжное дело Сибири: история, современность, перспективы развития» (1989). Она организатор «Клуба любителей русской словесности». Члены клуба нередко навещали в отдел и собирались на заседания, не ожидая особых

приглашений, и не удивительно: здесь их ждали самые неожиданные встречи, к примеру, с народным художником России, почётным гражданином Хабаровска Геннадием Дмитриевичем Павлишиным. Завсегдатаем отдела был Сергей Антонович Пайчадзе, тогда проректор института культуры. Он регулярно приводил своих студентов на лекции-обзоры Валерии Васильевны по истории русской книги. Людмила Степановна Городилова, преподаватель хабаровского пединститута, человек, увлечённый древнерусской литературой и желанием передать эту увлечённость своим студентам, была вместе с ними в числе постоянных посетителей. Валерия Васильевна любила общаться с читателями любого возраста, главное было в том, чтобы заронить интерес к печатному слову, вызвать уважение к книге, созданной трудом и талантом человека. Был в работе Валерии Васильевны такой трогательный случай: к ней привели старшую группу из детского сада. До сих пор помнит она широко раскрытые удивлённые детские глазёнки. А мне вовек не забыть замечательных Валериных пирожков, она угощала нас ими в дни своего рождения и по великим праздникам, иной раз перед демонстрацией, когда мы собирались вместе. Кроме Валерии, нашими самыми знаменитыми кулинарками были Г. Ф. Малиновцева и Г. А. Гаврилова.

Она-то и появилась в нашем отделе незадолго до Валерии Васильевны. Вошла однажды молодая, среднего роста, стройненькая женщина, длинные светлорусые волосы уложены в высокую причёску. Оказалось, Генриетта Афанасьевна Гаврилова – ещё один педагог, умница, невероятно начитанная, умеющая прекрасно выступать в любой аудитории. Её заметили и переманили к нам Э. В. Осипова и Г. Ф. Малиновцева из Центральной городской библиотеки. Мы тогда и думать не могли, что привели к нам в отдел будущего директора ХКНБ. Она быстро освоилась со своими обязанностями, свободно ориентировалась в фонде, тщательно выполняла читательские запросы. В свободную минутку умела и пошутить, и шутку поддержать, не боялась и над собой подтрунить. Как-то рассказывает нам, какой забавный случай произошёл с ней на очередном вечернем дежурстве. Заходит читатель и спрашивает, не оставял ли здесь вчера свою «тельняшку» (то есть лист линованной бумаги). Не задумываясь, Гаврилова отвечает: «Знаете ли, тут всё-таки не баня!» Замечательная хозяйка и кулинарка, она активно включилась в наши традиционные застолья – праздники, дни рождения. До сих пор в наших домашних кулинарных книжках хранится рецепт знаменито-

го гавриловского торта. Выдержанная, спокойная и доброжелательная со всеми, такой осталась она и в кресле директора. Должность не изменила её.

Вот среди таких замечательных женщин я и работала в справочно-библиографическом отделе шесть незабываемых лет. Именно эти годы я вспоминаю как самые счастливые в моей библиотечной жизни. Работа мне очень нравилась, нравилось выполнять всевозможные справки – это позволяло знакомиться с интересным материалом, постоянно узнавать что-то новое. Приятно было чувство удовлетворения, когда удавалось помочь читателю найти нужную литературу. Общие библиографы тогда ещё участвовали в подготовке «Календаря знаменательных и памятных дат», который издавал сектор краеведческой литературы. Нам раздавали темы статей к датам, и писать их для меня стало любимым занятием. Кроме того, мы писали в газеты и на радио. Работа эта была плановая, однако писать приходилось чаще всего дома. На радио прилично платили, но заработки эти были нечасты. Более или менее систематически подкармливались мы за счёт районных газет, хотя гонорары там были смешные – размер наших статей был в среднем одинаков, и потому получали мы чаще всего 3,62, иногда 4,12. Поясняю: это была стоимость бутылки водки обыкновенной и «Столичной». И в отделе, и у меня дома – постоянная тема для всякого рода шуток. Ещё вспоминается вечная фраза Эсфири Васильевны по поводу наших публикаций: «Не славы ради, но гонорара для». Хотя, если разобраться, о славе и говорить не приходится, а гонорар был – кошкины слёзы! Вообще, в нашем коллективе тогда царил атмосфера взаимной симпатии, добрых шуток и розыгрышей. Однажды, придя с очередного просмотра новинок (Осипова в это время дежурила в отделе), сообщаем ей, пришла, дескать, уникальная книжка «Василий Иванович (Чапаев) и советский анекдот». Это сейчас издано невероятное количество всевозможных сборников с анекдотами, а тогда, в 60–70-е годы, такое трудно было себе представить. Но наша простодушная Эсфирь Васильевна ничтоже сумняшеся тут же снимает трубку телефона, звонит мужу, директору крайкниготорга, и требует представить ей эту книгу. Конечно, всё кончается дружным хохотом!

В состав справочно-библиографического отдела тогда входил сектор краеведческой литературы, постоянным куратором которого была Александра Николаевна Маслова. Она же ещё в 1959–1960 годы стала

одним из инициаторов создания краеведческого фонда и будущего специализированного отдела. Краеведение в нашей библиотеке во многом было её детищем. Будучи заместителем директора, Александра Николаевна принимала активное участие в подготовке краеведческих библиографических указателей и организации прежде всего краеведческой издательской деятельности. Видимо, относительно меня были у неё какие-то свои планы, так как вскоре привлекли меня к работе над библиографией Пузырёва, преподавателя нашего хабаровского пединститута. Им был составлен интересный указатель о творчестве поэтов дальневосточников начала XX века. Необходимо было сделать выверку описаний непосредственно по источникам публикаций. Журналы эти находились в наших подвалах, самых дальних и глубоких. Туда-то меня Маслова и «откомандировала». Пришлось лазать по трёхметровым стеллажам и дышать вековой пылью. Наградой были уточнения, которые удавалось раздобыть в результате поисков. Однажды меня заперли в этих подвалах, и пришлось довольно продолжительное время посидеть под дверью в ожидании освобождения. Очень жаль, что эта библиография, практически готовая к печати, так и не вышла в свет. И не одна она. Сколько трудов было положено на подготовку библиографического указателя «Содержание журнала «Дальний Восток» за 40 лет». Казалось, всё уже было, что называется, «на мази». Мы все, библиографы и краеведы, в авральном порядке выверяли, подчищали, доделывали всякие мелочи, чтобы сдать в издательство. Ан нет! И ведь редакция журнала была заинтересована. И Маслова обладала талантом доводить дело до конца, но так и пылится эта работа в краеведческих шкафах... Нам бы тогда нынешние возможности!

Ещё одним моим тесным соприкосновением с краеведением в период работы в должности общего библиографа стала редакция громадного раздела краеведческой картотеки – ДВ 3. Природа и природные ресурсы Дальнего Востока: десятки ящиков, хорошо набитых карточками. Пока надо было разбираться с растительным и животным миром, проблем не было, даже с метеорологией удалось справиться, опираясь на краеведческую схему. Но когда дело дошло до геологии, я просто впала в ступор! Мало того, что все эти ящики и карточки снились мне по ночам, специфические геологические термины стали преследовать меня, как попугая, который повторяет слова, не понимая их смысла. Ведь для краеведческой картотеки расписывались и серьёзные научные журналы,

но одно дело написать карточку, другое – её правильно зашифровать. А так как специалистов в этой отрасли у нас не было, то и получалось, что один понял содержание статьи так, другой – этак, ну и так далее... В это время я жила в обнимку со словарями по геологии, однако это мало помогало в систематизации по рубрикам и подрубрикам. Евгения Михайловна Алёнкина, бывшая тогда главным библиографом сектора краеведения, предложила использовать «Десятичную схему классификации для научных и технических библиотек». Это был единственный выход. Я делала всю черновую, подготовительную работу по рубрикации, а затем мы вместе просматривали то, что вызывало сомнения или вопросы. Так, провозившись почти три месяца, я наконец-таки вылезла из этой редакции. Больше этот раздел картотеки до сего дня не редактировался, много позднее, уже во времена моей работы в краеведении, большую часть раздела геологии мы законсервировали, дав отсылки к многочисленным текущим библиографическим изданиям, отражающим литературу по вопросам геологии, в том числе и Дальнего Востока. По окончании моей «ссылки» в краеведение меня вызвал Михаил Семёнович Масюк и спросил: «Как Вы считаете, справились со своей работой?» – «Ну, наверное, об этом судить не мне, я только могу сказать, что вполне добросовестно отнеслась к этому делу». Возражений не последовало, и пока вопрос о моём перемещении не поднимался.

Я уже говорила, что куратором краеведческой работы в течение всей своей двадцатилетней деятельности в нашей библиотеке являлась Александра Николаевна Маслова, вторым асом в этом деле была Евгения Михайловна Алёнкина. Они почти одновременно приехали по распределению в Хабаровскую краевую научную библиотеку: Маслова – в 1956 году, окончив с отличием Ленинградский государственный библиотечный институт, Рудневская (Алёнкина) – в 1958 году, после окончания Московского библиотечного института. Здесь, на дальневосточной земле, подружились на всю жизнь, здесь вышли замуж и родили детей. Первые годы жили в общежитии при библиотеке. Оно занимало помещение, в котором сейчас находится книгохранение фонда дальневосточной художественной литературы, и ещё те комнаты по коридору, где расположены сейчас кабинеты бухгалтерии. По воспоминаниям бывших жильцов общежития – жили дружно и весело. Там селили многих новеньких девочек, которые приезжали к нам по распределению из Московского или Ленинградского библиотечных институтов. Помню

забавные студенческие песни, которые они привезли с собой и часто распевали на вечеринках. Женя Рудневская была очень миловидной дивчиной, особенно хороши были её карие глаза в длинных ресницах, чаще всего внимательно строгие. Поработав какое-то время в читальном зале, она перешла во вновь создаваемое подразделение и активно включилась в работу по пропаганде краеведения, которому в те годы в библиотечном деле уделялось особое внимание. Михаил Семёнович Масюк, как директор библиотеки и человек, влюблённый в наш край, создал все условия для организации этой работы.

Уже в 1961 году был открыт фактически отдел (формально сектор) краеведческой литературы с первоначальным фондом в 10 тысяч экземпляров. И первыми настоящими краеведами в нашей библиотеке стали не дальневосточницы – Маслова и Алёнкина, одна ленинградка, другая киевлянка. Окончив факультет журналистики в Хабаровской высшей партийной школе, они вскоре были приняты в Союз журналистов, так как имели на своём счету немало оригинальных ярких публикаций в журнале «Дальний Восток», газетах, интересных циклов передач на радио. Новое подразделение библиотеки только-только было создано, а работа по разным направлениям краеведческой деятельности была уже в полном разгаре: организация фондов и каталогов, справочная работа для всего Дальневосточного региона и непосредственное обслуживание читателей в отделе, составление библиографических указателей, текущих и ретроспективных, и, как венец всего, рождение крупного библиотечного объединения – Зонального совета научных и специальных библиотек Дальнего Востока.

О профессиональной деятельности Александры Николаевны Масловой написано немало статей. В 2007 году Дальневосточная государственная научная библиотека выпустила персональный указатель о ней в серии «Учёный и библиотека». Маслова – это целая эпоха в жизни ДВГНБ, но эта эпоха не состоялась бы, не будь во главе библиотеки такого директора, как Михаил Семёнович Масюк, а рядом самоотверженных библиографов-трудооголиков и, наверное, в первую очередь Евгении Михайловны Алёнкиной. Маслова и Алёнкина – вот тандем, который на долгие годы определил направление деятельности библиотеки в части краеведения. Евгению Михайловну хорошо знали в среде творческой интеллигенции города, она была своим человеком среди писателей. Недаром многие из них приходили в отдел краеведения персо-

нально к Евгении Михайловне, к Жене. Она всегда могла подсказать, где и что найти, прекрасно зная фонд дальневосточной литературы. Писатели допускались непосредственно к стеллажам, в отличие от читателей, пришедших впервые. Надо было заслужить честь прикоснуться к краеведческим книгам самому, ведь среди них было немало ценностей; постепенно был создан редкий фонд краеведческой книги. Благодаря Алёнкиной, о работе специализированного отдела дальневосточной литературы скоро узнали в городе; она наладила связи с библиотеками научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений Хабаровска. Включившись вместе с Масловой в создание краеведческих библиографических пособий, Евгения Михайловна организовала подготовку одной из значительных научных библиографий нашего региона – «Леса и лесное хозяйство Дальнего Востока». В этой работе приняли участие библиотека Хабаровского НИИ лесного хозяйства и Биолого-почвенный институт ДВ ФАН СССР в Приморье. Тесные связи с Хабаровской писательской организацией поспособствовали работе над первым выпуском большого библиографического справочника «Писатели Дальнего Востока», составителем которого стала Е. М. Алёнкина. До сих пор хранятся в отделе краеведения собранные ею рукописные автобиографии многих наших литераторов.

Деятельность отдела под руководством Алёнкиной была разносторонней и многообразной. Немало времени отнимали у неё командировки в библиотеки края с целью оказания методической помощи, подготовка выступлений на конференциях, семинарах, зональных советах, редакция краеведческой картотеки и изданий отдела. Случалось, что и дома приходилось делать то, на что не хватало рабочего времени. А дома были ещё двое ребятишек, воспитание которых, как и у многих наших советских женщин, проходило по телефону. К великому сожалению, семейная жизнь Жени Алёнкиной в Хабаровске сложилась трагично: её сын Ванечка тяжело заболел, и она вынуждена была уехать к родителям, в Киев, в надежде на исцеление мальчика. Увы, этого не случилось. Женя вернулась только для того, чтобы уволиться. Место главного библиографа-краеведа освобождалось, и Маслова настоятельно рекомендовала меня. Женя очень подробно описала круг своих обязанностей и все стороны работы отдела. Мне, можно сказать, предлагали целое королевство, а я была в ужасных сомнениях – смогу ли должным образом им управлять. К стыду своему признаю, что в моём согласии сыграла

роль зарплата, которая была значительно выше моей. И после этого я целый год терзалась, пока не освоилась, не вошла хоть в какой-то мере в курс дела. Но, и спустя много времени, я ни разу не пожалела о своём решении. Сдавая дела, Женя утешала меня тем, что у неё в отделе подобралась отличная команда: на каждого можно положиться на все сто процентов! Это было действительно так. А самое главное, заведующей справочно-библиографическим отделом с сектором краеведческой литературы стала в это время Александра Николаевна Маслова, то есть мне обеспечена была надёжная поддержка на первых порах.

Однако при всём при этом я очень болезненно отрывала себя от моих дорогих общих библиографов. На моё счастье, кому-то пришла в голову мысль сделать одно общее служебное помещение, то есть все сотрудники отдела собрались в комнате с фондом краеведческой литературы: столы поставили возле окон по два в ряд. Недаром был здесь одно время лекционный зал – до поры до времени нам было просторно. В комнату общих библиографов вынесли весь краеведческий справочный аппарат, поставили столы для читателей и кафедру для дежурного библиографа. Дежурили поочередно, работая с фондом библиографии и краеведческой литературы, выполняли справки и те, и другие. Вместе работали, вместе обедали в перерыв, отмечали праздники и дни рождения. Ещё до нашего территориального объединения вместе ходили обедать в ресторан «Дальний Восток». Неправда ли, неплохо жили мы тогда, если при своей зарплате, в среднем 120 руб., могли позволить себе каждый день питаться в ресторане? Обычно мы заранее отправляли человека занять стол и сделать заказ, потом подходили остальные. Обед стоил от 90 коп. до 1 руб. 10 коп., самый дорогой – с пирожными или деликатесами – 1 руб. 30 коп. Однажды мы даже решили отметить здесь чей-то день рождения. Это было в конце 60-х – начале 70-х годов. Но когда ввели так называемые «комплексные обеды», да к тому же стали плохо готовить и дорого за них брать, мы перешли на общий стол в отделе. Конечно, это была уже не ресторанный еда, но ничего – избалованных среди нас не оказалось. Зато обеды наши значительно подешевели – сбрасывались копеек по 40–50 и по очереди шли покупать печёную селёдку или консервы, чаще сайру, хлеб, масло. Из дома тоже по очереди приносили варёную картошку. Это было наше коронное меню. Скромно... Но зато как было весело за этим скромным столом – шутили, смеялись, разыгрывали друг друга, если припозднившемуся дежурному чего-то вдруг

не оставалось, дружно оправдывались: да она же это не любит! Кто-то из наших ел только сайру и ни в какую не желал есть скумбрию (хотя не вижу в них никакого различия) – мы, коварные, отрывали бумажку с банки и клялись, что это и есть самая настоящая сайра. Тот, кто только по работе знал Александру Николаевну Маслову, наверное, не поверит, но главным организатором всего этого была именно она. Да и как могло быть иначе, ведь только с благословения своего начальника могли мы бегать что-то покупать, потом обедать, а иной раз и прихватывать ещё минут 15 рабочего времени за столом. Так что педантом она уж точно не была. И у неё, и у Евгении Михайловны было одно правило: работу надо сделать в срок и хорошо, не успел – бери домой. Когда она ушла на должность замдиректора, мы ещё некоторое время обедали таким же образом, потом постепенно расползлись по своим столам, сохранив общие застолья на праздники и дни рождения. Думаю, то доброе отношение друг к другу, которое рождалось в нашем застольном общении, могло быть только плюсом для организации работы в отделе. Неприязнь, зависть, недоверие, ещё того хуже – доносительство могут развалить любой коллектив, а заодно и любую работу. У нас было негласное правило – не выносить сор из избы, не сплетничать ни о ком, и ещё девиз, взятый из какой-то статьи, – «доброе слово и кошке приятно!» Было много общих пристрастий и интересов. Чаще всего читали одни книги из тех, что имели наибольший резонанс в обществе. Слава богу, такая возможность у библиотекарей имеется всегда, а вот купить нужную, желаемую книгу в книжном магазине было практически нереально – все полки были забиты общественно-политической литературой. Да и слово «купить» почти вышло из обихода, взамен появился глагол «доставать!» И доставали, кто как мог. Вообще, в те годы, 70-е – 80-е, в начале 90-х, читали много, хотя существовали и такие «любители», для которых книга – лишь составная часть интерьера, нечто вроде хрусталия в серванте. Когда была создана достопамятная организация «Общество книголюбов», отделения которой действовали в каждом учреждении, способов достать книгу появилось немало. В городе стали устраивать книжные лотереи, на которых разыгрывались собрания сочинений русских, советских и зарубежных писателей. Состоялась как-то такая лотерея в посёлке Горького, мы собрались там чуть ли не всем отделом. Очередь к Дому культуры выстроилась квартала за два. Была то ли осень, то ли ранняя весна, во всяком случае, очень холодно, но стояли насмерть!

Мне тогда невероятно повезло – выиграла семитомник своего самого любимого прозаика Константина Паустовского. Все мы лихорадочно собирали макулатуру. За определённый вес можно было получить, к примеру, дефицитного «Мастера и Маргариту» М. А. Булгакова или романы А. Дюма. Кроме того, в самой библиотеке активисты нашего «Общества» проводили викторины по разного рода труднодоступным изданиям и художественной, и популярной литературы. Книги для этих викторин и для продажи членам «Общества» отбирались в подсобках разных книжных магазинов. Вместе с литературой, которая заведомо разошлась бы в пять минут, приходилось нам брать в нагрузку, если и не совсем макулатуру, то нечто к ней близкое. Обычно распродажу нам разрешалось устраивать в кабинете директора. Надо сказать, что эта организация, «Общество книголюбов», несмотря на все накладки, сыграла в своё время очень положительную роль. Взять хотя бы те обзоры и лекции, которые регулярно проводили в учреждениях города по линии «Общества» наши библиографы В. В. Бердакова и Т. Б. Мильруд. Валерия Васильевна была тогда весьма активным членом городского совета «Общества книголюбов», хорошо знали её и в краевой организации. Именно в эти годы создавались и росли наши домашние библиотеки – не для интерьера, а для ума и сердца. Мы много читали публикаций в журналах, а когда появилась возможность свободной подписки, то стали выписывать их на дом десятками названий. Самыми читаемыми были «Новый мир», «Иностранная литература», «Нева», «Октябрь», «Юность», «Наука и жизнь», «Вокруг света»... Между собой устраивали очередь на прочтение очередного нашумевшего романа. Помнятся первые публикации знаковых произведений тех лет: «Доктор Живаго» Б. Пастернака и «Зубр» Д. Гранина в «Новом мире»; «Белые одежды» В. Дудинцева в «Неве»; «Дети Арбата» А. Рыбакова в «Дружбе народов»; «Жизнь и судьба» В. Гроссмана в «Октябре»; «Крутой маршрут» Е. Гинзбург в «Юности»... Этот перечень можно превратить в большой библиографический список, чего, естественно, делать я не буду, а тот, кто прочтёт, вспомнит ещё немало других имён и названий.

То время в моей библиотечной судьбе представляется мне сейчас только в светлых тонах. Мы жили одной большой семьёй. Когда отправлялись в отпуск или в командировку «на запад», обязательно составляли перечень того, кто и что хотел бы там купить. Дома всё было дефицитом, вот и заказывали что-нибудь не очень объёмное и тяжёлое, от

губной помады и крема до перчаток и дамских сумочек. Сама я, покупая в столичных магазинах что-то себе, всегда с удовольствием набирала заказанные мне вещи – представляла ту радость, которую доставлю своим девочкам. Как-то купила специально для Тани Мильруд понравившееся мне летнее платье, даже не заказанное, но уж очень, показалось мне, хорошенькое. Привозили и мне, «из дальних странствий возвратясь»: Таня Кирпиченко из Алма-Аты (подумать только!) привезла ужасно дефицитные французские духи. О домашних делах каждого из нас знали мы, если и не всё, то многое. Знали о проблемах, заветных мечтах. Когда поздравляли с днём рождения, всё это отражалось в наших стихотворных пожеланиях, которые зачитывались за праздничным столом. Стихотворцами отдела были Э. В. Осипова и В. М. Садовская. Когда они ушли из нашего коллектива, эта роль на долгие годы досталась мне. Мы собирали все пожелания, так сказать, в прозе, и по мере возможности я их рифмовала, стараясь сделать забавными, чтобы повеселить публику. Почему-то запомнились некоторые строчки, вот, к примеру, образец: «Без проблем и без забот жизни не бывает, и поэтому мы вам просто пожелаем: уж ежели заботы – приятные чтоб были, а если уж работа – чтоб косточки не ныли; и если уж наестся – не глядя за фигурой, а если уж напиться – то только не микстурой...» А стих, которым мы провожали на пенсию нашу незабвенную Раису Филипповну, потом ходил по другим коллективам города: «Говорят, на пенсию трудно уходить. Что же в этом трудного, позвольте вас спросить? Разве это трудно – спать до десяти, не давиться в транспорте – Господи, спаси! Если пожелается – целый день гулять, книжку интересную за полночь читать...» и прочее, и тому подобное.

Раиса Филипповна Камышева среди краеведов была самой старшей. Я ещё работала на абонементе, когда впервые мы с ней встретились при проверке наших материалов для выступления на какой-то конференции. Проверяющая была из библиотеки им. В. И. Ленина, и несколько фраз, сказанных ею и Камышевой, дали мне понять, что Раиса Филипповна тоже из Москвы и приехала недавно. У неё было высшее, но не библиотечное образование, зато опыт библиотечной работы не где-нибудь, а в отделе обработки и каталогов Ленинской библиотеки. Для библиографов-краеведов она была ценным кадром: исполнительная, скрупулёзная во всём, её роспись не требовала редакции. Аккуратным кругленьким почерком Раисы Филипповны написаны тысячи карточек

дальневосточной картотеки. Она занималась краеведческим фондом, вела совместную работу с отделом комплектования, выявляла допущенные пробелы и внимательно следила за своевременным их восполнением. Её сообщения на зональных советах всегда отличались тщательной подготовкой и обстоятельным изложением. Она начинала работу по изданию краеведческих ежеквартальников. «Книги о Дальнем Востоке», позднее «Литература о Хабаровском крае» – всё это результат, на первый взгляд, незаметной, но такой важной работы старшего библиографа Р. Ф. Камышевой. На пенсию она ушла, как говорится, день в день. Татьяна Александровна Матвеева, будучи директором, очень уговаривала её остаться, но вся беда была в постоянных тяжёлых миграх Раисы Филипповны. Она чаще всего начинала свой рабочий день с таблеток цитрамона, я это знала, но никогда никаких жалоб мы от неё не слышали. Была она женщиной молчаливой, о себе и своей семье рассказывала мало. Однажды мы затеяли сделать к 8 марта нечто вроде стенной газеты с фотографиями из детства и юности. Раиса Филипповна принесла свою фотографию, и мы все ахнули – такая она была красавица с прекрасными пышными волосами! Рядом с ней было как-то спокойно, не чувствовалось ни суетности, ни раздражения чем-либо, она умела принять и понять шутку. К праздничному столу в отделе пекла замечательные вафли-трубочки. А выйдя на пенсию, научилась вязать крючком сумочки из шёлкового шнура, кружевные салфеточки и приносила иной раз показать свои творения. Потом стало подводить зрение. Ещё я узнала совсем недавно, что была у неё прекрасная память на стихи, и знала она их немало. Об этом рассказала Галина Фёдоровна Малиновцева, которая почти до самого конца поддерживала с ней связь.

Почти пятнадцать лет проработала я в краеведении с Ниночкой Савенко. В отдел её привела Маслова вместо Зои Богдановской, которую забрали в МБА, я согласилась скрепя сердце. Нина только что окончила институт, где, кстати, училась отлично; но девочка с детства после тяжёлого инфекционного заболевания страдала постоянными нервными подёргиваниями. Однако всё это очень скоро перестало замечаться. Она была хорошенькая и милая в общении: карие глаза, светлые пушистые волосы, роста небольшого и всегда одета со вкусом по последней моде. Одна дочь у родителей, которые в ней души не чаяли. Умница, обязательная, исполнительная, аккуратная и библиограф с большой буквы. Сто раз мысленно сказала я Масловой спасибо за такого работника. Жила

Нина далеко, на базе КАФ, но чтобы опоздать на работу – ни-ни! Вставала ни свет ни заря в любую погоду и ехала в этих ужасных автобусах типа, как их называли, папа-мама, продуваемых со всех сторон. Но ни разу я не слышала о том, что надо бы найти место поближе к дому. Надеюсь, что было ей хорошо в нашем коллективе, ведь мы все её очень любили. Это была добрая, светлая душа, очень общительная, живая, умела и шутку поддержать, посмеяться и сама пошутить. Почти сразу после прихода в отдел Нину Савенко подключили к работе над указателем-календарём знаменательных и памятных дат «Время и события». Незадолго перед тем мы возобновили это издание, не выходявшее с 1973-го по 1976 год. Нина очень быстро освоилась с новым делом и даже предложила давать краткие справки с указанием источника ко всем датам в календаре. Это прижилось на многие годы, с её же лёгкой руки вошла в наш служебный обиход аббревиатура КЗД (календарь знаменательных дат). Савенко писала очень хорошие текстовые справки для календаря и, кроме того, много писала в местные газеты. Если перелистать только «Суворовский натиск» за семидесятые годы, можно найти массу её материалов о землепроходцах, героях-дальневосточниках, по топонимике, о новых книгах и проч. В фонде отдела краеведения сохранился объёмистый рукописный том этих материалов, переплетённый руками Нининого отца. Им же переплетены ещё четыре тома – библиография Пузырёва и содержание журнала «Дальний Восток» за 40 лет. Читатели очень любили обращаться к Нине, если уж она бралась помочь, то использовала все возможные пути для поиска: после неё можно было с уверенностью сказать, что это – всё! К нам часто приходили письменные запросы из разных уголков страны – и с Дальнего Востока, и с Волги, и из Москвы, и из Украины... На Нинины письма-ответы всегда приходили письма-благодарности, иной раз с набором открыток. Если же было повторное обращение в отдел, то непременно адресовалось персонально Савенко Нине Николаевне. Её радовали эти письма и эти открытки с видами разных уголков нашей страны. Она очень любила путешествовать и каждый отпуск проводила в поездках, побывала даже в Якутске. Последней её работой был библиографический указатель к 125-летию Хабаровска, но ей не пришлось увидеть его изданным. Буквально в два месяца Нины не стало, было ей всего 36. На столе под стеклом остались выписанные ею строчки из стихотворения Вадима Шефнера: «Приглаждайтесь к облакам, прислушивайтесь к птицам, прикладывайтесь к

родникам – ничто не повторится. За мигом миг, за шагом шаг впадайте в изумленье – всё будет так и всё не так через одно мгновенье».

Нининой ровесницей была Таня Кирпиченко, но в отдел она пришла на год раньше. Библиографы познакомились с этой маленькой мамой, когда она пришла к нам на практику. У неё была уже новорождённая дочка, которую приходилось бегать кормить. После окончания института её приняли в отдел краеведения, и теперь Татьяна Васильевна Кирпиченко – ветеран библиотеки, заслуженный работник культуры, в 2012 году отметила сорокалетие своей краеведческой деятельности. Наверное, ещё при рождении в амурском селе Мариинском добрая фея нашептала ей: «Будешь краеведкой...» И после школы Таня пришла не куда-нибудь, а в Хабаровский краеведческий музей. Но «первая любовь» не состоялась, пришла другая и на всю жизнь: путёвку дал Хабаровский государственный институт культуры, она вошла в его первый выпуск. В отделе появились сразу три девочки из этого выпуска, но осталась одна Татьяна. Девочка была с характером, за себя постоять умела. Однажды поставила меня в ситуацию: или отменяй своё задание, или сиди с моей дочкой, пока я буду его выполнять. Я предпочла второй вариант, и до сих пор с удовольствием вспоминаю те 2–3 часа, которые провела с её маленькой Наташкой – детёныш был удивительно спокойный и покладистый. Вообще-то, я всегда вполне лояльно относилась к мамочкам в нашем отделе и считаю, что женщина в первую очередь должна быть матерью, а уж потом всё остальное. Второй дочке Татьяны – Ирине Кирпиченко, принадлежит подготовленный в качестве дипломной работы (естественно с маминой подачи и при активной её помощи) биобиблиографический справочник «Библиографы-краеведы ДВГНБ». С Татьяной Кирпиченко в качестве заведующей я проработала без малого 20 лет. Последние годы, представляя её своей преемницей, старалась приобщить к тем проблемам в нашей работе, с которыми предстоит столкнуться руководителю отдела. Мы вместе работали над вторым выпуском «Писателей Дальнего Востока», вместе готовили несколько указателей-календарей «Время и события». Помимо текущей работы, Татьяна постоянно участвовала в зональных советах и конференциях с выступлениями по вопросам методики подготовки разного рода библиографических изданий и эффективности их использования читателями. Она была для меня хорошим помощником в работе с новыми кадрами, недаром Раиса Курасова (Р. В. Наумова), будучи юным специалистом, именовала её не

иначе как «мой шеф». Но вот прошло время, Татьяна Васильевна Кирпиченко, проработав немало лет заведующей отделом краеведения, на мой взгляд, нашла себя в краеведческом книговедении. Кроме того, став организатором клуба «Краевед», она сумела сплотить вокруг себя людей, заинтересованных жизнью края, его историей, природой, перспективами. О создании клуба таких единомышленников задумывалась ещё Е. М. Алёнкина, теперь он есть и, думаю, должен быть всегда, пока существует наша библиотека. Попутно скажу, у Т. В. Кирпиченко есть обстоятельная статья о работе нашего отдела краеведческой литературы в 60–80-е годы («Вестник ДВГНБ», 2007, № 3).

В 1970 году в краеведческий сектор справочно-библиографического отдела пришла Инна Александровна Шаврина, родная сестра в то время уже известного в Хабаровске актёра драмтеатра и автора пьес Валерия Шаврина. Кстати, тоже с педагогическим, но университетским, образованием и опытом школьной работы. Она стала прекрасным специалистом в своей новой профессии библиотекаря-библиографа. Двадцать семь лет её рабочего стажа связаны с краевой библиотекой. Начав рядовым краеведом-библиографом, она ушла на пенсию заведующей редким фондом. Я познакомилась, а позднее и подружилась с ней, заняв свою новую должность в секторе краеведения. Инна как-то сразу обращала на себя внимание даже чисто внешне: худенькая, среднего роста, тёмно-русые волосы, не завитые, как у многих тогда, и замечательные медового цвета глаза, голос тоже необычный, грудной. На ней всегда были какие-то украшения, оригинальные и со вкусом подобранные. И ещё у неё были и есть несомненные актёрские способности – никто в нашем небольшом коллективе так замечательно, в лицах, не умел рассказывать самые разные анекдоты. Что же касается работы, то, действительно, как говорила Женя Алёнкина, на неё можно было положиться на все сто процентов. Было время, когда Шаврина полностью отвечала за краеведческий справочный аппарат: редакция всей росписи (это сотни и сотни карточек), расстановка, текущая редакция всех разделов картотеки. А как досконально знала она фонд и особенно книги дальневосточных писателей! Работать с редкой книгой она начала ещё в отделе краеведения. Именно Инна Александровна многие годы проводила обзоры по истории Дальнего Востока на базе краеведческого редкого фонда, тогда располагавшегося в шкафах нашей рабочей комнаты. В своё время эти шкафы делались на заказ, были они под самый потолок, с застеклёнными

дверцами, которые закрывались на весьма символические замочки. Постоянными слушателями таких обзоров были студенты-заочники исторического факультета пединститута, которых водила к нам наш известный историк Нина Александровна Авдеева. Не передать её разочарования, когда она узнала, что Инна Александровна больше не будет проводить эти обзоры, так как перешла в другой отдел. Когда Инна переехала на улицу Пушкина в новую девятиэтажку, мы с ней стали соседями и с этих пор на работу и с работы почти всегда ходили вместе. За это время о чём только не говорили, находя общий язык и взаимопонимание. Потом к нам присоединились две Тани: Кирпиченко и Мильруд, живущие по соседству, и Лера Бердакова. Так мы стройными рядами и двигались «на работу, как на праздник». Так же встречались вместе и в Первомай, и 7 ноября, когда ходили на демонстрации. Но были, конечно, не только светлые дни, были и общие горести: смертельная болезнь Нины Савенко, похороны её и её родителей, трагический уход всех близких Инны Шавриной... Она вызывает у меня чувство глубокого уважения. И не только потому, что выстояла. Она умеет помочь людям, забывая о себе: у неё всегда есть подопечные – старые, больные, одинокие. А ещё у неё есть действенная любовь к «братьям нашим меньшим». Спутниками её жизни всегда были собаки, собаки-друзья, члены семьи. На сегодняшний день это Стёпка – большой красивый пёс, и птички, певчие и попугайчики, с которыми она не может расстаться ни при каких обстоятельствах. Но, кроме птичек домашних, есть ещё воробушки, и их Инна кормит каждую зиму – они знают свою кормилицу и слетаются уже при её появлении. Вот с таким человеком свела меня моя библиотека. Вообще, я думаю, что это учреждение – средоточие людей в подавляющем своём большинстве бескорыстных и чистых душой, хотя, конечно, у каждого свой характер и свои «тараканы в голове». Хочу оговориться – я пишу не профессиональную статью. Это заметки о моей библиотечной судьбе и незаурядных людях, с которыми она меня столкнула, о тех, что оставили в душе добрый след.

И среди них конечно же Танечка Мильруд, теперь-то Мильруд Татьяна Борисовна. В 1973 году её принял в библиотеку Михаил Семёнович Масюк после окончания нашего института культуры. Надо сказать, что ещё до того Таня на каникулах работала в МБА и на абонементе, в этот отдел и была направлена директором. Наше внимание эта тоненькая девочка с косичками привлекла, будучи на практике в справочно-би-

блиографическом отделе. Ведь интерес, желание всё понять, освоить и запомнить видны в практиканте с первых дней пребывания. И потому, когда у библиографов появилась вакансия, сейчас же вспомнили, что есть на абонементе очень подходящий человек. Конечно, в выборе не ошиблись. С первых шагов девочка показала себя прямо-таки прирождённым библиографом. Она всегда стремится помочь разыскать необходимое тому, кто к ней обратился, обязательно дополнит запрос своими рекомендациями по теме. У неё блестящая память и замечательное умение пользоваться своими незаурядными знаниями. Не случайно, когда Г. Ф. Малиновцева ушла с заведования информационно-библиографическим отделом на должность заместителя директора, именно Татьяна Мильруд заняла её место. Впрочем, я не первая, кто пишет о Т. Б. Мильруд как о библиографе от Бога. И Г. Ф. Малиновцева, и Г. А. Гаврилова единодушны в этом мнении, о чём свидетельствуют их статьи в «Вестнике ДВГНБ» (2002, № 2; 2003, № 2). Я проработала с Татьяной не один десяток лет и знаю, что, кроме профессиональных достоинств, у Татьяны немало других качеств, говорящих о ней как о человеке внимательном и чутком. У неё на долгие годы сохраняются тёплые отношения с прежними сотрудниками. Она всегда поможет тому, кто нуждается в помощи: детей ли понынчить, книжки ли из библиотеки принести или потратить своё домашнее время на разыскание строчек из какого-либо стихотворения. И, как всегда, подключалась Танечка ко всем нашим поздравительным мероприятиям на дни рождения, юбилеи. Будучи тогда, с позволения сказать, «придворным поэтом», я всегда обращалась к ней с просьбой подобрать популярную песенку, на мелодию которой можно было сочинить «поздравилку». Так мы готовились к проводам Масюка, к 25-летию Дальневосточного зонального объединения и всевозможным прочим сборищам. Татьяна Борисовна – ещё один потрясающий трудоголик библиотеки: для неё не существует ни отпускных дней, ни больничных – всегда на посту. Приходишь в библиотеку, зная, что она болеет, смотришь, а Татьяна за своим рабочим столом. «Таня, ну как же? Ведь с сердцем шутки плохи!» – «Да вот отпустило немного, а здесь надо кучу журналов пересмотреть...» (и ещё кучу чего-то там переделать). Не любит она перекладывать свои дела на других. А вот за других – это пожалуйста. Где бы ни увидела дальневосточный материал, обязательно принесёт, отдаст соседям краеведам. Жаль, что в своё время вакансия была у библиографов, а не в отделе краеведения...

Перебирая имена тех, с кем пришлось мне работать в качестве заведующей краеведческим отделом, не могу не вспомнить Тamarу Кокорину. Ещё до того как она пришла в наш отдел, я знала о ней как о хорошем работнике и не ошиблась, пригласив её к нам. Тамара Алексеевна действительно оказалась человеком ответственным и обязательным. Старательная и пунктуальная, она очень хорошо проявила себя как редактор краеведческого справочного аппарата и как библиографический редактор «Истории Хабаровской краевой партийной организации». Этот научно-вспомогательный указатель, подготовленный М. С. Масюком и Е. И. Елизаровой, мы с Тамарой Алексеевной редактировали на предмет верности библиографического описания вместе, в скоростном порядке, но я вполне могла положиться на качество её работы. Тамара очень открытый человек, иногда, мне кажется, в ущерб себе, и если не знать её хорошо, то можно не всегда верно понять. Была она любящей дочерью и сестрой, теперь самоотверженная мама и бабушка. Жизнь её никогда не баловала: когда родила второго ребёнка – дочку и вскоре практически потеряла мужа, попавшего в автокатастрофу, вынуждена была уйти от нас на заведование библиотекой ДальНИИСХа. Мне очень не хотелось с ней расставаться.

Конечно, за долгие годы моего заведования в отдел приходили и уходили, надолго не задерживаясь, люди разные. Но в памяти навсегда остались те, кого относил я к своей команде. Среди них и Лена Авдеева. Когда ушла на пенсию Раиса Филипповна Камышева, у нас появился новый молодой специалист, получивший назначение на Дальний Восток после окончания Ленинградского библиотечного института. Сама она родилась и выросла недалеко от Ташкента. Кажется, Елена Александровна Авдеева (Чернакова) была «последней из могикан» – больше из центральных институтов в нашу библиотеку кадры не поступали. Я сразу поручила ей работу над ежеквартальниками, которые раньше готовила Раиса Филипповна. Конечно, это было непростое задание, но совместными усилиями мы с ним справились. Как у каждого краеведа, у Лены была большая роспись всевозможных изданий на предмет выявления дальневосточного материала, и конечно же было ей нелегко, но она никогда не жаловалась – старалась всё сделать в срок и в лучшем виде. Вскоре нашёлся хороший паренёк с Алтая – молодой инженер. Они поженились, получили комнату в общежитии. Директором библиотеки тогда была Татьяна Александровна Матвеева, она предложила

нам устроить для Лены комсомольскую свадьбу – в те годы пошла такая мода. Мы попытались это дело организовать в читальном зале нашего отдела, но первый блин всё-таки вышел комом. Разве что фотографии остались. Больше таких мероприятий не устраивали. Но не в том дело – семья оказалась крепкой, родились у них двое ребят, мальчик и девочка. Хотели было родители перебраться на Запад, да судьба решила иначе, и живут теперь в Хабаровске двое молодых дальневосточников. Лена проработала в краеведении 14 лет. Потом по семейным обстоятельствам ушла в детскую библиотеку, ближе к дому (жила она от центра очень далеко). Но вскоре вернулась, уходила и ещё раз и снова возвращалась. Работая некоторое время в библиотеке пединститута, постоянно посещала заседания нашего краеведческого клуба. После моего ухода на пенсию оставался «бесхозным» календарь знаменательных дат. Эту работу поручили Елене Александровне Чернаковой, она стала редактором-соавителем выпуска «Время и события» на 2006 год. В 2008 её унесла смертельная болезнь, с которой она героически боролась два года.

Передо мной в обозримом будущем уже маячила пенсия, когда в наш отдел краеведческой литературы пришла юная девочка 17 лет. Полгода в соответствии с трудовым законодательством она работала по 7 часов в день. Генриетта Афанасьевна Гаврилова, бывшая тогда директором библиотеки, вызвала меня в кабинет и представила новую сотрудницу Р. В. Курасову. Девочка окончила Биробиджанскую культпросветшколу с красным дипломом, и, так как в краеведении уже длительное время была вакансия, решили мы попробовать её на должность библиографа. Месяц испытательного срока, вероятно, не дал полного представления о потенциальных возможностях новенькой, и я предложила ей перейти на абонемент. Но Раиса отчаянно этому воспротивилась: обещала заочно окончить наш Хабаровский институт культуры и вообще очень стараться на практике освоить всё то, чего не додала ей культпросветшкола. Своё обещание она исполнила, правда, между её поступлением в институт и дипломом вклинилось замужество, рождение дочки и множество других причин, отдаливших одно от другого. Но хороший библиограф-краевед всё-таки состоялся, о чём, в частности, свидетельствует и очень интересная, сделанная с душой дипломная работа по истории нашей библиотеки. В эти первые годы, можно сказать, повезло нашей Раисе – предложили ей место комсомольского чиновника с хорошей зарплатой. Ушла она от нас... И вот ведь – через месяц вернулась!

Не удержала ни зарплата, ни вольный режим работы. Вернулась и долго ворчала, что мы роспись её газет запустили. В отличие от Михаила Семёновича я очень любила, когда к нам возвращались, и не только в наш отдел, вообще в библиотеку. Значит, наша работа не безразлична, значит, есть ещё что-то, кроме «мани-мани»! Есть что-то важное для души, не только для кармана. Раиса при Масюке не работала, но, кажется мне, ему бы она понравилась, потому что это он учил нас уважать и любить свою профессию и свою библиотеку.

Забавный поворот случился в моей библиотечной судьбе в 1980 году: я стала «начальником» своего первого директора Михаила Семёновича Масюка! Выйдя на пенсию, он какое-то время работал в отделе краеведения, так как вместе с женой Елизаветой Ивановной Елизаровой, известным архивистом, взялся за составление научно-вспомогательной библиографии о партийной организации края. Мы все своего директора очень уважали и слегка побаивались. Когда он пришёл к нам как рядовой сотрудник, долго не могли к этому привыкнуть. В коллективе, где работают двенадцать женщин в одной комнате, разговоры, конечно, неизбежны, но как только появлялся Масюк, все рты мгновенно и надолго закрывались. Постепенно мы всё-таки освоились, иной раз втягивая и его в свои дебаты. И уж совсем расслабились, когда вместе посидели за именинным столом Тани Кирпиченко, а Михаил Семёнович поздравил её стихами Степана Щипачёва «Тебе сегодня 38...». Как же давно это было... Он недолго прожил после ухода на пенсию. Видимо, сказались старые фронтовые ранения, служебная нервотрёпка, а главное, мне так кажется, выпадение из привычного жизненного трудового ритма – что так важно для многих мужчин.

Мы провожали его на пенсию так, что после в городе долго ещё говорили об этом, как о незаурядном факте. Конечно, были представители управления культуры, крупных библиотек, приезжали даже из районов края. А все отделы библиотеки готовили для этого вечера свои, так сказать, номера. Библиографы и краеведы пели ему небезызвестную цыганскую «Величальную» – «Миша, пей до дна!». Слава богу, тогда ещё не было сухого закона. Репетировать ходили в наши глубокие подвалы. Дарили большие и маленькие подарки с забавными стишками и шутками. От всего коллектива преподнесли нашему заядлому рыбаку полушубок, специально заказанный в Охотске через сотрудников Охотской районной библиотеки, – тогда это было большим дефицитом. Все подарки,

листы ватмана с фотографиями и рисунками, цветы увезли на машине. Кончилась в библиотеке «эра Масюка», длившаяся без малого 30 лет.

Впрочем, пожалуй, это не так. Ведь его сменила Татьяна Александровна Матвеева, в течение нескольких лет бывшая заместителем Масюка. Но не только в этом дело. Она пришла в библиотеку молоденькой девочкой, а ушла, проработав почти 60 лет, глубоко пожилым человеком, да и то только потому, что начала стремительно слепнуть. Татьяна Александровна прошла школу Масюка и стала профессионалом высокого класса. Она посвятила себя методической работе, которая всегда сродни труду учителя. Сколько конкретной помощи было оказано ею библиотекам края, сколько методистов подготовлено в библиотеке! Её достойной ученицей стала Г. А. Бутрина, тоже методист до мозга костей. У Татьяны Александровны набиралась опыта Г. Н. Пленкова, впоследствии кандидат педагогических наук, преподаватель Хабаровского института культуры. Сама эрудированный, интеллигентный человек, Татьяна Александровна всю жизнь служила культуре и по праву носила звание её заслуженного работника. Став директором, заботилась о коллективе. При ней библиотекари получили ряд льгот, которые удалось подтвердить при помощи профсоюза работников культуры. Сотрудники книгохранения и читальных залов имели сокращённый рабочий день и даже талоны на молоко за вредные условия труда. Появился у нас так называемый подвижный график работы, позволявший варьировать свои 8 рабочих часов по собственному усмотрению и, разумеется, в пределах разумного. Татьяна Александровна много сил и здоровья положила на то, чтобы получить во владения библиотеки старинный особняк на улице Истомина, где сейчас находится структурное подразделение ДВГНБ – Хабаровский региональный центр с доступом к ресурсам Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина. Как-то заглянула я в директорский кабинет после возвращения Матвеевой с очередной «битвы» за особняк, и пришлось вызывать ей «скорую помощь» – не на шутку схватило сердце. Вот так непросто занимать высокие посты... Своего рода памятником Татьяне Александровне вижу я великолепного тигра на стене читального зала – это в матвеевские времена поселился он там.

Следом за Т. А. Матвеевой директором стала Генриетта Афанасьевна Гаврилова, десять лет проработавшая в библиотеке при М. С. Масюке. Начав библиографом, позднее заведовала справочно-библиографическим отделом и отделом технической литературы, несколько лет была заместителем у Т. А. Матвеевой. Генриетте Афанасьевне пришлось про-

должить деятельность прежнего директора и в плане выбивания дополнительных помещений для фондов библиотеки. Как-то, при случае, пожаловалась мне, что приходится иной раз чуть ли не вприпрыжку бегать по коридорам за власть имущими, чтобы добиться решения вопроса. Естественно, такое отношение её больно ранило. Когда же помещение бывшего Дома политпроса на Ленина, 24, наконец-то, было получено и начались бесконечные конвейеры по погрузке и выгрузке перевозимых книг, Генриетта Афанасьевна не единожды становилась рядом с нами. Она никогда не повышала голоса на подчинённых – знала, что окриком и армейским приказом мало чего можно добиться, но потребовать исполнения умела. Сотрудники уважали её за профессионализм, эрудицию, умение работать с людьми. Когда Генриетта Афанасьевна собралась на пенсию, уговаривали остаться, подать на конкурс. Но решение было принято не спонтанно. Она осталась работать библиографом в отделе периодики и очень много сделала там по организации справочного аппарата, особенно когда вся картотека периодической печати из информационно-библиографического отдела была передана в отдел периодики. Объём работы был громаден, и только великое трудолюбие и природная проворность, подкреплённая большим опытом, позволяли ей справляться с тем, чем занимались ранее 3–4 библиографа. Генриетта Афанасьевна много читала, делала интересные обзоры новых публикаций в журналах, писала статьи в «Вестник ДВГНБ», а ещё весьма активно помогала Лидии Алексеевне Лавриенко, зав. отделом периодики, в составлении отчётов и планов. Её работоспособности могли позавидовать и молодые. Она была награждена медалью «За трудовую доблесть» и так же, как и Т. А. Матвеева, получала пожизненную стипендию губернатора Хабаровского края.

Мне часто приходилось общаться с нашими директорами и их заместителями не только по вопросам работы отдела, но и по проблемам, связанным с деятельностью Зонального совета дальневосточных библиотек. Будучи заведующей краеведческим отделом и являясь секретарём этого совета, я непосредственно занималась координацией издательских планов в нашем регионе, подготовкой рабочих совещаний и конференций. О работе Дальневосточного зонального объединения областных и научных библиотек написано было немало, писала и я в своё время («Вестник ДВГНБ», 1999, № 3). Надо сказать, что работа этого сообщества была во многом построена на личных контактах, догово-

рённостях. И все эти договорённости, существовавшие в целом ворохе инструкций, совместно разработанных и внедрённых, неукоснительно соблюдались до поры. Но пришли, как говорится, другие времена. Возникла необходимость платить за каждый шаг: выполненную ли справку, присланные для дальневосточной картотеки карточки или новое библиографическое пособие, отправленное в соседнюю областную библиотеку для рассылки, и прочее, и тому подобное. И так постепенно деятельность нашего объединения, не поддержанная к тому же Министерством культуры, сошла на нет. А жаль, очень жаль, что теперь все мы, настолько удалённые от центра, варимся в собственном соку. Впрочем, сейчас не об этом...

Сейчас мне хочется вспомнить наши многочисленные встречи на конференциях, семинарах, на курсах, в командировках, встречи с нашими друзьями-библиографами из областных библиотек Дальнего Востока от Благовещенска-на-Амуре до Петропавловска-на-Камчатке. Чтобы разделить между собой бремя проведения наших зональных мероприятий, решили мы созывать их раз в два года поочерёдно во всех областных библиотеках, участницах Зонального совета. Всем было интересно непосредственно познакомиться с работой соседей, а заодно увидеть новый город, новые места, увидеть наш Дальний Восток. И, конечно, нам организовывали экскурсии, а то и выезды на природу, на пикники. Так было на Камчатке и Сахалине, где открылась нам уникальная красота этих мест. В Благовещенске возили нас по Амуру, там он не очень широк: слева был берег тогда ещё недружественного нам Китая, и китайские мальчишки что-то кричали и кидали камни в сторону нашего теплохода. А спустя каких-то десять с небольшим лет китайцы принимали нашу первую делегацию в Харбинской библиотеке как своих лучших друзей. Кроме экскурсий, нас, участников очередной конференции, в каждой библиотеке хозяева развлекали, выражаясь современным языком, корпоративными вечеринками с обязательными забавными капустниками и скромным угощением. Мы, хабаровчане, тоже не оставались при этом в долгу и всегда выражали свою благодарность поздравлениями и пожеланиями в форме стишков на мотив каких-нибудь популярных песенок. В 1985 году 25-летний юбилей Зонального совета отмечали в Хабаровске. В развлекательной части значился даже ужин в ресторане «Уссури». Конечно, был традиционный капустник, частушки библиотечной тематики и была сохранившаяся у меня песенка на мотив «Лучше нету того

цвету, когда яблоня цветёт...». В ней отразилась наша голубая мечта. Мечта во многом так и осталась мечтой, но, как говорится, мечтать не вредно. Приведу этот незатейливый текст. Посмотрите – кое-что свершилось: «Сядем мы да помечтаем, как получим новый дом. Будет в той библиотеке бар и видеосалон (тогда были в моде). Будет сауна (мечтали о душе летом), буфеты и бухарские ковры (в Магаданской библиотеке были), будут комнаты разгрузки (популярная тогда идея) и «кондишен» от жары (есть!); микрофильмы, микрофиши и дисплей, и ЭВМ, будут новые «Каноны», чтоб печатать всё и всем (уже вчерашний день). Станем жить на хозрасчёте (перестройка началась), капиталец соберём и хранилище Конгресса просто за пояс заткнём!»

Вот такая богатая фантазия – недаром в нашем социалистическом обществе был лозунг «Догнать и перегнать!».

Ещё одна песенка, просто, можно сказать, гимн Дальневосточного объединения библиотек на мотив «Шаланды, полные кефали...»:

«Мы не скажем вам за всю планету – вся планета очень велика, но Европа с Азией об этом знают уж почти наверняка» (то есть о славной деятельности нашего зонального объединения).

Однако двух континентов нам показалось маловато, и мы с твёрдой уверенностью заключали: «О нас в Америке узнают, приедут опыт перенять!»

А вот ведь прошло не так уж много времени, и приехали к нам из Америки, хотя и не за опытом, но за информацией, которая стоит нынче очень дорого. От библиотеки штата Аляска, из Анкориджа, отдел краеведческой литературы получил свой первый компьютер, с него и началась компьютеризация всей нашей библиотеки. Американцы же получили полную информацию о нашем фонде дальневосточной литературы. В эти годы мы пытались создать «Сводный каталог книг о Дальнем Востоке» с участием областных библиотек, входящих в Дальневосточное зональное объединение. К сожалению, каталог остался у нас в карточном варианте. Но подготовить этот вариант было совсем не так уж просто. Приходилось копировать карточки из десятков ящиков краеведческого каталога. Эта работа практически целиком легла на плечи сотрудницы нашего отдела Эли Зиминой (Юрченко). Тогда она находилась, на наше счастье, в декретном отпуске и при этом работала дома. Выпускница нашего института культуры, талантливая во многом, светлая голова и золотые руки, Эльвира Юрьевна Юрченко (по мужу

ныне – Джонс) сейчас живёт в США, вышла замуж за американца, слава богу, удачно. Она настоящий библиотекарь, потому что и там не забыла своей профессии и не раз работала волонтером в местной библиотеке. В общем, знай наших! Ну, а что касается «Сводного каталога», то все библиотеки-участницы получили карточки на книги, отсутствующие в их фондах, но имеющиеся в ДВГНБ, а мы имеем теперь сведения об их краеведческих фондах на момент окончания этой работы. Она стала последним вздохом в деятельности Дальневосточного зонального объединения. Но памятником ему остались фундаментальные библиографические издания, созданные совместным трудом.

Среди коллег-библиографов областных библиотек Дальнего Востока было немало интересных, талантливых женщин, высоких профессионалов своего дела. Тогда самым знакомым и симпатичным коллективом был для меня информационно-библиографический отдел Магаданской областной научной библиотеки во главе с Ритой Юльевной Базай. Её, латышку, занесло в дальние края из Прибалтики, муж был украинцем. Их дети, рождённые на Севере, ещё долго не хотели расставаться с этой землёй уже после отъезда родителей. Есть такое выражение – «тепло Севера». Это тепло я хорошо ощутила, не единожды побывав в Магадане в командировках. В областные библиотеки региона выезжала не только на конференции. На одном из зональных советов решено было осуществлять обмен опытом краеведческой работы путём посещения областных библиотек наиболее квалифицированными сотрудниками библиотек соседних. В первый мой приезд, дело было в июле – день долгий, Рита Юльевна организовала выезд за город, на побережье. Был отлив, мне показалось, не менее чем на полкилометра. На открывшемся дне моря можно было найти крабов, и мы их нашли. Одного, очень большого, я привезла домой. В другой раз Нина Львовна Кошелева, директор библиотеки, водила нас, хабаровчан, в мастерские магаданских художников. Надо сказать, муж её, художник Виктор Иванович Кошелев, графически очень интересно оформлял почти все библиографические издания библиотеки. Нина Львовна познакомила нас с Асиром Семёновичем Сандлером, книжечка которого «Узелки на память» о колымских лагерях с автографом автора стоит в моём книжном шкафу. В самой библиотеке тогда существовал музейный «уголок», посвящённый узникам северных лагерей, невозможно было равнодушно пройти мимо его экспонатов. Последний раз мы были у магаданцев вместе с

Таней Мильруд, приезжали на областной семинар библиотек со своими консультациями. Запомнились душевные встречи с библиографами за столом с роскошным тортом под названием «Мишка», рецепт уехал вместе с нами. Кто-то замечательно играл на гитаре и пел песню о Магадане – она долго звучала у меня в ушах. Тогда в коллективе отдела были очень квалифицированные сотрудники. Из Магаданской библиотеки выходило больше всего библиографических изданий, сделанных на высоком профессиональном уровне. В числе их составителей Н. Л. Кошелева, Р. Ю. Базай, Т. М. Хворостянко, В. А. Резиновская, Т. М. Горбунова, Т. К. Козловская, Г. Н. Авраменко, Д. А. Корепанова, С. И. Симонова.

Библиографы Приморской краевой научной библиотеки, наши ближайшие соседи, вместе с сотрудниками Центральной научной библиотеки ДВО РАН, в то время её возглавляла Мария Сергеевна Сопова, принимали самое деятельное участие в создании Дальневосточного зонального объединения научных и специальных библиотек. Среди этих людей была и Татьяна Зотиковна Матвеева, дочь нашего известного краеведа, историка и библиографа З. Н. Матвеева. Ей принадлежит целый ряд библиографических работ и рекомендательного, и научно-вспомогательного характера. Представители следующего поколения приморских библиографов – Т. А. Самойленко, Л. Г. Боровая, В. В. Шайтарова, Н. С. Иванцова, заслуженный работник культуры. Нина Семёновна Иванцова не только, так сказать, библиограф-теоретик, но и краевед-практик. Во всех краеведческих начинаниях во Владивостоке или в Приморском крае она всегда принимает активное участие. Благодаря её инициативе приморцы имеют теперь собственный «Календарь памятных дат», интересный по содержанию и прекрасно оформленный. Если говорить о Камчатской областной библиотеке, в первую очередь вспоминается Нина Игнатьевна Захарова, ветеран краеведения и краеведческой библиографии, тоже из числа первых участников зональных советов. Наследниками её работы стали Т. Г. Куркан, А. А. Говорина, Т. В. Шаповалова, И. В. Братцева, Н. И. Курохтина. Надежда Ивановна Курохтина тоже заслуженный работник культуры и очень плодотворный автор-составитель не только библиографических изданий, но и автор энциклопедического справочника «Камчатка: от открытия до наших дней» (Петропавловск-Камчатский, 2008. – 238 с.). Библиографическую деятельность на Сахалине вот уже много лет представляет Вера Григорьевна Борисова. Ещё в 1979 году она в соавторстве с Кан Чун Ди под-

готовила уникальную библиографию «Политическая каторга и ссылка на Сахалине». Ею же составлен библиографический справочник «Сахалинская областная универсальная библиотека. 1947–2007 гг.» (Южно-Сахалинск, 2011. – 256 с.). Среди сахалинских библиографов известны имена О. И. Афанасьевой, Г. М. Нефёдовой, Н. Н. Толстяковой, Т. Е. Пан.

О библиографах Дальневосточного зонального объединения можно писать много и надо писать отдельно. Назову только ещё несколько имён тех, с кем довелось встречаться непосредственно или знакомых мне по переписке в связи с работой над региональным календарём: С. И. Потапова, Л. П. Кочнева, Г. В. Аверина, Т. И. Доморацкая (Амурская область); Т. А. Тихомирова, Л. И. Скопенко (ЕАО). Возможно, кто-то займётся историей библиотечного дела на Дальнем Востоке, и тогда появится справочник, где найдут отражение имена и работы этих бессребреников, энтузиастов своего дела.

Библиотека, любая, всегда своего рода центр, куда стекаются незаурядные люди: кого-то приглашают на встречи с читателями, кто-то сам ходит в качестве постоянного читателя или просто любит заглянуть в отдел, близкий ему по интересам, будь то музыкальный, сельскохозяйственный, краеведческий. Немало имён всплывает в памяти и первое из них – Всеволод Никанорович Иванов. Впервые я увидела эту величественную фигуру, только-только придя в справочно-библиографический отдел. Пришлось чуть ли не первый раз дежурить одной, и тут появился наш литературный патриарх. Признаться, струхнула: ну как спросит что-нибудь этакое, а я не смогу ответить. К великому моему облегчению спросил он всего лишь Евгению Михайловну (Алёнкину). Кстати, именно она была тем человеком в библиотеке, с которым Всеволод Никанорович общался, наверное, больше всего, и именно ей принадлежат замечательные воспоминания об этом человеке. («Вестник ДВГНБ». – 2013. – № 3. – Спец. вып. – «Дальневосточный краевед».) Случилось так, что, когда я пришла на место Евгении Михайловны, В. Н. Иванов уже умер. Мы с А. Н. Масловой ходили отбирать книги из его личной библиотеки, которые теперь частично хранятся в ДВГНБ.

В справочно-библиографическом отделе пришлось мне неоднократно встречаться с замечательной актрисой Хабаровского театра музыкальной комедии Ниной Симоновой (Войнаровской). Я очень любила её на сцене, и вот ведь в жизни она оказалась такой же милой, непосред-

ственной и живой, как в своих ролях. Нина Ивановна заочно училась тогда в ГИТИСе и приходила к библиографам в связи с подготовкой дипломной работы. Запомнился мне Николай Алексеевич Билим. Учась в пединституте, я сдавала ему зачёты по ОМЛ (основы марксизма-ленинизма). Тогда он только начинал свою преподавательскую карьеру и вёл у нас семинары. Причём был совершенно слепым, говорили, после трагической случайности во время мальчишеской игры с какими-то взрывчатыми веществами. Вместе с ним в библиотеку всегда приходил или кто-нибудь из студентов, или его ассистентка. Они спускались в наши подвалы, где стоял фонд периодики, и там читали нужную ему литературу. Так была написана его диссертация «Переселение на Дальний Восток в 1924–1941 гг.» (М., 1965). Ещё остался в памяти забавный случай с одним из наших постоянных читателей того времени. Бывал у нас хирург, узбек по национальности, Асманов, кажется. Очень красивый молодой мужчина. Возможно, он тоже работал над диссертацией. В отделе в те годы ещё была обширная медицинская библиография: позднее мы скооперировались с библиотекой ХГМИ и перестали комплектовать этот раздел фонда. Однажды при очередном посещении отдела он признался в любви к нашей библиотеке: похвалив фонды и обслуживание, добавил – «даже запах библиотеки мне приятен». Ну мы же все тогда были молодыми и смешливыми и потому сразу же соотнесли его слова с запахами, царившими иной раз на нашем первом этаже. Что греха таить, там часто пахло далеко не фиалками, а в лучшем случае – хлоркой. Но мы тоже любили свою пусть не такую ухоженную, как сейчас, библиотеку и шутили беззлобно. Одно время довольно частым гостем библиографов был микробиолог И. Е. Троп из Хабаровского НИИ эпидемиологии и микробиологии. Он также пользовался медицинской библиографией и, кроме того, интересовался вопросами краеведения. Как только в отделе на выставке новинок появлялся очередной «Календарь знаменательных и памятных дат по Дальнему Востоку», тут же появлялся и Троп. Всегда очень внимательно просматривал книжечку и спрашивал, нельзя ли купить. И всегда ему дарили это издание. Спустя несколько лет к нам в отдел стали приходиться две его дочери, очень похожие на отца, такие же молчаливые, углублённо постигавшие премудрости естественных наук. К сожалению, нашим календарём они то ли не интересовались, то ли в те 3–4 года он просто перестал выходить.

Когда я перешла в отдел краеведческой литературы и мы возобновили работу над календарём под новым названием «Время и события», пришлось столкнуться прежде всего с Л. А. Востриковым. Учёный-биолог, преподаватель одного из хабаровских вузов, он был большим знатоком дальневосточной истории, имел свою краеведческую картотеку, немало писал статей, позднее издал ряд книг, в том числе с З. В. Востоковым «Хабаровск и хабаровчане» (1991). Как только выходил из печати календарь «Время и события», он присылал нам пространные письма со своими замечаниями и претензиями по поводу отсутствия каких-либо дат. Телефона у него, как ни странно это теперь, не было, и приходилось вступать в переписку. Так мы переписывались года три, в библиотеке он почему-то не появлялся. В конце концов, набравшись опыта, я предложила ему вместо критических замечаний задним числом включиться в работу над нашим изданием в процессе его подготовки и, в частности, поделиться данными имеющейся у него картотеки. Странно, но на этом вся наша переписка прервалась. Позднее мы приглашали Л. А. Вострикова на встречу с читателями, и он пришёл, но контакт установить так и не удалось.

Совершенно другими были отношения с соавтором Вострикова Зосимой Васильевичем Востоковым. Он был своим человеком в библиотеке, помощником и добрым другом. Первым неожиданным и очень ценным для краеведов подарком была монография А. А. Сиденснера «Адмирал Г. И. Невельской: к столетию дня его рождения» (СПб., 1914). Зосима Васильевич выписал эту книгу по МБА из фондов Российской государственной библиотеки, собственноручно сделал фотокопию и отдал в фонд нашего отдела. Таким же образом появился у нас сборник стихов первого поэта Приамурья Л. П. Волкова 1902 года издания, содержание газеты «Приамурские ведомости» за 1894 год. В прошлом метеоролог, он был необыкновенно точен, скрупулёзен в своих краеведческих изысканиях. Работая в нашем фонде, в отделе периодической печати с местной дореволюционной периодикой, Зосима Васильевич создавал свою уникальную фактографическую картотеку о Дальнем Востоке. Он обещал передать её нашей библиотеке. Теперь сорок каталожных ящиков его картотеки находятся в отделе краеведческой литературы ДВГНБ. Ещё есть у нас рукопись книги Вострикова и Востокова «Хабаровск и хабаровчане», в ней – главы, не вошедшие в типографское издание, а в краеведческом справочно-библиографическом аппарате отдела числит-

ся более 30 статей З. В. Востокова. Кроме того, Зосима Васильевич передал краоведам ещё один свой великий труд – «Биографический словарь деятелей Восточной Сибири» – два добротного переплетённых машинописных тома. Он был совершенно бескорыстным человеком, скромным, на первый взгляд, но очень настойчивым, не отступающим перед бюрократической несправедливостью. Недаром 10 лет состоял внештатным инспектором народного контроля при Хабаровском крайисполкоме. Неоднократно поднимал голос в защиту библиотек, и Хабаровской краевой, в частности. В своё время мы были в числе тех, кто выдвинул его имя на звание почётного гражданина Хабаровска. Им и стал Зосима Васильевич Востоков в 1994 году.

Несколько позже Востокова у краеведов появился ещё один добровольный помощник – Алексей Филиппович Вежновец. По специальности геодезист, он работал в соседнем с библиотекой учреждении, институте со сложной аббревиатурой – ДальГИСИЗ. Интересуясь специальной и краеведческой литературой, стал забегать сначала в читальный зал нашего отдела, потом к нам в служебную комнату. Первый вопрос был, что нового, примечательного поступило в фонд. Потом нередко рассказывал о своей работе, занятных эпизодах из своих экспедиций. Однажды принёс мне машинописную довольно объёмную рукопись воспоминаний о годах детства и юности на Алтае, он родом из тех мест. Мне показался интересным его стиль, очень своеобразный, какой-то «непричёсанный». Посоветовала отнести материал в редакцию «Дальнего Востока». Не помню, воспользовался ли он этим советом, но с тех пор в краеведческой картотеке появилось немало статей А. Вежновца, а теперь есть уже и книги с его именем. В 2000 году замечательным подарком всем любителям краеведения стала книга А. Ф. Вежновца и Н. П. Крадина «Записки краеведов», а в 2007 вышли его записки русского инженера «Истории было угодно». Кроме того, в фонде нашего отдела есть уникальные альбомы, сделанные руками Алексея Филипповича. Будучи очень хорошим фотографом, он снимал все памятники и памятные доски в городе, подписал их и оформил. Два альбома фотокопий из Хабаровского краевого краеведческого музея тоже дело рук Вежновца. Ему же принадлежат фотокопии из альбома «Виды Хабаровска: дополнения к фотографиям военных топографов начала XX века», альбом «Петроглифы Сикачи-Аляна», есть и другие.

Частым гостем краеведов был в те годы Владимир Фёдорович Даниленко. Однажды он пришёл к нам со своей только что изданной книжечкой «Препараты из пихты и их использование в лечебной практике» (Хабаровск, 1989, в соавторстве с М. Хоруком). Принёс и бутылочку пихтового масла. Это было наше первое знакомство с чудодейственным средством. Владимир Фёдорович не раз снабжал нас этим маслом и всегда рассказывал какие-нибудь занятные истории на тему его применения, иной раз и скабрёзные. Он сам был прекрасной рекламой своего средства. Прошедший Великую Отечественную войну, имея многочисленные ранения, восьмидесяти лет от роду, читал газету без очков, был очень подвижным, деятельным и жизнерадостным, много писал. В фонде краеведческого отдела стоят его книги: «Крылья Дальнего Востока», «Пока откладываются полёты», «Рассказы разведчика-кавалериста», несколько переизданий «Препаратов из пихты...».

Не могу не вспомнить встречи в библиотеке с двумя выдающимися, интереснейшими гражданами нашего города – В. П. Сысоевым и Н. В. Усенко. Мы очень тщательно готовились к этим встречам: надо было согласовать время, тематику выступлений, оформление выставки их работ, наконец, информацию для читателей. Особенно беспокоил меня Всеволод Петрович, это была моя первая непосредственная встреча с ним, предварительно она состоялась в кабинете у Г. А. Гавриловой. Говорили, что человек он своеобразный в общении и далеко не простой, в отличие от Усенко. Но мы благополучно договорились о порядке проведения вечера, в частности, о том, как я должна его представить. В конечном счёте всё прошло хорошо. С Николаем Васильевичем было легче, уже по той простой причине, что был он моим соседом по дому. Я знала его как очень доступного и приветливого человека. Когда мы с сыном ходили по грибы, то не раз консультировались у нашего знаменитого соседа, что из собранного не смертельно. Самое замечательное в этих двух встречах – количество присутствующих. Я уж не говорю о том, что сесть было негде, – негде было встать! Стояли прямо за спинами Усенко и Сысоева – слушать их было необыкновенно интересно. Пожалуй, это самые значительные вечера-встречи, запомнившиеся мне за многие годы.

Где-то в конце 80-х годов появился у нас новый читатель, высокий видный мужчина средних лет со звучной фамилией Жуков. Бывал он нечасто, но обратил на себя внимание своим особым интересом к исто-

рии города. Причём вопросы Анатолия Михайловича изобличали человека не праздно любопытствующего, а вполне серьёзно занявшегося изучением старого Хабаровска, его зданий и их владельцев. Некоторое время спустя в газетах стали появляться его статьи. Приходя, он интересовался, поставили ли мы карточку в картотеку, а если вдруг случилось, что материал был пропущен, называл место публикации. Вскоре в краеведческом отделе завели папку, в которую стали собирать Жуковские статьи. На Хабаровском радио появилась передача об истории улиц города, которую вёл Анатолий Михайлович. Он много работал в архивах, поскольку то, чем интересовался, можно было добыть только там или ещё у потомков, со многими из которых вскоре наладил связь. Благодаря этим отношениям, удалось ему побывать в Харбине, куда в своё время эмигрировали и некоторые состоятельные или именитые жители Хабаровска. Сегодня у Анатолия Михайловича Жукова скопился богатейший материал по истории нашего города в виде картотеки, переписки, подшивок массы написанных им статей. Очень хотелось бы увидеть эти публикации изданными хотя бы в форме сборника. Надеюсь, в конце концов, так и случится.

Есть ещё один человек, о котором не могу не написать уже потому, что он чуть не стал нашим директором. Это Валерий Иванович Симаков, бывший тогда учёным секретарём Приамурского географического общества. Наша библиотека, как известно, родная сестра этого общества. Год рождения у нас один – 1894-й. Когда Симаков занял свой пост, он стал активно привлекать к работе общества многие научные и культурные учреждения города, и мы, конечно, не остались в стороне. Краеведы принимали постоянное участие во всех научных конференциях Приамурского общества. В. И. Симаков стал нашим постоянным посетителем. Вместе с ним я написала большую статью к 100-летию общества для нашего календаря «Время и события», позднее она была опубликована в журнале «Наука и природа Дальнего Востока» (2004, № 1). С его подачи в «Энциклопедии Хабаровского края и Еврейской автономной области» (Хабаровск, 1995. – 326 с.) появилась моя статья о Хабаровской краевой научной библиотеке. В. И. Симакова хорошо знали в библиотеке, и когда встал вопрос о новом директоре, многие предлагали его. Это был «бесшабашный» 1990 год. «Торжество демократии» выразалось, в частности, в том, что коллективам разрешили выбирать своих руководителей. Альтернативой был Александр Иванович Букре-

ев, рекомендованный «сверху». И мы выбрали директором А. И. Букреева, кстати, совсем не покрывив душой, – кандидат нам понравился. И как тут не сказать: «Всё, что ни делается, всё к лучшему в этом лучшем из миров!» В. И. Симаков остался на своем месте и сделал немало полезного в области своей деятельности, имея ещё и поддержку В. И. Ишаева, тогдашнего губернатора края. А. И. Букреев вывел библиотеку на новый уровень развития, при нём началась компьютеризация, были установлены связи с библиотеками зарубежных стран, библиотека получила статус Дальневосточной государственной научной библиотеки и стала лауреатом Всероссийского конкурса «Окно в Россию» в 2001 году, был сделан капитальный ремонт помещений, который не производился со времени постройки здания. Наверное, это неплохой результат тринадцатилетнего пребывания на посту директора.

Первые годы директорства Букреева связаны с завершением моего заведования отделом краеведческой литературы. Длительно и тяжело болела мать, мне было разрешено работать по шестичасовому графику, но я посчитала невозможным для заведующей злоупотреблять таким правом. Потому в 1992 году ушла со своей должности, и с этого времени почти целиком моя работа была связана с подготовкой краеведческих библиографических пособий. В библиотеке был создан редакционно-издательский отдел: появилась возможность издавать материалы, которые готовили наши методисты, «сельхозники», «музыканты», библиографы и, конечно, краеведы. Несколько лет отдел возглавлял Виктор Иванович Ремизовский, человек весьма незаурядный. Разносторонне образованный, с широчайшим кругом интересов и литературным талантом, он, будучи кандидатом геолого-минералогических наук, стал ещё и членом Союза писателей. Ни один выпуск «Вестника ДВГНБ» или «Времени и событий» не выходил без статей Ремизовского.

Более десяти лет я составляла и редактировала «Время и события», тогда это был календарь знаменательных и памятных дат по Дальнему Востоку – наше зональное детище, хронику и тексты для которого давали мне библиографы всех областных библиотек Дальневосточной зоны. В мои обязанности входило редактирование этих материалов, подготовка материалов по Хабаровскому краю и ещё по тем датам, которые имели отношение к нашему региону в целом. Работа была для меня интересна уже тем, что я знакомилась с большим количеством литературы, уточняя имеющиеся даты, выявляя новые, готовя тексты для больших и

маленьких справок о событиях и людях. Нередко приходилось общаться с теми, чьи юбилеи отмечались в очередном календаре. Запомнился один казус с известным академиком, геологом, создателем Института тектоники и геофизики ДВО РАН Ю. А. Косыгиным. На предложение отметить его юбилей в нашем календаре знаменательных и памятных дат он в весьма категоричной форме потребовал в таком случае убрать слово «памятных» из названия издания. Почему-то это у него ассоциировалось с неким мартирологом. Жаль было отказываться от справки о таком выдающемся деятеле, но и на поводу идти нельзя было. Случалось и благодарности выслушивать от родственников тех, о ком дана статья. Случалось и впросак попадать, когда выяснялось, что дата указана неверно, искажено какое-либо название. Попасть впросак с датой было проще простого, так как бывает немало вариантов какого-либо события в различных источниках. Хорошо, если при этом найдёшь архивные данные. Утешалась тривиальной фразой: не ошибается тот, кто ничего не делает. Последним моим выпуском был календарь «Время и события» на 2005 год. После этого я взялась за подготовку к изданию двух больших работ: «Хроника ДВГНБ» и «ДВГНБ в изданиях и публикациях». Первая, «Хроника», была задумана и начата ещё Т. А. Матвеевой. Она очень много сделала для того, чтобы собрать сведения по истории становления и развития нашей библиотеки, в том числе работая в госархиве края. Но здоровье не позволило Татьяне Александровне завершить этот труд: стало подводить зрение. Мне же пришлось обратиться к архиву самой библиотеки: дополнить собранный материал, что-то детализировать, уточнить по личным делам сотрудников отделы, в которых они работали, их должности в различные годы. На мою долю выпала и систематизация собранного материала, и составление вспомогательного аппарата к изданию. Галина Александровна Бутрина подготовила большую вступительную статью. Так, в результате совместных усилий в 2004 году «Хроника ДВГНБ» вышла в свет.

Другой большой работой стал библиографический указатель «ДВГНБ в изданиях и публикациях. 1894–2007 гг.» (Хабаровск, 2008). Так же, как и предыдущая «Хроника ДВГНБ», эта работа была из числа «долгоиграющих». Значительно активизировалась она во времена директорства А. И. Букреева. К работе подключилась Т. А. Матвеева, немало времени потратив на просмотр «Записок Приамурского отдела ИРГО», «Отчётов Николаевской публичной библиотеки» и тех изданий нашего краевед-

ческого фонда, которые относились к истории её возникновения. Вообще, в сборе материала для этого многострадального указателя принял участие буквально каждый краевед-библиограф, особенно за современный период деятельности библиотеки. Первоначальная редакция собранного материала, неизбежные уточнения по источникам были поручены Е. А. Чернаковой. Библиографическую редакцию начала Т. В. Кирпиченко. Но подготовить библиографию к 110-летию библиотеки никак не получалось. Освободившись от работы над календарём знаменательных и памятных дат, я предложила вплотную заняться этим изданием и получила согласие дирекции. Пришлось добрать материал за последние два года, заново всё систематизировать и сделать библиографическую редакцию по новому ГОСТу, принятому к этому времени. Когда карточный вариант был готов, настала очередь включиться в работу нашей замечательной машинистке Марине Николаевне Симахиной. Не могу не назвать её имени: все выпуски «Времени и событий» проходили и проходят сейчас через её руки. Она очень грамотный, надёжный и ответственный человек, настоящий профессионал в своём деле. Так как я работала дома на своём компьютере, немалую помощь в окончательной организации электронного варианта оказал мне мой сын Милюк Михаил Анатольевич. Сейчас он инженер-электроник в ДВГНБ. Скажу, кстати, что и семья моя сложилась в библиотеке: ещё на абонементе познакомились мы с отцом Михаила и живём вместе вот уже сорок семь лет.

Теперь немного о дорогих моему сердцу краоведах-библиографах. Из старой моей команды в отделе краеведческой литературы осталась только Таня Кирпиченко. Уже бабушка с двумя замечательными внучатами и двумя внучками. В 2007 году она по собственной инициативе ушла с заведования, но в отделе осталась главным специалистом и бессменным председателем клуба «Краевед», которому уже исполнилось 17 лет.

Отдел возглавила Марина Леонидовна Балашова. В ДВГНБ она с 1998 года, в 2002 пришла в отдел краеведческой литературы и сразу завоевала признание как перспективный библиограф. Впрочем, хорошую рекомендацию ей дала ещё Л. В. Снисаренко, которая знала Марину по совместной работе в областной библиотеке ЕАО. Марина – хабаровчанка, окончила наш институт культуры, но первым местом работы стал для неё методический отдел Приморской краевой научной библиотеки. Потом был отдел библиографии в библиотеке Высшего инженерно-мор-

ского училища им. Г. И. Невельского. Сформировался интерес к библиографической работе. Переезжая с мужем-военнослужащим, ей приходилось менять библиотеки и отделы в библиотеках, но стремление к работе библиографа присутствовало всегда. И вот пришло время реализовать себя в этом виде библиотечной деятельности, причём в должности заведующей отделом. Конечно, ей было очень непросто ощущать себя в новой ипостаси. Объём работы чрезвычайно велик, штат далеко не всегда полон, но зато очень профессионален. И я думаю, что теперь, пережив период адаптации, Марина Леонидовна уже вполне уверенно «стоит у руля». И единственное, что её может вывести из равновесия, это невероятно большое количество бюрократических бумаг, которые крадут время у интересной и действительно нужной людям работы. У неё светятся глаза, когда она рассказывает о необыкновенно сложных разысканиях, выполнении самых неожиданных запросов, о работе над интересными библиографическими пособиями. Марина – человек очень мягкий, внимательный к людям, очень ответственный и безотказный. Ей непросто, но она справляется.

Постарел нынче штат библиотеки вообще и краеведческого отдела в частности. Но зато какие это библиотечные асы! Одна из них Лилия Владимировна Снисаренко. С нею я познакомилась где-то в начале восьмидесятых, когда была она заведующей информационно-библиографическим отделом Биробиджанской областной научной библиотеки. Ещё в период работы над библиографическими изданиями о ЕАО приезжала в наш отдел за материалом и консультацией, и, помнится, мы вместе с нею сидели над карточками, решая, что куда и что лучше. Она составитель не менее десяти выпусков ретроспективных и текущих библиографических изданий по ЕАО. С Лилией Владимировной я не раз встречалась в командировках в Биробиджане, в Новосибирске на региональных совещаниях краеведов. Когда её мужа перевели на службу в Хабаровск, она пришла в краевую библиотеку, сначала в отдел к «общим» библиографам, а позднее к нам, краеведам. С тех пор минуло уже 20 лет. В отделе краеведения на её долю выпала подготовка текущих библиографических изданий библиотеки – «Книги о Дальнем Востоке» и «Литература о Хабаровском крае». Лилия Владимировна – человек сдержанный, немногословный, профессионал и трудоголик, в высшей степени добросовестно относящийся к своим обязанностям. Впрочем, слово «обязанность» у меня как-то плохо вяжется с характером Лилии

Владимировны: любая её обязанность, будь то на работе или в семье, для неё неизбежно становится просто образом жизни. Бывает, что и домой несёт то, что необходимо сделать поскорее. Она не представляет себя вне дела, которому посвятила себя, для неё это значит оказаться за бортом жизни.

Наталья Николаевна Чернова краеведом стала ещё в Приморье. После окончания Хабаровского государственного института культуры была направлена в Хасанскую районную библиотеку. Работала там заместителем директора, позднее – директором Народного краеведческого музея. В своей работе столкнулась не только с библиотечным краеведением, но и с чисто практическими краеведческими изысканиями. Совместно с сотрудниками Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН и Общества охраны памятников Владивостока участвовала в раскопках на территории Хасанского района. Вела экскурсионную работу, связанную с хасанскими событиями 1938 года, жизнью в Приморье семьи Янковских, деятельностью основателей фирмы «Кунст и Альберс». Наталья Николаевна – большой знаток истории Приморья и многих выдающихся деятелей этого края. В отдел краеведческой литературы ДВГНБ Н. Н. Чернова пришла в 1996 году и вот уже скоро 20 лет несёт груз ответственности за состояние краеведческого информационного аппарата библиотеки в его электронном виде. Объём работы очень велик. Впрочем, это можно сказать о должностных обязанностях каждого сотрудника отдела.

Последние годы в отделе краеведческой литературы почти постоянно не хватает одного работника. Постепенно уходит поколение, для которого главным был интерес к своей работе. Молодёжь ищет «где глубже», я не осуждаю их – такова нынешняя реальность. Но так радуется, когда в библиотеку приходят и остаются молодые, наша смена. Они очень, очень нужны, потому что библиотеки должны жить. Леночка Косогова, Елена Сергеевна Косогова, из тех немногих библиотекарей, которых выпустил ХГИИК в 2003 году. Её дипломной работой были «Краеведы Хабаровска», и уже потому прямой путь для неё был в отдел краеведения. Она из нового поколения библиотекарей – прекрасно разбирается в компьютерных технологиях, оказывая в этом плане существенную помощь своим коллегам. У неё творческое отношение к организации презентаций, причём немалую часть этой работы иной раз ей приходится делать дома. Лена живёт очень далеко от библиотеки и часто ей

непросто добираться до работы, но она никогда не жалуется – уж такой характер.

И вот ведь каких только фокусов не проделывает с нами судьба! Шестым членом коллектива отдела краеведческой литературы стала нынче Галина Александровна Бутрина. Начав свой библиотечный путь в методическом отделе в 1967 году, в 1971-м была переведена в отдел краеведческой литературы и проработала там почти два года. Успела даже весьма удачно отредактировать часть краеведческой картотеки – историю советского периода. Успела подготовить очень нужные методические рекомендации в помощь массовым библиотекам «Краеведческая работа библиотеки» (1973). Но более живая, на её взгляд, методическая работа тянула к себе. Когда появилась возможность вернуться, тем более с повышением, Галина вернулась к методистам. Там вскоре стала заведующей отделом, профессионалом высокого класса. Её хорошо знают в библиотеках всего Хабаровского края, не только городских, районных, но и маленьких сельских. Сотни километров дорог и бездорожья, где поездом, где на дрезине, на машине, на лодке, на вертолёте, а то и просто пешком, прошла Галина Александровна Бутрина, чтобы оказать помощь в организации библиотечного дела в любом самом дальнем уголке края. Сколько консультаций прочитано на семинарах, на курсах повышения квалификации библиотекарей. Её труд недаром отмечен орденом «Знак Почёта». Не один десяток лет проработала Галина Александровна заместителем директора. Теперь это в прошлом, но, как и раньше, от любого дела она не умеет быть в стороне: некому заниматься обработкой авторефератов диссертаций, некому поехать в дальнюю командировку зимой, некому готовить краеведческие календари? Но есть Бутрина, она всегда готова! Наш замечательный трудоголик, несмотря на все свои недуги, на возраст, возьмётся и сделает всё что надо. Она составитель двух объёмных краеведческих изданий: «Время и события: календарь-справочник по Дальневосточному федеральному округу», «Знаменательные и памятные даты по Хабаровскому краю». Галина Александровна – человек большой души, не жалеющий себя ни для дела, ни для людей. У неё много друзей, среди которых есть и такие, кому нужна её постоянная помощь. И ещё Галина Александровна возглавляет сегодня библиотечный совет ветеранов (практически этот совет и есть сама Бутрина). Она постоянно печётся о том, чтобы добиться материальной помощи для пенсионеров, дважды в год собрать их в библиотеке на встречи, во-

время поздравить всех с праздниками и юбилеями. А, кажется, совсем недавно молоденькая Галя Бутрина в качестве практикантки впервые переступила порог справочно-библиографического отдела...

Прошло время, пробежало, пролетело, пронеслось. Всё стало другим: и облик библиотеки, и библиотекари, и наши читатели. Ушли в историю эпоха Масюка и время Букреева. Его сменила Ирина Викторовна Филаткина, бывшая заместителем и ставшая генеральным директором библиотеки. А много-много лет назад аспирантка Ира Филаткина приносила мне для библиографического указателя о малочисленных народах Дальнего Востока свой список литературы. Скорее всего, она и не помнит об этой нашей первой встрече. Раечка Курасова стала Раисой Вячеславовной Наумовой, заместителем гендиректора по науке, очень серьёзным, деловым и требовательным. Заместителем гендиректора по фондам стала и ещё одна сотрудница отдела библиографии, позднее краеведческого отдела – Надежда Константиновна Лютова. Она успела получить второе высшее образование и сейчас на подходе к защите диссертации. Всё изменилось... Но самое главное осталось прежним – цель, ради которой существует библиотека, – нести в общество не просто сухую информацию, но, главное, – духовность, будить и мысль, и чувства людей.

Хабаровск, март 2013 года.

Т. В. Кирпиченко

ПЕРВАЯ ВЫСТАВКА ДОСТИЖЕНИЙ ПРИАМУРСКОГО КРАЯ

(из фондов ДВГНБ)

В 2014 году исполняется 115 лет со времени проведения в Хабаровске первой сельскохозяйственной и промышленной выставки Приамурья. Она проходила с 1-го по 15 сентября 1899 года и стала значительным событием в жизни города и всего края. Выставка была приурочена к 15-летию административного образования Приамурского края и ставила своей целью показать успехи, которых добилось молодое генерал-губернаторство, объединившее в 1884 году Амурскую, Приморскую, Забайкальскую области и остров Сахалин.

В фонде Дальневосточной государственной научной библиотеки сохранились ценные свидетельства событий того времени. Это книги, газетные публикации в «Приамурских ведомостях» и альбом фотографий «Амурско-Приморская сельскохозяйственная и промышленная выставка 1–15 сентября 1899 г.» владивостокского фотографа В. Мацкевича. Прекрасное качество снимков говорит о большом опыте мастера. Свою первую фотографию В. Мацкевич открыл 13 августа 1879 года в Екатеринославе. В 1886 году она была одной из лучших в городе. А с начала 1890-х годов начинает работать фотографическое заведение В. Мацкевича во Владивостоке. Известен он был и в Хабаровске, где первым из дальневосточных фотографов провёл персональную выставку своих работ.

В. Мацкевич был активным участником Амурско-Приморской выставки и единственный из семи награждённых за фотографические работы получил Малую серебряную медаль Министерства финансов. За свои высокопрофессиональные работы он и раньше имел награды от Великого князя Алексея Александровича, награждался медалями «За трудолюбие и искусство» от Министерства финансов и на губернских выставках 1880-го и 1886 года.

Альбом «Амурско-Приморская сельскохозяйственная и промышленная выставка 1–15 сентября 1899 г.» включает 65 фотоснимков

В. Мацкевича с изображением выставочного комплекса, внутреннего вида павильонов, общих видов разделов выставки и отдельных экспонатов, которые дают визуальное представление об обстановке и конкретных выставочных предметах, описанных в различных печатных источниках.

Одним из таких источников служит комплект газеты «Приамурские ведомости» за 1899 год. Газета оперативно информировала хабаровчан о подготовке выставки и опубликовала цикл статей с подробным описанием её работы. Авторами этих своеобразных отчётов были известные в крае личности: Н. П. Абаза, С. С. Бабилов, С. Н. Браиловский, С. Н. Ванков, М. С. Веденский, С. В. Гагин, И. С. Гущо, П. И. Делле, Н. Я. Домашнев, Ф. Р. Дульский, К. С. Евтушевский, П. Н. Кочетков, В. Т. Ковалёв, Н. А. Пальчевский, К. Е. Пфаффиус, П. Н. Поздеев, А. Г. Савицкий, А. Д. Старцев, Ф. Ф. Сущинский, М. И. Янковский.

В типографии канцелярии приамурского генерал-губернатора 31 октября 1899 года был отпечатан отдельный оттиск статей из «Приамурских ведомостей» под названием «Амурско-Приморская сельскохозяйственная и промышленная выставка в Хабаровске» из четырёх разделов: Открытие выставки; Общие очерки различных отраслей экономической жизни края и его культурного развития; Возможно подробное описание экспонируемых предметов, с указанием главнейших данных их производства; Отчёты по заседаниям сельских хозяев, учителей и врачей. (По предложению Н. И. Гродекова в рамках выставки прошли три съезда: Съезд учителей и духовенства Хабаровска, Съезд сельских хозяев и Съезд врачей Приморской области.) К оттиску прилагается список наград, определённых заключением 19 экспертных комиссий выставки и утверждённых генерал-губернатором края.

Наиболее полным источником информации по данной теме стала книга Е. Т. Смирнова «Приамурский край на Амурско-Приморской выставке 1899 г. в г. Хабаровске». Её автор Евгений Тимофеевич Смирнов входил в состав Комитета по устройству выставки и был участником многих заседаний Съезда сельских хозяев, проходившего во время её работы. Видимо, поэтому Е. Т. Смирнову было поручено составить не просто отчёт о прошедшей выставке, но дать, возможно, полный обзор производительных сил края накануне вступления его в «новую эру экономической жизни», связанную с предстоящим проведением Транссибирской магистрали. В книге, помимо материалов о выставке, при-

водятся сведения по истории освоения Приамурья, его физико-географическая характеристика и состояние экономического развития Дальневосточного края. Очерки написаны на основе печатных источников и архивных документов. В подготовке раздела «Сельское хозяйство» принял участие агроном Ф. Р. Дульский, а инспектор хабаровской женской гимназии С. Н. Браиловский помогал в работе над разделом «Народное образование».

Книга состоит из 12 глав и 14 приложений, включающих «Список премированных экспонентов», составленный делопроизводителем комитета выставки А. Ф. Москальцовым. В неё включены и материалы Съезда сельских хозяев, Съезда учителей в городе Хабаровске, прошедших в рамках Амурско-Приморской выставки, и несколько рефератов участников Съезда сельских хозяев: «Обзор коневодства в Амурской области» И. Корсака, «Описание хозяйства братьев Павла и Алексея Ланкиных» А. В. Ланкина, «О сельском хозяйстве в окрестностях г. Хабаровска» А. Тайшина, «Сельскохозяйственные заметки о ферме «Фик» и её производстве» Г. Фика, «Краткая записка об амурском пчеловодстве» священника Симеона Тихвинского и др.

И в публикациях газеты «Приамурские ведомости», и в книге Е. Т. Смирнова можно найти интересные подробности о подготовке выставки, которая началась более чем за год до её открытия. По ходатайству приамурского генерал-губернатора Н. И. Гродекова Министерством земледелия и государственных имуществ было разрешено провести в Хабаровске выставку для Амурской и Приморской областей в сентябре 1899 года. В июне 1898 года приказом генерал-губернатора был образован особый комитет по устройству и ведению дел Амурско-Приморской выставки под председательством помощника приамурского генерал-губернатора А. С. Беневского. В его состав были назначены управляющий государственным имуществом Приамурского края М. С. Веденский, окружной инспектор училищ В. П. Маргаритов, заведующий переселением в Уссурийском крае Приморской области Н. Л. Гондатти, горный инженер К. Е. Пфаффиус, представитель Амурского и Уссурийского казачьих войск, помощник начальника штаба Приамурского военного округа полковник А. А. Милюшин и хабаровский городской голова А. А. Рассушин. Делопроизводителем комитета был назначен А. Ф. Москальцов. Председателю комитета было предоставлено право приглашать в его состав людей, готовых содействовать устройству вы-

ставки. Воспользовавшись этим правом, комитет привлёк к работе многих частных лиц и представителей учреждений города.

Большую помощь в подготовке выставки оказали С. С. Бабилов, Ф. Р. Дульский, С. Н. Браиловский, О. И. Роговой, И. С. Гуцо, И. П. Надаров, В. Г. Мооро, Е. Т. Смирнов, Н. И. Богданов, А. И. Неудачин, А. В. Плюснин и др.

Амурско-Приморская выставка была устроена в казармах 10-го Восточно-Сибирского линейного батальона на северо-западной окраине Хабаровска, на возвышенной его части, откуда открывался прекрасный вид на город и его окрестности. Каменные красивые казармы состояли из четырёх, поставленных в ряд, одноэтажных просторных корпусов, разделённых каждый на два отделения. Во дворе находились конюшни и другие хозяйственные постройки, а также большая, на целый батальон, столовая, в которой разместились буфеты. Перед открытием выставки почти все здания внутри были отремонтированы, благоустроена территория, проложены дорожки, в среднем проходе между корпусами была установлена красивая входная арка по рисунку в русском стиле члена комитета А. В. Plusнина. По обе стороны арки стояли киоски для продажи входных билетов. Во дворе – помещения для музыкантов, круг для выводки лошадей, три отдельных павильона, построенных Рутковским, Янковским и Эльвангером для своих экспонатов, помещения для диких и домашних животных и птицы.

В деле устройства Хабаровской выставки активно участвовала городская дума. На её заседании 22 сентября 1898 года было заслушано «отношение распорядительного комитета выставки о принятии на счёт города очистки выставочной территории и организации дела доставки на выставку экспонатов с вокзала и пристаней». Дума приняла решение, что «городское управление принимает на счёт города очистку выставочной территории на месте расположения казарм 10-го в. с. батальона, устройство дорожек, доставку песку и организацию дела доставки к помещению выставки с вокзала и пристаней присылаемых из разных мест края экспонатов; раскупорку же экспонатов, как требующую, в большинстве случаев, присутствия специалиста, город на себя принять не может. В возмещение расходов город желает воспользоваться предложением комитета эксплуатировать выставочный буфет сдачею с торгов желающим».

Для облегчения доставки экспонатов и для проезда всех желающих посетить выставку по ходатайству генерал-губернатора были установлены льготы. «Приамурские ведомости» регулярно печатали «Извещения от распорядительного Комитета по устройству Амурско-Приморской сельскохозяйственной и промышленной выставки 1899 г. в г. Хабаровске», где расписывались условия льготного провоза экспонатов по Уссурийской железной дороге и на пароходах Амурского общества пароходства и торговли и Товарищества амурского пароходства, а также бесплатной пересылки экспонатов. Такие меры способствовали усилению интереса общественности к Амурско-Приморской выставке, что привело к росту числа присланных экспонатов. Залы многих отделов были переполнены.

Торжественное открытие выставки состоялось 1 сентября в 12 часов. День выдался солнечный, ясный, весёлый, по-летнему тёплый. Все залы и павильоны были украшены гирляндами зелени, портретами, картинами. Собрались администрация и представители всех сословий: военные, промышленники и купцы, крупные сельские хозяева и простые земледельцы, крестьяне и казаки. Прибывший на открытие генерал-губернатор Н. И. Гродеков провёл там больше пяти часов и отметил, что, даже не осматривая выставку, можно сделать вывод об её успешности, если судить только по количеству экспонентов, достигших 1 100, и числу экспонатов, которых было более 10 000.

Экспонаты выставки были представлены в 10 отделах: полеводства и сельской промышленности, садоводства, огородничества и цветоводства, лесоводства, животноводства и пчеловодства, охоты и рыбной ловли, горного дела, учебного и книжного дела, переселенческого дела, кустарной, ремесленной и фабрично-заводской промышленности с подотделом графических искусств, водных путей сообщения в Приамурском крае.

За две недели работы выставку посетили более 11 тысяч человек (было выдано 11 350 платных и бесплатных билетов). Большой интерес вызвали отделы с продукцией сельского хозяйства, особенно животноводства, где были представлены лошади, коровы, свиньи, выведенные в местных условиях. Привлекали внимание публики племенные домашние животные знаменитых хозяйств А. Д. Старцева с острова Путятина и М. И. Янковского с полуострова Сидеми. Удивляли успехи садоводов. Эта отрасль сельского хозяйства так же, как и любительское садовод-

ство, не была распространена в крае. Слабее была представлена на выставке промышленность, но и здесь были интересные экспонаты, которые по итогам работы выставки получили поощрения.

Экспертные комиссии по всем отделам выставки подводили итоги, результаты которых утверждались генерал-губернатором. На закрытии выставки 16 сентября Н. И. Гродеков лично вручил награды: медали, кубки и похвальные листы, присланные разными правительственными учреждениями и от выставочного комитета. Всего была вручена 351 награда от 12 министерств, комитетов и обществ: 3 золотых медали и 1 свидетельство на малую золотую медаль, 53 серебряных и 70 бронзовых медалей, 2 серебряных кубка и 222 похвальных листа и похвальных отзыва комитета выставки.

Золотых медалей были удостоены землевладелец Г. А. Фик, хозяин образцово организованного хозяйства около г. Никольск-Уссурийского, за научную разработку вопросов по сельскому хозяйству Южно-Уссурийского края и акклиматизацию различных культур европейского, американского и китайского полеводства, С. С. Шадрин из Благовещенска – за чугунно- и медно-литейное производство и Управление государственным имуществом Приамурского края по лесному ведомству – за полное систематизированное представление лесного дела и местной дендрологии. Свидетельство на малую золотую медаль Императорского московского общества сельского хозяйства и серебряную медаль государственного коннозаводства получил М. И. Янковский за успехи в коневодстве и образцовую постановку конюшни верховых лошадей.

Среди обладателей серебряных медалей были также землевладелец Г. О. Рутковский из Никольск-Уссурийского и его жена В. В. Рутковская, отмеченные за успехи в животноводстве и, в частности, за лучшие экспонаты разных пород домашних птиц, Г. И. Мурашев, М. С. Введенский, К. В. Абаза получили серебряные медали за распространение в крае плодоводства и полезных культур. Братья Хлебниковы – за местное виноделие. Коммерции советник А. Д. Старцев – за техническое обустройство хозяйства в его имении Родное на острове Путятина и особенно за фарфоровое производство. Купец первой гильдии Тифонтай – за предоставленные им меха.

Два серебряных кубка получили Анна Беженка и гильячка Пальтакэ за искусно выделанные рыбы кожи. Призёрами выставки за хорошую постановку учебного дела и эстетического образования стали несколь-

ко учебных заведений Хабаровска, Владивостока, Благовещенска и Николаевское-на-Амуре горное училище.

14 ноября в газете был опубликован большой список экспонатов, которыми пополнился Хабаровский музей после закрытия Амурско-Приморской сельскохозяйственной и промышленной выставки. Среди дарителей имена Свягина, Старцева, Хлебникова, Москалёва, Линдгольма и других участников выставки (всего более 25 фамилий), передавших в музей фотографии, модели машин и оборудования, продукты промышленного и кустарного производств.

Подводя итоги выставки, газета «Приамурские ведомости» писала: «Выставка затронула все стороны местной жизни, причём она показала многое такое, о чём не только нет никакой литературы, но что явилось откровением для старожилов края и его знатоков». В газете подчёркивалось также, что выставка стала выдающимся явлением, которое дало толчок дальнейшему развитию Приамурского края, указав пути поиска новых возможностей развития сельского хозяйства, промыслов, промышленности, торговли.

Ю. В. Ефименко

ТИХООКЕАНСКИЕ ВОРОТА ПЕТРА ПЕРВОГО

Вполне скромно, не очень-то заметно прошло недавно 365-летие Охотска. Сам по себе факт очередной годовщины основания одного из райцентров Хабаровского края не относится, разумеется, к событиям чрезвычайного порядка, когда шум и гвалт поднимаются на всю российскую вселенную. К примеру, как вокруг юбилеев обласканных властью ребят. Более всего огорчает, что широкого интереса не было отмечено даже на родном Дальнем Востоке. И сами-то мы, дальневосточники, не имея на то никакого умственного и нравственного права, подзабыли, что как раз Охотск и стал тем золотым ключиком, которым были открыты для России могучие тихоокеанские ворота.

Есть у нас это хроническое, как зимний насморк, досадное неумение извлекать заведомую пользу даже из внешне вроде бы неброских событий. Политическую для начала: показать всему миру, каковы наши исторические святыни и что не забываем, чтим их, как свои бесспорные завоевания. Коль хотим уважать самих себя и от других уважения ожидать.

На российском Дальнем Востоке, от Чукотки и до залива Петра Великого, нет более коренного русского селения, чем Охотск. Основанный ещё в 1647 году, он изначально стал прародителем и вовеки останется патриархом дальневосточных городов. Как и вослед сибирским – ярчайшим свидетельством победного выхода русского народа из чёрных дней Великой Смуты со славой не только ратно-освободительной, но и той, которую можно обоснованно назвать – Трудовой!

Таково его подлинное место и достоверное звучание в истории страны.

Охотский прорыв...

...русских первопроходцев, вместе с выходом Дежнёва к Берингову проливу, по праву относится к великим географическим открытиям.

Кто, как и сколько бы ни придирался к ним, какие бы среди них ни встречались герои и антигерои, это была наиболее даровитая часть рус-

ского народа, будто генетически приспособленного к дальним и долгим дорогам. Как никто другой, они умели одолевать зыбкие тяготы пути через неизведанные земли. Отменно мастеровитые и дорожно выносливые, они прекрасно владели грамотой многих ремёсел. Им ничего не стоило – где крепость срубить для зимовки, где смастерить речные и морские суда. Водился за ними и ещё один важный и столь же прочный навык: удивительной устремлённости движения именно встреч солнцу. Точно неугасимо, сродни святой заповеди, хранили заложенную неразлично дальними предками память о неведомом и притягательном море-океане, который надлежало непременно разыскать.

Исследовательски, строго говоря, наипервейшее русское, да, стало быть, и европейское, жильё на берегу Охотского моря появилось чуть раньше. В 1639 году после долгого перехода от Якутского острога его поставили в устье реки Ульи томские и красноярские казаки Ивана Москвитина. Разыскивая крупную Лама-реку, по которой, по словам эвенков, можно было доплыть до самого Китая, они и назвали открытое ими море Ламским. Кстати, это в их отчётах впервые появились сведения и об Амуре.

Укреплённое зимовье на Улье послужило Москвитину базой для обследования южной и северной частей морского побережья, на что ушло два года. Плаванью от Ульи до реки Охоты выходило три дня. По сведениям историков, тогда же и на реке Охоте ими был сооружён, в духе фактории, небольшой острожек, который, будучи оставленным, вскоре был разорён коренными жителями. А вот крепостица на Улье дождалась через несколько лет следующего отряда – Василия Пояркова, кто на обратном пути оставил тут свои морские кочи и небольшой гарнизон в двадцать человек во главе с Еремеем Васильевым.

В следующий раз русские первопроходцы вышли к Охоте сушей. В 1642 году со стороны Оймякона сюда добрался отряд Андрея Горелого, подтвердив сведения Москвитина о богатствах земель в междуречье Охоты и Кухтуя.

Для их освоения с задачей прочно обосноваться, построив постоянное селище, был направлен Семён Шелковник с сорока служивыми. По пути, в устье Ульи, они соединились с оставшимися поярковцами и на их кочах добрались до места. Вот они-то сообща и стали первостроителями и первожителями Охотска.

Но, истины ради говоря, далеко не всё шло так уж гладко. Шелковник не зря прихватил с собой казаков Пояркова. Началось с того, что местное население числом более тысячи человек, по сведению самого Шелковника, напало на его сводный отряд. В итоге Шелковник «за большим боем Охоту взял и зимовье поставил...». Стал он ясак собирать и продолжать исследование близких и дальних окрестностей. Но вскоре заболел и слёг навеки в охотскую землю. После одного из восстаний эвенков, когда две трети казаков ушли морем разведывать новые земли, оставшиеся отступили к Улье, острожек был разорён и сожжён. Но уже через пару лет восстановлен вновь.

Название реки и острога, как утверждают специалисты, пошло от эвенков. То ли от слова «ахоть» – большая, то ли «охат» – река. А, поскольку казаки филфаков не кончали, то, как водилось, просто приспособили слово к чисто русскому и удачно созвучному – «охота».

Заметим, что поселение Семёна Шелковника было выстроено в трёх верстах от устья Охоты, на берегу протоки Амунки. Дальнейшее приближение Охотска к морю с выходом строений на Охотскую кошку было напрямую связано с его сразу же определившимся портовым значением.

Петровский век Охотска...

...продлился в виде его тихоокеанской службы добрых двести лет. И навсегда останется самой яркой и славной страницей во всей дальневосточной истории.

С первых же лет отсюда стали уходить вдоль охотских берегов суда, сделанные на охотских и урацких верфях. Одни – на юг, до Удского острога и Шантарских островов, другие же – всё дальше на восток в поисках морского пути на Камчатку, куда уже шли сухопутьем первые первопроходческие отряды.

И отцом родным Охотского порта следует почитать Петра Первого.

Отстояв от шведов Архангельск и пробив балтийское окно в Европу, помышляя уже о возвращении на Амур, он вплотную занялся и новейшим, самым восточным из портов России. Именно по его указу 1713 года об отыскании морского пути на Камчатку в Охотск прибыли лучшие из архангельских корабелов и мореходов. Их руками в 1716 году

была построена и спущена на воду большая морская ладья «Восток», оснащённая компасом и «навигацкими приборами». На подобных поморы хаживали до Новой земли и по Северному Ледовитому океану к устьям сибирских рек. Ладья «Восток» первой достигла Камчатки.

С этого часа можно заговорить и о начале морского судостроения на Дальнем Востоке. И о первой дальневосточной регулярной морской трассе. А штурмана-помора Никифора Треску, кто управлял «Востоком», признать первейшим тихоокеанским капитаном в России.

Дальновидный царь Пётр Первый не упускал из виду Охотска до конца своей жизни, какими бы иными делами не был по горло загружен. Одна за другой по его указам уходили отсюда исследовательские экспедиции. И раскрывались на картах всё новые заливы и берега Охотского моря, Камчатки, Чукотки, уточнялись Курильские, Командорские и Алеутские острова, земли Японии и Америки. По его воле здесь была снаряжена и отсюда отправилась Первая, а затем и Вторая Камчатские экспедиции В. Беринга. Опыт первой же убедил, что в тяжёлых условиях затяжных океанских плаваний суда охотских корабелов были надёжны, а мореходы Охотска – крепки перед лицом любых испытаний.

На том основании 10 мая 1731 года правительственным указом Охотск и был официально титулован портовым городом, морскими воротами России в Тихий океан, оставаясь таковым до середины XIX века, когда его портовую вахту подхватит им же рождённый город-порт Петропавловск-Камчатский.

Вот и первым командиром Охотского порта был назначен петровский сподвижник Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев, кто, как отмечает его современник, «был человеком необыкновенного ума и пользовался отличным благоволением Петра Первого». Скорнякову-Писареву было приказано наладить не только портовую, но и хозяйственную жизнь Охотска, «дабы оное новое место с добрым порядком к пользе и прибыли государственной приведено было».

Любопытно отметить в выданной ему правительственной инструкции и такое место об отношениях с коренным населением: чтобы «с тамошним народом поступали порядочно».

При Писареве и его преемнике, графе Девиере, тоже из «петровцев», возведение Охотского порта было завершено. К середине XVIII века Охотск представлял собой опрятный город, сложенный из двух частей: слободы Камчатских экспедиций с тридцатью тремя частными домами,

пятью казармами, шестью магазинами, кузницей и самого города с государевым двором, канцелярией, сорока частными домами, казармой, тремя мастерскими, двумя судостроительными верфями, пятью лавками, церковью, подсобными строениями.

Так закладывался и вставал на ноги тихоокеанский форпост России.

Да вот и море-то, поименованное поначалу Ламским, вовсе не случайно с XVIII века стало писаться «Охоцким», так и закрепившись, в конце концов, на картах всего мира.

И дальневосточникам пора бы уже задуматься и однажды на всех законных основаниях поставить памятник Петру Первому именно в Охотске – самое место! Как сам царь, так и город заслужили того!

И другие замечательные страницы

Заглядывая в историю Охотска, поражаешься: как много было ему дано! И как бы звучало, если бы не наша бездарная забывчивость.

Как раз в нём была заложена основа и дальневосточного образования. Ещё в 1732 году здесь была открыта «навигацкая» – мореходная школа. За ней несколько лет спустя – первая на Дальнем Востоке народная школа для детей младших чинов.

Да вот и пошло в рост промышленное производство: вслед за верфями, где с годами строились всё более крупные и современные суда, включая бриги и бригантины, появился вначале завод солеваренный, а за ним и кирпичный. И оба – не только для внутренних нужд, но и для поставок на Камчатку, в Русскую Америку.

Именно Охотск был нашей первой военно-морской базой с дислокацией и первой военной флотилии – Охотской. С задачей охраны тихоокеанских рубежей страны.

С Охотска же начинается история дальневосточных библиотек. Самая первая была собрана при штурманском училище. В 1823 году в ней насчитывалось 344 книги. Но её явно не хватало охотчанам, коих уже проживало более пяти тысяч. И в 1830 году офицеры Охотской флотилии основали за счёт отчислений со своего жалования первую общественную библиотеку. К 1850 году книг в ней уже было 2 151 том! На душу населения по тому времени – самый читающий город России!

Между прочим, факт малоизвестный и забытый: Охотск сыграл свою роль и во внешнеполитической жизни страны – в установлении связей с Японией. Отсюда к ней отправлялись «контактные» экспедиции. И долгое время японцы, следуя своей категоричной закрытости, отказывались их принимать. В 1792 году, по указу Екатерины Второй, из Охотска отплыла бригантина «Екатерина» с официально назначенным послом в Японии Адамом Лаксманом. В Немуро «Екатерине» дано было разрешение перейти в Хакодате, где в итоге переговоров Лаксману удалось добиться от японского правительства решения о прибытии на следующий год в Нагасаки русского судна для установления торгового соглашения. Екатерина Вторая вскоре скончалась. Император Павел особого интереса не проявил. Шанс был упущен. Но не вина это ни Лаксмана, ни охотских мореходов.

Ничуть не менее ярким событием, связанным с Охотском, было появление в нём в 1775 году незаурядного человека – иркутского купца-морехода, подвижника и пионера исследований и освоения Русской Америки Григория Шелихова. Его мысли и предложения привели вскоре к образованию уникальной Российско-Американской компании, куда одним из ведущих пайщиков вступил сам император Александр Первый. Охотск же, благодаря деятельности компании, стал не только её базой, но и главным торговым портом России на Тихом океане с торговым балансом в 155 000 рублей. Крупной по тем временам суммой.

Ещё одной знаменитостью, чьё появление в Охотске стоит заметить, был путешественник и друг Ломоносова Степан Крашенинников.

И особенного внимания заслужил Фёдор Иванович Соймонов, незауряднейший человек. Тоже из ближайших петровских соратников, очень много сделавший после смерти Петра для продолжения его дел и, в частности, для успеха Второй Камчатской экспедиции Беринга. Судьба и жизнь Ф. И. Соймонова удивительны. Для романа! Всё в духе бурного XVIII века – Петрово-Ломоносовской эпохи. Вовсе не боярский сын. В 1708 году окончил московскую навигацкую школу. В 1711 году на морской практике в Голландии. Воевал со шведами на «Ингерманланде» подле Петра. Провёл картографическую съёмку части Балтийского и всего Каспийского морей. И после смерти Петра оставался. Перед арестом был уже вице-президентом Адмиралтейств-коллегии, видным государственным деятелем. По подозрению в заговоре и по воле Бирона в 1740 году в возрасте 58 лет был бит кнутом и сослан в Охотск на веч-

ную каторгу. Попал на Уракскую солеварню. Но Бироны предполагают, а располагает же история: в Охотске Соймонов долго не пробыл. С победой дочери Петровой Елизаветы был освобождён и восстановлен во всех правах, как и опальные Писарев, Девиер. Так вот, Соймонов, кому можно было бы и на покой, добровольно выбрал Сибирь. Возглавил Секретную Нерчинскую экспедицию, готовившую в середине XVIII века большой сплав по Амуру с изучением самой реки, её берегов и притоков, мест для жительства и с занятием его устья. За сто лет до Невельского! Не по его вине сплав не состоялся, но Соймонов, став вскоре сибирским губернатором, так и не выпускал из виду Охотский порт с его нуждами. Много сделал для его укрепления и развития. А, вернувшись по старости в Москву, прожил до 98 лет!

Петровские сподвижники, чей вклад в становление и жизнь Охотска был очень существенен, – интереснейшая страница в жизни всей нашей страны. И они ещё ждут своего часа – стать объектом самого пристального внимания исследователей.

Вот такая незаурядная раскладка исторических имён, событий и значений за недавним юбилеем, посёлком городского типа, райцентром Охотском. Между прочим, и первым европейским поселением на всём северном побережье Тихого океана по обе его стороны.

И давно пора привыкать к той истине, что Пётр Первый пробил не одно окно – в Европу, а целых два – с Тихоокеанским. И значение этого его государственного поступка будет только возрастать.

17.04.2013.

Т. В. Фонова

НЕЛЬКАНСКИЕ КЛЮЧИ К ОХОТОМОРЬЮ

На северах края есть присказка: «Я объехал много стран – Охотск, Аян и Чумикан». Районные центры самых отдалённых и больших по площади районов края с площадью поболее иных европейских стран. Но не только этим они приметны, а и своей историей: в 2012 году 365-летие отметил Охотск, в 2013-м исполнилось 195 лет селу Нелькан Аяно-Майского района.

Многие годы название посёлка связывалось с красивой эвенкийской легендой о девушке Нельке, сидевшей на берегу красавицы-реки Мая. В действительности же название посёлка традиционно привязано к местности, и у него эвенкийские корни. На их языке «нель» означает стрелка – место слияния двух рек. Так и есть: Нелькан расположен там, где река Чуя впадает в реку Мая. Суффикс «кан» означает: «тот, кто здесь живёт».

Только в двухтысячных годах стала известна точная дата рождения Нелькана. Благодаря Ольге Всеволодовне Сысоевой, сотруднице краеведческого музея имени Гродекова. В 80-х годах она работала в Государственном архиве Саха (Якутия) и наткнулась на документы Якутского воеводства. Нелькан Ольге Всеволодовне был знаком, ведь её отец, Всеволод Петрович Сысоев, известный писатель-краевед, охотовед, будучи директором краеведческого музея, в конце 60-х годов приезжал сюда за бивнями мамонта, найденными в майской земле.

Важно подчеркнуть, что речь идёт об официальной дате рождения Нелькана, закреплённой государевыми людьми на бумаге. При этом основание таких населённых пунктов, как правило, происходило не на пустом месте: здесь издавна жили и здравствовали коренные жители – эвенки, которые охотились, рыбачили, занимались оленеводством. Лучшего их портрета, чем сделал известный российский учёный А. Ф. Миддендорф, не найти: «Это горный народ. Они исполнены приличия, ловки, предприимчивы до отваги, живы, откровенны, самолюбивы, охотники наряжаться, а вместе с тем закалены физически». Так написал Александр Фёдорович в отчёте о своём путешествии на Север и Восток Сибири в 1846 году.

Но, наверное, не было бы посёлка Нелькан как такового, с постоянным населением, да несчастье помогло. В 1816 году в Якутии случилась страшная эпидемия сибирской язвы. Якуты лишились почти всех лошадей, оборвался подвоз продовольствия в отдалённые районы, начался массовый голод у кочующих тунгусов. Тогда и было принято государственное решение об открытии повсеместно на северо-востоке хлебозапасных магазинов, чтобы поддержать местный люд в трудную годину.

По распоряжению Якутского областного управления в 1818 году для организации такого магазина к местам проведения ярмарок тунгусов направляются служивые казаки Проконий Новгородов и Григорий Ципандин.

Смотрителю нельканского магазина было дано письменное распоряжение: «Желая оказать пособие потерпевшим разорение тунгусам, предписываю отправить тем тунгусам, кои по ближайшему удостоверению твоему и Родового управления более прочих терпят от разорения голодовку, на пропитание из Нельканских магазинов 50 пудов провианта по казённой цене, разделяя из онаго каждому такое количество, какое будет приходиться и не иначе, как под круговое их и Родового управления поручительство, а деньги за оной взыскать с них в будущем году».

Служивые казаки были людьми православными и как раз в святой день празднества Всемилоственного Спаса и Пресвятой Богородицы положили начало доброму и важному делу: 1 августа 1818 года сделана первая запись об открытии хлебозапасного магазина в урочище Нелькан.

С годами менялись смотрители магазина, магазин вскоре стал снабжать охотников-эвенков ещё и порохом, свинцом, солью. В Нелькане была открыта своя соляная стойка. Суть магазина не менялась вплоть до 1848 года, когда он перешёл в ведение Российско-Американской ком-

Обоз на Нелькано-Аянском участке Якутско-Аянского тракта (начало XX в.)

Современный Нелькан

пании. И до 1867 года (до сворачивания деятельности РАК) магазин принадлежал компании.

Великие люди тоже побывали в Нелькане. В 1849 году Аянским трактом прошёл генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв, ещё не имея титула «Амурский». В 1854 году он вновь проезжает через Нелькан в сторону Иркутска после Первого Амурского сплава. Не раз сюда наведывались Г. И. Невельской, В. С. Завойко, знаменитый подвижник – архиепископ Камчатский и Алеутский Иннокентий. Кстати, дочь архиепископа Екатерина пела в церковном хоре Нельканской церкви, сын Гавриил был настоятелем храма Благовещения Божией Матери. Они обозревали окрестности Нелькана так же, как и мы делаем сегодня. О чём думали эти люди, неизвестно, но то, что они шли трудной дорогой во имя интересов России, бесспорно.

В 1851 году Аянский тракт становится казённым почтовым, а Нелькан – одной из его станций. То есть статус Нелькана стал государственным. Началось формирование притрактового служивого населения. Первыми переселенцами стали крестьяне-старообрядцы из Забайкалья (в основном скопцы). Большая их часть расселилась в Усть-Мае, а в Нелькан прибыли крестьяне Бушковы, Березовские, Протодьяконовы, Сукневы – люди, искавшие свободу и землю. В 1852 году начинается сбор

средств на возведение православной часовни. Сбор податей на притракттовую часовню длился десять лет: с 1852-го по 1862-й, а само строительство уложилось в один год. И в 1864 году её освятил сам архиепископ Камчатский и Алеутский Иннокентий.

Среди имён в подписных листах прихода встречаются как широко известные, так и неизвестные нынешнему поколению: голова Эжанского рода Александр Карамзин, начальник Аянского порта Кашеваров, казак Иннокентий Решетников, Егор Новогородов, сын Прокопия Новогородова, того казака, который вместе с Григорием Ципандиным в 1818 году организовали запасный магазин.

Долгие годы на всём Аянском тракте имелись только две церкви – в Аяне и Нелькане. Когда часовня в Нелькане сгорела, на пожертвования местных прихожан была построена уже церковь. Но и её поглотил огонь. Храм, который сегодня красуется в центре Нелькана, был выстроен в 1914 году. В те годы церковь была центром не только духовной, но и социальной жизни.

Церковь Благовещения Божией Матерью является «сестрой» столичного храма Христа Спасителя, потому как сделана по проекту одного и того же архитектора – Константина Андреевича Тона. Он, будучи ещё студентом, подрабатывал составлением типовых проектов церквей для провинциальных епархий, и Якутская епархия выбрала для Нельканской церкви именно его проект, чуть изменив лишь с поправкой на сильные морозы.

На закладном камне написано: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа основана сия церковь в честь и память Благовещенья Пресвятой Богородицы при державе благочестивейшего и самодержавнейшего господина нашего императора Николая II в святительство Мелетия, епископа Якутского и Вилюйского в лето от Рождества по плоти Бога Слова 1914

Церковь
в Нелькане

Участники праздника в Нелькане

августа 26 дня. Аминь». Храм был освящён в сентябре 1915 года. В приходно-расходной книге церкви отмечено, что «строительство осуществлено на средства доброхотных жертвователей и обошлось в 10 880 руб. 30 коп». В 2014 году Нельканской церкви – 100 лет!

Самым непростым временем в истории Нелькана стали годы на смене веков и первых десятилетий XX века. После упразднения Российско-Американской компании в Нелькане осталось 7 дворов, в которых проживало всего 18 человек. Жизнь закипела с началом «чайного пути», когда из Китая в Якутск, а оттуда в Иркутск доставлялся китайский чай, и население значительно выросло. Из Русской Америки и Японии морем в Аян стали доставлять плиточный и байховый чай. В год перевозилось до 100 тысяч ящиков, за что тракт и был прозван – чайным. К началу навигации в Нелькане собирались до 200 якутов-рабочих. Подключались к чайному делу зимой и каюры-эвенки.

Вот как писал о Нелькане 1903 года ссыльный инженер Попов, изучавший наиболее удобный и безопасный путь через Джугджур: «Население Нелькана состоит из 3–4 купеческих семей, священника, пса-

Фотография на память

ломщика, урядника, вахтера казённого ряда, нескольких тунгусских семей. Зимой, на Страстной неделе, здесь бывает ярмарка и тунгусское собрание, на которое съезжаются до 100 тунгусов». Жизнь села была, что называется, на пике. Вплоть до того, что остро потребовались свои, местные грамотные люди. Для этой цели в 1902 году была открыта церковно-приходская школа. Её первым учителем был священник Нельканской Благовещенской церкви отец Василий Мальцев. Вскоре в школу прибыли учителя, и фактически с этого времени началось становление образования в селе Нелькан.

С приходом новой власти в Нелькане началось самое неустойчивое время. С 1914 года село относилось к Якутской области, Якутскому уезду, впоследствии и к Якутской АССР. В 1920 году Нелькан был выделен из состава Алдано-Майского улуса, став самостоятельным улусом. В 1923 году была образована Дальневосточная область. Якутская АССР в неё не вошла, но порт Аян был отнесён к территории ДВО и входил в Камчатскую губернию. В те годы вопрос административно-территориального деления вообще был настолько острым и запутанным в части межнациональных, экономических, политических проблем, что

это стало причиной то и дело возмущённых выступлений местного населения. Добрых десять лет местную власть представляли улусные революционные комитеты. Первым председателем нельканского улусревкома был Бушков Николай Васильевич, расстрелянный в 1922 году контрреволюционерами.

Нелькан в силу своего географического положения оказался в гуще тех событий. О таких, как поход Пепеляева, известно много. О других же – выступлениях Артемьева, Галибарова, Карамзина – слишком мало. Время было такое, что разобраться, кто стоял за белых, кто за красных или зеленых, невозможно. Председатель улусного ревкома П. С. Жерготов, который в январе 1926 года проводил собрание нельканцев об открытии школы, в декабре 1927 года уже будет расстрелян как враг народа.

Наконец, 10 декабря 1930 года был образован Аяно-Майский район в составе национального Охотского Эвенского округа Дальневосточного края. Нелькан вошёл в состав национального округа в Аяно-Майский район, но как административно-территориальная единица до 1932 года так и относился к Якутской АССР.

Честно говоря, и территориальное и географическое положение села должны были бы сыграть в пользу Нелькана как районного центра. Решение принималось сугубо политическое. Именно русский посёлок Аян стал навсегда центром Аяно-Майского района. Хотя и по сей день, если кому-то надо добраться из Аяна в Джигду или Аим, все сёла района не минуют Нелькана. Да и народохозяйственные грузы в советские времена предпочитали завозить по Мае из Якутии через Аим в Нелькан и уже отсюда обеспечивать сёла продовольствием и товарами.

В советские годы Нелькан славился совхозом-миллионером «Нельканский», основная деятельность которого была связана с традиционными видами промысла коренных жителей. Охота на пушного зверя, оленеводство были главными отраслями села и района. Северных оленей насчитывалось около 16 тысяч голов. Якутия приобрела на племенное стадо оленей Тотты, Нялбанди, Маймакана. В 1992 году совхоз был разобран на 17 малых предприятий. В итоге ни одного предприятия сегодня нет в живых, а в частных оленеводческих хозяйствах осталось чуть более 400 оленей.

Богата майская земля полезными ископаемыми: золотом, платиной, серебром. Месторождение Кондёр – уникальное и единственное по объ-

ёмам платины в нашей стране. Именно в Нелькане базировалась Аяно-Майская геолого-разведочная экспедиция, давшая Родине приросты драгметаллов на десятки лет. Но и её не пощадило время новых перемен. В 1994 году экспедиция была закрыта, высококлассные специалисты пошли работать милиционерами, воспитателями, библиотекарями.

В разные годы первыми лицами Нелькана были Кошелёв Егор Маркович, Тарабыкин Николай Семёнович, Ефимов Пётр Егорович, Стручков Афанасий Константинович, Соколовский Иван Анатольевич, Новичков Александр Анатольевич, Аверин Григорий Алексеевич, Брекоткин Леонид Иванович, Шишова Мария Семёновна, Захарова Александра Васильевна, Шуваев Алексей Михайлович, Карпов Константин Лукич, Кирилин Илья Иннокентьевич, Дубовой Степан Афанасьевич, Смирнова Серафима Николаевна, Любцова Лариса Алексеевна, Альбертовский Николай Романович, Кочкин Геннадий Сергеевич, Храпов Гарольд Николаевич, Наумов Иван Ильич, Прохоров Николай Сергеевич, Новак Иван Львович, Пилипенко Татьяна Олеговна, Шулятьев Александр Валентинович.

В памяти и в сердцах нельканцев каждый глава села оставил особый след. Один из первых председателей сельсовета Николай Семёнович Тарабыкин – человек очень сложной судьбы: рано овдовев, сам поднимал малолетних детей. В 1938 году по ложному доносу был выслан в Магаданскую область. Спустя многие годы реабилитирован посмертно.

В трудные военные и послевоенные годы руководил сельсоветом фронтовик Иван Анатольевич Соколовский. А Григорий Алексеевич Аверин запомнился жителям села, да и всего района, сначала как кинемеханик, кто первым здесь начал крутить кино, и поэтому к нему относились почти как к волшебнику. И авторитетом он обладал огромнейшим. Старожилы до сих пор помнят, как Г. А. Аверин собирал нельканцев на тушение пожара, когда на другом берегу Маи горел лес: взобрался на колокольню и стал бить в колокол, как в набат. Он был человеком открытой души и мастером лепить чудо-пельмени.

Вспоминают тепло и Серафиму Николаевну Смирнову, умевшую не только на улицах села, но и в домах, в семьях нельканцев приструнить, присовестить наиболее буйных. Как о хорошем хозяйственнике говорят наши жители о Степане Афанасьевиче Дубовом. Как о душе-человеке – о Геннадии Сергеевиче Кочкине.

Все они внесли свою лепту в становление Нелькана, и огромная им благодарность от потомков, сегодняшних нельканцев.

Сейчас в Нелькане зарегистрировано 478 дворов, и проживают 1 116 человек. Здесь дружно бок о бок живут эвенки и русские, украинцы и татары, якуты и нанайцы. Здесь много смешанных браков.

Гости Нелькана всегда отмечают необычную красоту этого уголка дальневосточной земли. Зимой в Нелькане – искрящийся кипенно-белый снег и ярко-синее без облаков небо. Весной – цветущие волны багульника и аромат черёмухи. Летом – богатство лесных даров – чудо-ягод: маховки, охты, морошки, княженики, голубицы. Осенью – разноцветье лесных платьев осины, рябины, лиственницы и орешки кедрового стланика. Восхищает гостей и рыбалка на тайменя, хариуса, окуня.

Приезжающие в Нелькан отмечают также, что здесь и люди особенные. И, действительно, нас, нельканцев, отличает открытость, лёгкость на подъём, порой излишняя шумливость. Наверное, всё это связано с тем, что Нелькан всегда был и остаётся на перекрёстке всех дорог района, в центре всех событий.

На День села 1 августа сюда съезжаются со всех сёл района. В обязательной программе праздника: научно-практическая конференция «Встречь солнцу», концерт художественной самодеятельности артистов Аима, Аяна, Джигды и Нелькана и уха на берегу Май для всех желающих.

195 лет – возраст немалый, но его жители верят, что лучшие годы селения ещё впереди.

К. Н. Зилова

КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ И. А. ГОНЧАРОВА НА ФРЕГАТЕ «ПАЛЛАДА»

Иван Александрович Гончаров, один из великих русских писателей, совершил в 1852–1854 годы кругосветное путешествие на фрегате «Паллада» в составе экспедиции вице-адмирала Е. В. Путятина в качестве его секретаря, уже будучи автором известного романа «Обыкновенная история».

Что мы знаем о его путешествии? Что предшествовало столь важному событию в его жизни? Как продолжалась его творческая жизнь позднее?

И. А. Гончаров родился 6 (18) июня 1812 года в городе Симбирске. Его отец и мать из купеческого сословия. В большом каменном доме, напоминавшем барскую усадьбу, в центре города проходило детство будущего писателя. Отсюда он знал барский быт дореформенной России, описанный им в романах. Когда ему исполнилось семь лет, умер отец. Много внимания его воспитанию уделял его крестный отец Н. Н. Трегубов, в прошлом моряк. Первоначальное образование Гончарова – домашнее. Продолжал обучение в частном пансионе. В десятилетнем возрасте его отправили в Москву, в коммерческое училище, где он провёл восемь лет. Надежды матери сделать сына коммерсантом не оправдались – его увлекли гуманитарные науки.

В 1831 году И. А. Гончаров поступил в Московский университет на словесный факультет. Шла эпоха политической реакции после подавления восстания декабристов. Чем больше был гнёт, тем чаще возникали очаги вольномыслия. Одним из таких центров стал Московский университет. Одновременно с Гончаровым здесь учились Белинский, Герцен, Огарёв, Лермонтов, Тургенев, Аксаков. Создавались студенческие кружки. Студенты много читали, стремились самостоятельно искать ответы на вопросы, которые преподносила им действительность.

И. А. Гончаров

Фрегат «Паллада»

В такой атмосфере напряжённой духовной жизни и оказался Гончаров. Университет обогатил его знаниями, раздвинул духовный горизонт, пробудил в нём стремление к дальнейшему развитию. Это позже отразилось в творчестве Гончарова.

Окончив в 1834 году университет, Гончаров вернулся в Симбирск и уви-

дел, что здесь ничего не изменилось. Он решил уехать навсегда из родного города. Но симбирский губернатор предложил Гончарову занять должность его секретаря. Иван Александрович не посмел отказаться. Служба в канцелярии губернатора помогла увидеть изнутри многое в чиновничьем омуте и многое понять в бюрократическом механизме губернской администрации. Эти живые впечатления пригодились будущему писателю. Он уезжает в Петербург, где сближается с семьёй Майковых. Глава семьи Николай Александрович был крупным художником, академиком живописи. Его сыновьям, Аполлону и Валериану, Гончаров преподавал латынь и русскую словесность. Впоследствии Аполлон Майков стал известным поэтом-лириком. Их дом был культурным центром Петербурга. Здесь собирались писатели, художники, музыканты, царил культ восторженного, романтического отношения к искусству. И. А. Гончаров отдал дань увлечению романтизмом.

1840-е годы – расцвет творчества Гончарова. Произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя положили начало реализму в русской литературе. Писателей интересует повседневная жизнь народа, антикрепостнические настроения в обществе. Гончаров отходит от романтизма, реализм стал его творческим методом.

Первый роман Гончарова «Обыкновенная история» появился в 1847 году на страницах «Современника». Названием романа писатель подчёркивал типичность процессов, изображённых в произведении. Это было развенчание барского романтизма.

В октябре 1852 года в жизни И. А. Гончарова произошло важное событие: он стал участником кругосветного путешествия.

Экспедиция была снаряжена с целью инспектирования русских владений в Северной Америке, а также для установления политических и торговых отношений с Японией. Иван Александрович, вспоминая рассказы своего крёстного Трегубова о его морских путешествиях, не предполагал, что однажды сам будет участником крупного мероприятия. По характеру Иван Александрович был кабинетным человеком, его мучили сомнения, правильно ли он поступает. Столь длительное путешествие было сопряжено со многими опасностями, трудностями, к тому же он был далёк от морской деятельности, но он понимал, что это путешествие обогатит его знания о мире, поможет в творчестве. Как писатель он осознал, что общество будет ждать от него больше, чем просто описания увиденного.

Руководителем экспедиции был назначен Е. В. Путятин – моряк, дипломат, государственный деятель, активный проводник российской политики в Азии. Командовал «Палладой» И. С. Унковский, выдающийся командир русского парусного флота, ученик флотоводца и учёного одного из первооткрывателей Антарктиды – адмирала М. П. Лазарева. В состав экспедиции вошли и другие видные моряки, путешественники и ученые: А. А. Халезов (Дед), совершавший на «Палладе» четвёртое кругосветное путешествие и сподвижник Г. И. Невельского, К. Н. Посьет, автор «Писем с кругосветного плавания», ставший почётным членом Академии наук и Географического общества, Д. С. Честной (о. Аввакум), крупный востоковед, владевший китайским языком, А. Ф. Можайский, впоследствии известный воздухоплаватель, оставивший альбом с рисунками о гибели «Дианы». Кроме подлинных личностей, Гончаров выводит в книге и литературно очерченных героев – матросов и офицеров, весь тот, по словам Гончарова, «маленький русский мир, с четырьмястами обитателей, носившийся два года по океанам».

В эскадру, кроме «Паллады», входили шхуна «Восток» под командованием В. А. Римского-Корсакова, ставшего позднее адмиралом, начальником морского училища, автора «Дневника из японской экспедиции» и «Писем о Китае»; корвет «Оливуца» с командиром Н. Н. Назимовым и транспортное судно «Князь Меншиков» И. Ф. Фуругельма.

Фрегат вышел из Кронштадта 7 октября 1852 года. В Англии экспедиция задержалась, где старый корабль был вынужден встать на капи-

И. А. Гончаров в группе офицеров фрегата «Паллада» в 1852 году

тальный ремонт. Выйдя затем из Портсмута, «Паллада» прошла Атлантический океан, обогнула южный берег Африки, мыс Доброй Надежды, вошла в Индийский океан, побывала в Сингапуре, Гонконге, Японии и прибыла к берегам Дальнего Востока 20 мая 1854 года, спустя год, семь месяцев и двадцать три дня.

22 мая фрегат вошел в Императорскую Гавань, только что открытую Н. К. Бошняком. И. А. Гончаров прожил два с половиной месяца на берегу. В августе 1854 года он прибыл в Амурский лиман, откуда 8 августа на шхуне «Восток» отплыл в Аян. Из Аяна – в Якутск, а оттуда по замерзшей Лене до Иркутска. Шесть месяцев длилось путешествие Гончарова по Сибири, и 13 февраля 1855 года он, наконец, вернулся в Петербург.

После возвращения уже в апрельской книжке «Отечественных записок» был напечатан первый очерк Гончарова о путешествии. На протяжении трёх лет очерки печатались в «Морском сборнике» и других журналах.

В 1858 году «Фрегат «Паллада» вышел отдельной книгой. И это стало крупным литературным событием. Очерки Гончарова стали для русских читателей открытием мира. Африка, Япония, Китай, Филиппины,

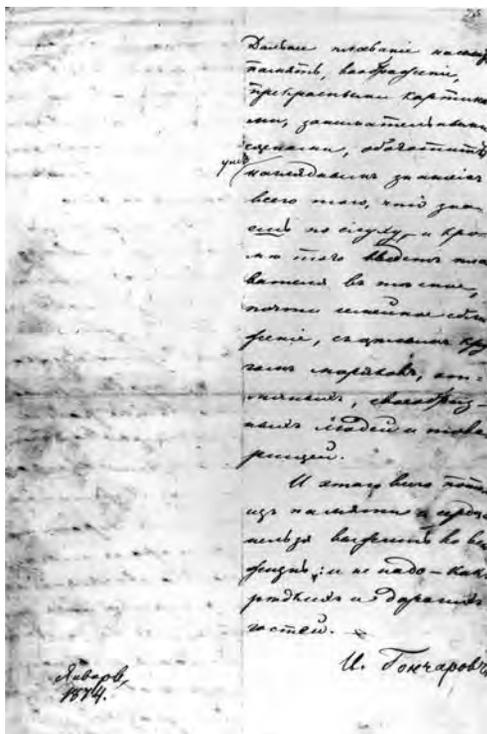
Ликейские острова были для современников Гончарова землёй далёкой и загадочной. Они узнали многое об истории, быте и нравах народов, населяющих эти земли и пребывающих на различных стадиях цивилизации. Книга содержала обширный материал по истории, этнографии, географии стран, которые посетил писатель. Главное достоинство книги Гончарова было в том, что он рассказывал об увиденном и пережитом им самим. Он предстал человеком пытливым, любознательным, наблюдательным, умеющим интересно и увлекательно рассказывать. Вместе с писателем читатели переживали радость открытия новых, неизвестных земель. Кроме того, он показал себя человеком, хорошо разбирающимся в политической жизни мира.

В наблюдениях Гончарова большое место занимает тема вторжения капитализма в патриархально-феодальный уклад населения некоторых стран. Рассказывая о тяжёлой жизни народов Африки и Азии, Иван Александрович отмечает неприглядную роль англичан, насаждающих колониально-грабительскими методами европейскую цивилизацию. Писатель отмечает, с какой хищнической цепкостью рвётся к колониальному разбою Америка. Кроме грубой силы колонизаторы используют обман, лицемерие, фарисейство. Отсталость феодальной Японии Гончаров сравнивает с феодальным прошлым России, буржуазную культуру Англии считает неотвратимым будущим России.

Гончаров отмечает различное положение колонизаторов и народов, которые выражают недовольство режимом. По Капской колонии в Африке он путешествует, когда там идёт третья капская война. Особенно безрадостная картина деятельности европейской и американской буржуазии открылась перед Гончаровым в Китае. Опиумная торговля подорвала экономику этой страны. Это привело к Великой крестьянской

*Карта путешествия фрегата
«Паллада»*

Письмо И. А. Гончарова

джур. Гончаров, как и все, ехал верхом на лошади. Иван Александрович хорошо отзывается о якутах, коряках, особенно об эвенках. Из Якутска он едет в санях по льду Лены. Здесь организована гоньба, почта. Гончаров пишет: «Я выехал из Якутска 26 ноября при 36 градусах мороза... Вот и повозка на дворе, щи в замороженных кусках уже готовы, мороженые пельмени и струганина тоже; бутылки с вином обшиты войлоком, ржаной хлеб и белые булки – всё обращено в камень... Добрые приятели провожают с открытой головой на крыльцо и ждут, пока сядешь в сани, съедешь со двора, – им это ничего». По Лене живут русские поселенцы, сеют рожь, ячмень. Между городом Киренском и Олёмкой открыты золотые прииски. На Лене жизнь более цивилизованная. Путешественник сообщает: «На станциях большею частию опрятно, сухо и просторно; столы, лавки и кровати – всё выстругано из чистого белого дерева». Дорога от Киренска до Иркутска торная. «Слава Богу! Всё стало походить на Россию: являются частые селения, деревеньки. Летают воробьи и грачи, поют петухи... и дым столбом идёт вертикально

войне, восстанию тайпинов. В главе «Русские в Японии» он пишет о японцах, которые говорят о необходимости перемен в стране, её открытости всему миру.

«Паллада» достигает берегов Японии в августе 1853 года. Переговоры о торговом договоре с правительством Японии продолжались до января 1854 года, с перерывом с ноября до декабря 1853 года. В это время экспедиция посетила Шанхай. В январе 1854 года в связи с Крымской войной, так и не заключив торгового договора, миссия Путятина покинула Японию.

Особенно тяжёлым был отрезок пути от Аяна до Якутска. Аяно-Якутский тракт – это всего лишь тропа по болотам, горам, осыпям. Пришлось пересечь хребет Джуг-

из множества труб – дым отечества! Всем знакомые картины Руси! Недостаёт только помещичьего дома... Этого никогда не было в Сибири, и это, то есть отсутствие следов крепостного права, составляет самую заметную черту её физиономии». Не остались незамеченными и красоты Сибири. «Вчера ночью я проехал так называемые щёки, одну из достопримечательностей Лены. Это огромные, величественные утёсы, каких я мало видал и на морских берегах». От слободы Качуги дорога пошла степью, Гончаров распрощался с Леной. Город Иркутск с Весёлой горки он не увидел, проспал. В самую заутреню Рождества Христова И. А. Гончаров въехал в Иркутск.

*Памятник участникам
экспедиции фрегата «Паллада»,
г. Советская Гавань*

Здесь заканчивается описание кругосветного путешествия И. А. Гончарова.

Шла Крымская война. Чтобы «Палладу» не захватили англичане, решили завести корабль в Амур, что не удалось из-за плохой изученности фарватера Амурского лимана. Корабль поставили в Императорской Гавани, в бухте Постовой, где он и был затоплен в 1856 году.

Путевые очерки «Фрегат «Паллада» – не просто запись увиденного, а выдающееся литературно-художественное произведение. Создавая книгу, Гончаров не собирался дать систематическое описание путешествия. Он опускает многие факты деятельности экспедиции и не касается содержания дипломатических переговоров Путятина в Японии.

Путешествие Гончарова на «Палладе» было полно опасностей и риска. Но о самых драматических событиях Гончаров говорит вскользь или с лёгкой иронией, которая окрашивает все его произведения. Только позднее, в главе «Через двадцать лет», опубликованной в 1874 году, он рассказывает о тех опасностях, которые подстерегали корабль в путеше-

ствии. Не раз экспедиция была на грани гибели. И только героический труд опытных мореплавателей спасал от трагедии корабль.

«Фрегат «Паллада» – произведение, в котором наблюдения и впечатления писателя-путешественника художественно преобразены и осмыслены. Кроме журнала экспедиции И. А. Гончаров вёл дневник и посылал его в виде писем к приятелям в Россию. Вернувшись из путешествия, он собрал их, обработал. Они и стали основой его книги. Письма сохранились и были изданы. А журнал, который он вёл, пропал. Жанр путевого дневника, составленного из писем к друзьям, делал читателя участником путешествия, который размышляет вместе с рассказчиком. В системе образов важное место занимает рассказчик, созданный писателем со свойственным ему юмором и многозначительной иронией. Не следовало бы отождествлять его напрямую с самим Гончаровым.

Высокую оценку книге «Фрегат «Паллада» дали Некрасов, Добролюбов, Писарев.

После путешествия И. А. Гончаров вернулся в департамент Министерства финансов и продолжал свою чиновничью службу. Вскоре он получил должность цензора, связанную с литературой. Многие писатели осуждали Ивана Александровича. Считали недостойным первому русскому писателю заниматься этой деятельностью, хотя Гончаров был либеральным цензором, многим писателям помогал в публикации произведений. В начале 1860 года он подал в отставку. Накануне, в 1859 году, был опубликован роман «Обломов», самое знаменитое произведение писателя. На всю Россию прозвучало слово «обломовщина», сказанное Н. Добролюбовым в его статье «Что такое обломовщина?». И барин Обломов, и его слуга Захар – олицетворяют кризис и распад патриархально-крепостнического уклада в стране.

Выход в свет «Обломова» и громадный его успех у читателей закрепили за Гончаровым славу одного из самых выдающихся русских писателей. И в отставке он решил заняться только литературой. Но в середине 1862 года его приглашают на должность редактора газеты «Северная почта», органа Министерства внутренних дел, где Гончаров проработал около года. Затем был назначен членом совета по делам печати, снова цензорская работа. В условиях наступившей после 1862 года реакции Гончаров ревностно защищал правительственные устои, вёл открытую борьбу против социалистических идей и несостоятельных доктрин ма-

териализма, социализма и коммунизма. Только в 1867 году он окончательно вышел в отставку.

Роман «Обрыв» Гончаров писал долго и трудно, будучи уже больным. «Обрыв» завершил трилогию. Писатель продолжает художественное исследование жизни и быта помещичьего дворянства, социально-психологических процессов предреформенных годов. Каждый из его романов отражает определённый этап исторического развития России. Это была одна общая картина угасающей крепостнической эпохи и барства.

Гончаров прожил ещё два десятка лет, писал очерки, в частности «По Восточной Сибири», статьи, в том числе критические, мемуарные произведения.

В главе «Через двадцать лет» И. А. Гончаров коротко упоминает о продолжении миссии Путятина, о корабле «Диана», пришедшем на смену «Паллады» и погибшем в заливе Симодо во время землетрясения. Рассказывает и о приезде генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва-Амурского в то время, когда команда переходила с «Паллады» на «Диану», и его отплытии на шхуне «Восток» в Аян.

Иван Александрович обращается к читателям: «Мне поздно желать и надеяться плыть опять в дальние страны: я не надеюсь и не желаю более... Но я хотел бы перенести эти желания и надежды в сердца моих читателей и – если представится им случай идти («идти», а не «ехать») на корабле в отдалённые страны – предложить совет: ловить этот случай, не слушая никаких преждевременных страхов и сомнений».

И. А. Гончаров умер 12 (24) сентября 1891 года. В некрологе на страницах «Вестника Европы» отмечалось: «Подобно Тургеневу, Герцену, Островскому, Салтыкову Гончаров всегда будет занимать одно из самых видных мест в нашей литературе».

Дальневосточникам особо дорога его книга «Фрегат «Паллада». В память о членах экспедиции и корабле, окончившем свой путь в Императорской Гавани, в бухте Постовой (Константиновской), где в январе 1856 года «Паллада» была затоплена, спустя сто лет был установлен памятник – колонна, увенчанная метровой копией фрегата. Здесь же возвышается памятник-часовня зимовщикам команды фрегата «Паллада».

5 апреля 2014 года исполнилось 85 лет со дня рождения известного дальневосточного писателя, лауреата Государственной премии РСФСР им. М. Горького Григория Гибивича Ходжера.

Е. Г. Ходжер

ВРЕМЯ УХОДИТ, С НАМИ ОСТАЁТСЯ ТОЛЬКО ПАМЯТЬ...

Сложно писать о самых близких и дорогих людях, потому что, начав писать об отце, Григории Гибивиче, невозможно не написать и о маме, Таисии Леонтьевне, верной подруге и спутнице отца, как это и не прозвучит архаично, но, по сути, верно: потому что жили в то время, когда были другие ценности, традиции, идеалы. И этим идеалам, традициям и ценностям они соответствовали.

Как мы ныне живём на стыке двух эпох, так и наши родители – тоже оказались на стыке двух эпох со сломом старом общинно-родового уклада жизни коренных народов Приамурья и приходом социалистических преобразований. Отец часто начинал свои встречи с читателями очень эффектно:

показывал левую кисть, на которой не было мизинца и гордо говорил, что является пережитком первобытного строя. И это верно: Григорий был первенцем в молодой семье, и по старым законам жена должна была рожать в тайге, далеко от селения, в маленьком шалаше. Но менялась эпоха: шла борьба со старыми обычаями, и молодой матери разрешили рожать дома. Однако ребёнок не закричал, и, чтобы спасти новорождённого, мать, как было принято, откусила ему мизинец левой руки. Жизнь моих родителей действительно интересна, полна событий, встреч, творчества, преодолений и взлётов. Они познакомились в Ленинграде, ставшем колы-

Г. Г. Ходжер

белю творческой интеллигенции народов Севера и Дальнего Востока. Большая часть известных писателей, учёных, художников из представителей народов Севера училась в Ленинградском институте народов Севера – знаменитом ЛИНСе в 1930-е годы или в Ленинградском государственном университете, в Ленинградском педагогическом институте им. Герцена в 1940–1950-е годы. Самое замечательное и поучительное в этом то, что учителями у них были ещё подлинные интеллигенты старой школы, которые смогли дать национальной молодёжи такой мощный заряд подлинной интеллектуальности, настоящей ленинградской культуры, человеколюбия, честности, раскрыть дремлющие таланты, так их выпестовать и отшлифовать, что многие стали основоположниками национальной поэзии, прозы, первопроходцами в различных отраслях науки. Отец всегда старался навестить своих учителей, когда приезжал в Ленинград, встречался и с В. Аврориным, и с А. Путинцевой. Удивительный тандем замечательных учителей и не менее замечательных учеников, воплотивших и реализовавших свой талант, призвание.

Чаще всего упоминаются известные писатели, учёные, но была ещё многочисленная группа нашей национальной интеллигенции из педагогов, учителей, руководителей всех уровней и структур власти, просто замечательных людей из когорты первых выпускников ленинградских вузов. Отец моего отца, Чеби Николаевич Ходжер, в конце 1930-х годов тоже учился на годичных курсах советско-партийных работников в ЛИНСе.

Сегодня искренне завидуешь этому поколению, которое безоговорочно верило в свои идеалы. Они были первыми, они смогли прожить яркую жизнь, реализоваться, оставив такую базу, на которой продолжают основываться национальная наука, культура. Их имена вошли в сокровищницу национальной истории. Но какая сложная была у них жизнь! Сколько испытаний они прошли, претерпели!

Ленинград остался навсегда для моих родителей городом мечты. Они и нам, своим детям и внукам, передали своё уважение и поклонение перед этим удивительным городом. В Ленинграде родился мой старший брат Андрей. Я всегда ему очень завидовала.

Если честно, отец приехал в Ленинград «за компанию». В то время он был очень застенчивым молодым человеком и пределом его желаний был Николаевск-на-Амуре, где можно поступить в педагогическое училище народов Севера. Хабаровск казался огромным городом, а о

Ленинграде только мечтал. Но брат друга, Михаил Тумали, бойкий и, как сейчас говорят, более продвинутый молодой человек категорически сказал, что если учиться, то только в Ленинграде, и это сыграло решающую роль.

Мама к тому времени окончила педагогическое училище в Ханты-Мансийске и уже отработала в школе. Для неё продолжить учёбу именно в Ленинграде было осознанным и продуманным решением. В училище преподавали ленинградцы, приехавшие в эвакуацию в Сибирь. Таисия Леонтьевна поступила на филологический факультет учительского института, где учились три года и затем шли преподавать в 5–8 классах. Моя мама была красавицей, активисткой, отличницей, секретарём комсомольской организации всего отделения народов Севера. На общих «парадных», официальных фотографиях она всегда сидит в центре, рядом с ней секретари комсомольской организации всего института. После вуза она вернулась в Ханты-Мансийск и работала инспектором районо. Но отец воспротивился тому, что его жена и двое маленьких сыновей будут так далеко от него, писал в разные инстанции и сумел вернуть жену поближе к Ленинграду, в село Белое. После завершения его учёбы семья приехала на дальневосточную родину отца в Хабаровск. Уже с высоты собственных лет я знаю, что мама с её энергичностью, целеустремлённостью могла сделать яркую карьеру и добиться серьёзных высот у себя на родине, в Ханты-Мансийском национальном округе. Но всю свою жизнь она посвятила мужу, его творчеству и детям, внукам.

В ленинградские годы всё их время было занято учёбой, активной общественной работой, спортом и погружением в мировую культуру. Во время учёбы, которая давалась очень непросто выпускникам маленьких сельских школ, студенты успевали посещать театры, в том числе театр оперы и балета им. Кирова (знаменитую Мариинку), музеи и другие культурные учреждения, которые постепенно начинали открываться. Не забудем, это был конец 1940-х – начало 1950-х годов. Ленинград восстанавливался после блокады. Ещё нельзя было ходить по многим улицам из-за угрозы обрушения. На глазах молодёжи происходило величайшее чудо – возрождение великого города.

Григорий Гибивич очень откровенно описал свою жизнь в своих автобиографических книгах: «Жизнь моя – биография моих книг», «Я родился на Неве», «Повесть о матери», «Я и рождение моих произведений». Это пронзительные, поучительные, откровенные книги, в которых вос-

хищает сила духа, талант, упорство, честность. Он не стеснялся прожитого и прошёл жизненный путь до конца, выполнив своё предназначение и долг перед соплеменниками. В своих произведениях он описал историю родного народа за почти столетие – начиная с конца XIX века и заканчивая девяностыми годами XX века.

Г. Г. Ходжер с женой. Июль 1951 г., Петергоф

Первая трилогия «Амур широкий» рассказывает о сломе старого патриархального родового строя, о налаживании добрых взаимоотношений с русскими переселенцами, о Гражданской войне и обустройстве новой социалистической жизни. Вторая трилогия, состоящая из романов «Вещун», «Непроглядные сумерки», «Унесённые войной», написанная в годы перестройки, когда уже можно было говорить о трагических страницах истории страны 1930–1950-х годов, посвящена периоду сталинских репрессий и Великой Отечественной войны. Роман «Быстрая чёрная икра» – это осуществление мечты написать детектив. Отец всю жизнь обожал читать детективы и прочитал их огромное количество, начиная с классиков жанра и заканчивая «дамскими» детективами. И вот горячая тема – браконьерство осетровых пород на Амуре. Всего отцом написано около 10 романов.

В творчестве Г. Г. Ходжера важное место занимают повести: в первую очередь это самая известная книга, переведённая на множество иностранных языков и языков народов СССР – «Эморон-озеро», лирическая повесть о первой учительнице, прототипом которой была Капитолина Павловна Худанова (Ходжер). Его первая книга «Чайки собираются над морем» – об освоении Южного Сахалина и рыболовецких бригадах. Повести «Какого цвета снег», «Колан» и другие – о Великой Отечественной войне.

Книги очерков «Амур – река родственников», «Найхинцы» стоят в творчестве Г. Г. Ходжера особняком. Они рассказывают о земляках, простых тружениках, простых героях прошедшей войны. Строгая документальность, опора на достоверные факты, собранные во время поездок по родным местам, рассказ о подлинных событиях и реальных людях отличали очерки и статьи писателя.

Григорием Гибивичем написано и множество рассказов: «Любовь, левират и жбан счастья», «Старый Нядьга», «На свидание к деду», «Мой знакомый пчеловод», за который молодой прозаик получил золотую медаль на литературном конкурсе VI Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в 1957 году, и другие.

Отдельно хочется отметить его книги для детей. Вообще-то Г. Г. Ходжер всегда писал для взрослых. И критики, и биографы утверждали, что детская тема у него не получалась. Возможно, они и правы. Но когда в семье растут дети, то хочется не только рассказывать и читать для них сказки и книги известных писателей, но и писать для них. Мне в детстве отец читал и А. С. Пушкина, и даже «Тысячу и одну ночь». А когда росли братья, то он написал повесть «Правнук Дерсу Узала», а для меня – «Приключения пингвинёнка Сю-Си». Я училась в первом классе и для того, чтобы отец прочитал мне очередную страницу приключений, нужно было сильно потрудиться – получить пятёрку. В своих воспоминаниях отец рассказал историю написания этой детской книжки. Сейчас это библиографическая редкость, тираж был небольшим. Даже у нас в доме она не сохранилась

Писательский труд для Г. Г. Ходжера был главным в его жизни. В итоге написаны две трилогии, романы, повести, книги очерков, рассказы, статьи в журналах, газетах. Можно также добавить: им прочитана практически полностью личная библиотека, насчитывающая более 2 000 книг. Он принимал самое активное участие в общественной и писательской жизни, регулярно отправлялся в творческие поездки по Амуру. По его выражению – «за спичками»: они добавляли ему огонь в «костёр творчества». Неисчислимы и его встречи с читателями. Г. Г. Ходжер был членом бюро и секретариата правления Союза писателей РСФСР.

Всё написанное тщательно собиралось отцом на протяжении всей жизни. Что-то набрасывалось в записных книжках, блокнотах. Позже он записывал на диктофон. Особое место занимали его постоянные встречи со стариками, носителями традиционной культуры, участ-

никами, очевидцами исторических событий. Беседы с ними, их воспоминания, иногда просто штрихи к биографии давали толчок к творческому домысливанию. Его произведения были всегда основаны на реальных событиях, фактах, подтверждённых историческими документами. Отец по-

*Григорий Гибивич Ходжер
с женой Таусией Леонтьевной. 1978 г.*

стоянно собирал библиотечку научной литературы по истории и этнографии народов Сибири и Дальнего Востока. Ему регулярно приходили каталоги и тематические перечни различных издательств.

Многие родственники и знакомые до сих пор уверены, что не будь социалистической революции, Г. Г. Ходжер стал бы шаманом. Возможно, даже выдающимся. У него были очень развитая интуиция, дар предвидения, плюс какие-то способности свыше. Отец в своих воспоминаниях пишет о том, что герои его книг постоянно приходили к нему во сне и разговаривали, мучая этим. Но как только вещь была написана, все они из головы тотчас исчезали.

Режим дня неукоснительно соблюдался во время работы над книгой. Всё детство и юность мы слышали мамины слова: «Тише, папа пишет». Всё – табу! Шуметь нельзя.

Подъём был ранним – в 5–6 утра и начинался с обязательной зарядки, эта привычка осталась со времён Ленинграда. Только спорт помог ему преодолеть страшную болезнь, из-за которой многие студенты не смогли доучиться. Климат и местоположение города зачастую провоцировали туберкулёз, особенно у дальневосточников, привыкших к огромному солнечному небу и простору. После зарядки следовали водные процедуры, а затем на балконе, в любое время года и погоду, обтирания. Обязательно чашечка крепкого чёрного кофе и за стол – писать. Работал часов до 10–11, затем завтрак, и потом мама приступает к сво-

ему делу: читать, вычитывать, порой и критиковать, обсуждать только что написанный текст.

Наконец книга написана, и начинается мамин титанический труд по многократному перепечатыванию всех отцовских книг – для авторской редакции, для редактора, для издательства, для журнала, для... А книги были до 1 000 страниц машинописного текста. Позже, когда у мамы стали сильно болеть руки, к перепечатыванию стали привлекать брата Сергея и реже – меня. Мама была первым читателем, самым резким критиком, музой и самой большой любовью отца. Она также была и главным ценителем, и летописцем творческой жизни отца. Таисия Леонтьевна прекрасно понимала, высоко оценивала его талант и тщательно собирала, хранила, подписывала практически все документы, фотографии, рукописи. Поэтому часть документального наследия Г. Г. Ходжера была достаточно легко подготовлена и передана в Государственный архив Хабаровского края. В этом основная заслуга именно мамы.

Самое главное в наследии писателя – рукописи. Будущие исследователи смогут именно по рукописям оценить первоначальный замысел и уже окончательный вариант. Ход работы после многочисленных и порой справедливых, а порой и нет, замечаний и правок редакторов, издателей. Нередко отец был вынужден отказываться работать с иными редакторами. Предпочитал тех, кто относился с уважением и пониманием к авторской точке зрения. Порой требования издателей к объёму будущей книги заставляли резать буквально по живому. Особенно больно это происходило со второй частью трилогии – романом «Белая тишина», охватывавшем период Гражданской войны с огромным потоком событий, фактов, многоголосия героев. И в результате, по воспоминаниям мамы, большую часть текста пришлось убирать.

Второй блок переданных в архив документов составляют тексты произведений, напечатанных в литературно-художественных журналах, тираж которых был многомиллионным, и подписка шла во все массовые библиотеки страны.

Конечно же в архив переданы и многие книги Г. Г. Ходжера. Но все издания хранятся в домашней библиотеке. В советское время книги Г. Г. Ходжера выходили часто и в разных издательствах. Автор постоянно дарил книги родственникам и друзьям, делясь с ними своей радостью. Но поначалу тиражи были небольшими, авторских экземпля-

ров не хватало на всех, и дома книг не оставалось. Поэтому была придумана такая «фишка», возможно, позаимствованная у кого-нибудь, – дарить первый экземпляр нового издания своей жене со всяческими благодарностями. Таким образом, в семье остались практически все изданные книги.

*Декада советской литературы
в г. Николаевске-на-Амуре. 4.09.1971 г.*

Ещё одна очень интересная тема для изучения – дарственные подписи на книгах от писателей. У отца была небольшая би-

блиотечка, около 200 дарственных книг. Все они переданы в Дальневосточную государственную научную библиотеку. В первую очередь это книги хабаровских и дальневосточных писателей, писателей народов СССР – бурятских, якутских, калмыцких, украинских писателей и поэтов. Самыми известными авторами считаю Веру Панову, подарившую молодому прозаику свою повесть «Серёжа». Отец всегда гордился двухтомником Лу Синя, который ему подарила вдова китайского писателя. Достоянное место в домашней библиотеке занимает сборник рассказов И. А. Ефремова, с которым отец переписывался, а в начале 1980-х годов даже принял участие в подготовке экспедиции по следам И. Ефремова по Комсомольскому и Солнечному районам.

В личном фонде хранятся документы личного характера и документы о трудовой деятельности Г. Г. Ходжера. Это трудовая книжка и диплом об окончании Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, военный, студенческий, партийный и профсоюзный билеты, рабочие тетради, записные книжки, копии удостоверений к наградам и многое другое. Планируется передать в архив фотографии, возможно, письма и другие документы.

Григорий Гибивич Ходжер постоянно пользовался фондами как партийного, так и государственного архивов Хабаровского края. Как про-

фессионал, историк, он прекрасно понимал важность и значимость поиска и проверки фактов. В архиве хранится личное дело Г. Г. Ходжера с заполненной анкетой и перечислены фонды, с которыми он работал. В фотоархиве ГАХК хранится много фотографий, сделанных фотокорреспондентами краевых газет и информагентств, так как писатель был известной личностью и запечатлеть его в кругу земляков или почитателей таланта было легко: он выступал перед студентами, школьниками, военнослужащими, на предприятиях и в учреждениях. В те годы регулярно проводились месячники и декады советской литературы, часто приезжали известные писатели со всей страны. Писателей знали, уважали, их произведения были на слуху, их спрашивали в библиотеках и книжных магазинах.

Роман Г. Г. Ходжера «Конец большого дома» известный хабаровский писатель и друг В. Ефименко назвал «энциклопедией нанайского народа». Мне кажется, всё написанное отцом можно по праву назвать энциклопедией: его романы, повести, очерки, рассказы, статьи поднимают большой пласт в жизни нанайского народа, проживающего по берегам великой и могучей реки Амур.

Н. Я. Жабина

НАЙТИ СВОЙ ЖЕНЬШЕНЬ

(Михаил Пришвин на Дальнем Востоке)

Когда читаешь повесть М. Пришвина «Женьшень», возникает убеждение, что он – дальневосточный писатель или жил здесь долгие годы, – так точны, разносторонни его наблюдения и описания удивительной красоты приморской тайги: нежный и грациозный пятнистый олень Хуа-лу, сине-зелёные бабочки, крупные, как птицы, шатры из лиан дикого винограда, берега реки, где цветы подобны солнцу, шум океанского прибоя, как часы самой планеты.

На самом же деле Пришвин был в Приморье в командировке (июль – октябрь 1931 года) от редакции газеты «Известия» с заданием – экзотика и звероводческое хозяйство Приморья. По её итогам он написал очерки «Золотой Рог» и повесть «Женьшень», напечатанную в третьем номере 1933 года журнала «Красная новь» и изданную в 1934 году.

Для понимания причин и обстоятельств поездки Пришвина на Дальний Восток очень важны его дневники, своеобразное писательское «подполье» (1905–1954 гг.). Он писал их ежедневно (121 тетрадь) в пред-рассветные часы, писал тайно, только для себя: ведь в них то, о чём не только написать, но и сказать в то время было нельзя. М. Пришвин – известный писатель-натуралист, сказочник, а в дневниках – глубокие философские размышления о добре и зле, о жизни и смерти, о государственной власти и свободе личности, оценка вождей и политических событий.

Путевой дневник поездки в Приморье – своеобразные художественные «леса» повести «Женьшень», во многом объясняющие её убедительную достоверность, её содержание и смысл, образы-символы и их прообразы.

Поездка М. Пришвина не случайна. Дневники 1930–1931 годов передают драматическую ситуацию в его жизни и писательской судьбе. РАПП активно выступает против писателей-попутчиков. В печати всё чаще появляются статьи, упрекающие его в том, что он пишет не о колхозах, не о социалистическом строительстве, а о «птичках, цветочках,

зайчиках». Запись в дневнике 8 ноября 1930 года: «Моя печаль в этом году перешла в отчаяние, потому что я ведь художник, я отдал этому делу всю свою жизнь, и вот это последнее, артист-писатель, сбрасывается как балласт. Мне стало чаще и чаще являться желание выйти из дома в чём есть и пойти по дороге, а потом свернуть с дороги в ближайший овраг и лечь там. И совсем не считаю это самоубийством. Меня удерживает от этого перехода привязанность к нескольким лицам, которым без меня будет трудно».

В этих обстоятельствах Пришвин пытается найти новые темы, новых героев.

Прочитав книгу В. К. Арсеньева «В дебрях Уссурийского края», он отправляет её М. Горькому в Сорренто, назвав «замечательной и превосходной повестью». Весной 1928 года Пришвин пишет Арсеньеву: «Мечтаю приехать в мае – октябре в Ваши края».

Когда В. К. Арсеньев в октябре 1928 года был в Москве, он вместе с директором Сергиево-Посадского музея А. Н. Свириным приезжает в Загорск и знакомится с Пришвиным. Сразу же после встречи Пришвин записал в дневнике: «Арсеньев... чрезвычайно подвижный, энергичный человек 57 лет. Быстро и много говорит. Я не мог оторвать его рассказ от Уссурийского края. Говорили о тиграх, о пятнистых оленях, о лотосах, о винограде, обвивающем ели и сосны, что все эти лотосы и тигры – реликты не ледниковой, а третичной эпохи...

Много раз я пытался намекнуть на чувство пустоты этой жизни без культуры, но Арсеньев понимал мой намёк как на тёмные стороны края, например, что мошкара разъедает эпидермис...

...Ваш дикарь – настоящий реликт. Да и Вы – первобытный литератор, Вы до последней творческой капли крови растворились в изображаемом мире. Вашим пером водил инстинкт дикаря».

В этих дневниковых записях – глубинные истоки повести «Женьшень» и, главное, начало концептуальной полемики с Арсеньевым в оценке не столько образа Дерсу Узала, сколько в целом своеобразной древней культуры (для Арсеньева) лесных людей, таёжных охотников, их мировосприятия, нравственности, эстетики, образа мысли и образа жизни. Для Арсеньева мир Дерсу – это мир другой культуры, в которой вовсе нет той пустоты, о которой говорил Пришвин. Это мир людей с чистой душой ребёнка и безграничной преданностью другу.

Пришвин снова и снова возвращается в дневниках к книге Арсеньева: «Дикий гольд, безвестно умирающий в тайге, как всякое животное... У Толстого дядя Ерошка, получеловек-полужверь, эпизодическая фигура, приближающая к нам природу Кавказа. Арсеньев бессознательно применил тот же образ в лице Дерсу Узала для изображения дальневосточной тайги».

Для Пришвина дикарь-следопыт вряд ли может быть литературным героем, и он с некоторым недоумением писал: «В наше-то время беспощадной борьбы со всяким суеверием и самой твёрдой рационализации первобытный человек, суевернейший анимист Дерсу Узала, понимающий каждую ворону как люди, вышел на советскую арену жизни и сделался одним из любимейших героев нашей молодёжи».

Во всяком случае, поездка Пришвина на Дальний Восток – это и попытка понять и объяснить этот любопытный парадокс.

Географическое пространство путевого дневника и повести «Женьшень» – современный Хасанский район, побережье Амурского залива от Владивостока до Посъета и некоторые острова. Его главный интерес – пантовое оленеводство, совхозы и питомники пятнистых оленей, расположенные на полуострове Славянском (теперь полуостров Янковского), полуостровах Гамова и Песчаном. Он знакомится с пушным хозяйством Приморья (песцовое хозяйство на острове Фуругельма, лисятник на Седанке), изучает систему заготовки и сбыта женьшеня.

Выводы его таковы: панты и женьшень должны быть государственным делом, иначе ими будут заниматься контрабандисты; экономика звероводческого хозяйства отсутствует, так как нет опытной научной базы; хозяйство наше плохо, главным образом, потому, что каждый хороший хозяйственник несёт на себе тяжесть социального груза; директора постоянно перемещаются; хороших специалистов увольняют по ложным доносам; социальные проходимцы, самолюбивые недоучки, прикрывающиеся классовым флёром, – главный тормоз нашего хозяйства!

Другое редакционное задание – природная экзотика Приморья – Пришвин не выполняет. Никакой экзотики нет, – есть особенная, другая природа, отличающаяся от среднерусской.

Он записывает в путевом дневнике: «В Приморье нет ровного времени, которое у нас определяется одним словом: зима, осень, лето, весна. В январе – летний, тёплый день. В летнее время – холодный, осенний

туман. Русскому всё непонятно на Дальнем Востоке – невиданные растения, насекомые, животные. В особенности непонятны и неожиданны перемены погоды. В России по приметам часто с уверенностью говорят о будущем дне. Здесь за час не знаешь, что будет дальше, семь пятниц на неделе».

Писатель-натуралист, тонкий наблюдатель и знаток природы Пришвин восхищается этой странной природой: «Роскошно цветистая, сказочно прекрасная, единственная по красоте в мире осень – приморская осень. Итальянское солнце и свет... Лучшее в моём путешествии было – когда я среди пустынных гор и дико распавшихся скал слышал космические ритмы прибора».

Путевой дневник во многом объясняет достоверность (в деталях) повести «Женьшень»: «Я пишу только о том, что видел сам. Это правило. Если не видел, доверяюсь рассказам знающих людей». Видел Пришвин многое и спрашивал о многом. Дневниковые записи вошли в текст повести. Из этих записей следует вывод: географически прообраз оленьего питомника и пантового хозяйства, созданного героем повести, «капитаном», – полуостров Гамова с Туманной горой, падами и распадками, скалой-горой Томящееся сердце, с бухтой Витязь. На Гамове создал своё пантовое хозяйство Я. М. Янковский. И хотя о Янковских записей мало, только слухи-сплетни, из рассказов егерей и пантовщиков Пришвин узнал и историю, и план хозяйства. Он ходил один и с егерями по оленьим тропам, наблюдал гон оленей, изучал их.

Из путевого дневника понятно, что повесть он начинает писать уже в Приморье. «Благодарю судьбу, что создался Лувен».

Рассказ врача С. М. Евстратовой о больничном поваре – китайце Ювене фантазией писателя превращается в историю жизни искателя женьшеня и врачевателя Лувена, в котором он попытался выразить идею многолетних размышлений – идею «родственного внимания», противопоставляемого первобытному анимизму Дерсу Узала. «Родственное внимание» – это личностное, сердечное единство «я» со всем сущим, единство, душевно сопереживаемое.

Именно «родственному вниманию», а не следопытству охотника, учится герой повести у Лувена. «Жизнь свою в тайге он начинал звероловом и мог разбираться в следах зверей, и по следам догадываться о планах зверей, да и сам мог по-звериному думать. Но я не испытывал к этому опыту таёжного следопыта того благоговейного удивления, с ко-

торым некоторые говорят о таких следопытах. Я же – как химик, в тысячу раз более сильный, чем все эти таёжные следопыты, вместе взятые! Что мне это знание дикарей-следопытов! Не это испытующее внимание к жизни тайги удивило меня в Лувене, а то родственное внимание, с которым он, оставив своё жестокое и губящее жизнь дикое звероловство, относился ко всякому существу природы».

Но следует отметить, что «родственное внимание» и в дневниках, и в повести – во многом умозрительные рассуждения.

«Женьшень» – полифоническое, многосмысловое произведение, лирико-философская поэма в прозе. Её смыслы выражаются в различных образах-символах, связанных и с определёнными фактами биографии Пришвина.

В 1902 году, получив диплом агронома-землеустроителя философского факультета Лейпцигского университета, Пришвин приезжает в Париж. Встреча с В. П. Измалковой, русской студенткой, взаимная любовь, разлука, страдание, вина – на страницах дневника, повестей «Кашеева цепь» и «Женьшень».

Прекрасный олень-цветок, Хуа-лу, – символ любимой женщины, которую встретил в юности и потерял, символ утраченной возможности счастья. «Это упущенное мгновение никогда не простишь себе и не оправдаешь даже ценой жизни, посвящённой служению науке, искусству и добрым делам... Каждый год непременно туманной весной какая-то сила с острой болью, тоской гонит меня вон из дому, я непременно попадаю на скалу... Не человек это – камень, я знаю хорошо. Камень не может чувствовать, а между тем я так сливаюсь с ним своим сердцем, что слышу, как у него там где-то стучит, и тогда я вспоминаю прошедшее, делаюсь сам совершенно таким же, как был в молодости. Перед глазами моими в виноградный шатёр Хуа-лу просунет копытце. Является всё прошлое со всей его болью, и тогда как будто совсем ничего не нажил, говорю вслух своему истинному другу, сердцу-скале: «Охотник, охотник, зачем ты тогда не схватил её за копытца!»

Любовь – та сила, которая может пробудить в человеке творческую энергию и найти свой, человеческий женьшень.

«Корень жизни» – главный смысл, главный образ-символ повести.

Когда-то в Париже Пришвин слушал лекции А. Бергсона, его философию жизни, и сразу стал «виталистом». Жизнь, по Бергсону, непрерывный творческий процесс, совершающийся во времени, могучий

творческий поток, «жизненный порыв», который проходит через человека. «Наша личность, строящаяся в каждый данный момент при помощи накопленного опыта, непрерывно меняется, растёт, зреет. Мы являемся творцами своей жизни. Каждый её момент представляет именно творчество. Каждое из наших состояний, создаваясь нами, изменяет нашу личность. Мы непрерывно создаём самих себя. Каждому приходится решать самому вопросы, поставленные жизнью», – писал А. Бергсон в книге «Творческая эволюция», за которую получил Нобелевскую премию.

Разделяя идеи Бергсона о том, что человек – существо по природе своей творческое, Пришвин в повести представляет своеобразную философию человеческой жизни.

Женьшень – это не столько удивительное растение, сколько корень, смысл человеческой жизни.

«Этот женьшень, содержащийся в человеке, находить и понимать не менее трудно, чем находить его в дикой природе. Но в этом и состоит смысл человеческого бытия – найти свой женьшень, не дать угаснуть творческой энергии, найти профессию, которая была бы и призванием, не отказываться от самого себя, не поддаваться ударам судьбы. Какая неистощимая сила творчества заложена в человеке, и сколько миллионов несчастных людей приходят и уходят, не поняв свой женьшень, не сумев раскрыть в своей глубине источник силы, смелости, радости, счастья... Понять себя, поверить, найти себя в своём деле – это и есть творчество жизни для человека. Тогда от него останется навсегда то небывалое, что он рождает словом, делом, помышлением, или пожатием руки, или только улыбкой».

С «корнем жизни» связан и мудрый совет М. Пришвина: «Есть мечты-планы досрочные. В этом надо всем нам сознаться, что есть сроки жизни, не зависимые от себя лично; как ни бейся, как ни будь талантлив и умён, – пока не создались условия, пока не пришёл срок, всё твоё лучшее будет висеть в воздухе мечтой и утопией. Только я чувствую, я знаю одно, что мой корень где-то растёт, и я своего срока дождусь. Сколько раз у меня в жизни бывали упадки жизненной волны, неудачи и поражения! Как вдруг жизнь сама перед тобой раскроется и тебе такой подарок представит, что мёд на устах и хвост пистолетом».

В. П. Буря

КИБАЛЬЧИШИЯ – МЕСТО, ГДЕ Я РОДИЛСЯ И ЖИВУ

Поводов к появлению этого материала несколько. Назову два: сетевой материал «Марко Поло» «Мальчиш-Кибальчиш и другие» и недавнее 110-летие Аркадия Петровича Голикова (Гайдара). Так вот, «Марко Поло» утверждает, что Кибальчишия находится в... Семиречье. Его аргументы: «...На одну из окраин Советской России снова нападает «из-за Чёрных Гор» буржуинское войско. На этой окраине... нет гарнизона регулярной Красной Армии, её ближайшие части находятся за горами на удалении двух-трёх суток конной почты, то есть трёх-четырёх сотен вёрст... Ближайшим прототипом для алькиной-наткиной-гайдаровской сказки будут события конца 1921 года... в полосе между реками Или и Енисей, по обе стороны недавней границы Российской и Китайской империй».

«Марко Поло» вычислил и прототип Кибальчиша. «...За Саянами они победили. Отчасти и потому, что их поддержали отряды крестьянской самообороны, которыми командовал Сергей Кочетов (С. К. Кочетов, 1894 года рождения). Геройский командир отряда числится у «Марко Поло» «фаворитом в конкурсе на должность Мальчиша-Кибальчиша».

Теперь о Кибальчишии. «...Гайдар ...находился в нынешней северной части Хакасии. Был он в это время «начальником Второго боевого района, включающего территорию шести нынешних районов на юге Красноярского края: Ужурского, Шарыповского, Орджоникидзевогo, Ширинского, Богградского и части Усть-Абаканского... По прямой тут около 400 вёрст до урянхайской, впрочем, уже тувинской с августа 1921-го, Атамановки, где в декабре сражались партизаны Сергея Кочетова и воинство Андрея Бакича (у «Марко Поло» – генерал Андрей Степанович Бакич «остался единственным Главным Буржуином на весь Восточный Туркестан»). Не знать ему (Голикову-Гайдару) эту историю об одном из последних набегов побеждённых на территорию победителя, произошедшем совсем рядом... невозможно. Конечно... полную истину тут не знал... никто. Но какой-то профессиональный чекистский фольклор на эту тему, видать, запал Голикову в память. И всплыл десять лет спустя, когда корреспондент «Тихоокеанской звезды» Аркадий Гайдар...

[в Хабаровске] написал свою удивительную «Сказку про военную тайну, Мальчиша-Кибальчиша и его твёрдое слово...».

(Подробнее см.: http://samlib.ru/p/polo_m/malchish.shtml)

Вместо эпиграфа:

На это я вознегодовал коренным образом и сказал ему: «Это есть подлая измена интересам трудящихся, и на это дело я вовсе не согласен».

А. Гайдар. Тайна горы. Фантастический роман.
Первая публикация в газете «Звезда» (Пермь), 1926, 8–30 сентября.

Спорить с «Марко Поло» не буду, уважая его интереснейшее исследование, но и своего мнения менять не стану. А оно таково: «Буржуинское войско» грозило СССР со стороны занятой японцами в 1931 году Маньчжурии. Отсюда моя уверенность, что Кибальчиша – это Приамурье и Уссурийский край. Сидит эта уверенность во мне со школьной поры, когда я, будучи ровесником Мальчиша-Кибальчиша, бегал в детский парк смотреть в кинотеатре-самолёте мультики, а в середине 1960-х годов пионером собирал металлолом на сооружение памятника Аркадию Гайдару (первый вариант), написавшему «Сказку...» о твёрдом слове Мальчиша в моём родном Хабаровске.

О начале работы над новой повестью А. П. Гайдар впервые упоминает в дневнике ещё до приезда в Хабаровск, в середине 1931 года: «Надо собраться и написать для «Молодой гвардии» книгу. Крым, Владивосток (думаю, понятно, почему я выделил столицу Приморья – В. Б.), Тимур, Лиля, всё это связать в один узел, всё это перечувствовать ещё раз, но книгу написать совсем о другом. <...> Только сегодня (это уже из писем и записей в дневнике, сделанных в Хабаровске, – 1932 год) начинаю писать эту книгу. Она вся у меня в голове, и через месяц я её окончу <...>, это будет повесть. А назову я её «Мальчиш-Кибальчиш». <...> ... Написано 25 страниц, и всё шло хорошо. <...> А когда перечитал, то зачеркнул всё, сел и снова написал всего 9 страниц – стало гораздо лучше. Но сначала зачёркивать было жаль и зачёркивал, скрепя сердце. Неожиданно, но совершенно ясно понял, что повесть моя должна называться не «Мальчиш-Кибальчиш», а «Военная тайна». <...> Написал только две с половиной страницы. Очевидно, немного устал. Надо чуть передохнуть».

Итак, Гайдар приступил к написанию повести весной 1932 года в Хабаровске, куда ещё в январе приехал из Перми работать разъездным корреспондентом газеты «Тихоокеанская звезда». Тогда же было придумано и ещё одно название повести – «Такой человек» («Верный человек»).

«...Какой это человек? И кто этот человек? Это будет видно потом», – напишет Гайдар в письме из Владивостока детской писательнице А. Я. Трофимовой. Был июнь 1932 года. Сказка о Кибальчише ещё не родилась. 1 августа 1932 года Аркадий Гайдар записал в дневнике о повести: «Она вся у меня в голове, и через месяц я её окончу, тем более что отступить теперь уже поздно». 23 августа 1932 года: «Сегодня я неожиданно, но совершенно ясно понял, что повесть моя должна называться не «Мальчиш-Кибальчиш», а «Военная тайна». Мальчиш остаётся мальчишем, но упор надо делать не на него, а на «военную тайну», которая вовсе не тайна».

«...За свою жизнь я был в лечебницах раз, вероятно, восемь или десять – и всё-таки это единственный раз, когда эту хабаровскую, сквернейшую из больниц, я вспоминаю без озлобления, потому что здесь будет неожиданно написана повесть о Мальчише-Кибальчише». В этой записи «повестью» Аркадий Гайдар назвал Сказку о Мальчише-Кибальчише... И не случайно. Недаром считается, что «Сказка...» – это «ключ к повести», «эпиграф» к ней. Она помогает юному читателю осмыслить связь времён, воспитывает готовность «отдать себя в настоящем и будущем правому делу народа».

В Сказке-эпиграфе повести «Военная тайна» прошлое (Отец, Старший брат) – лишь зачин повествования, главное содержание – настоящее и будущее. В дальневосточной детской газете «Знамя пионера», чья редакция находилась в том же здании на улице Калинина, что и редакция «Тихоокеанской звезды», в начале 1930-х годов часто можно встретить фразу-девиз к пионерам: «На смену старшим, в борьбе уставшим, молодая рать идёт!». Девиз этот шифровался даже в ребусах.

Тема «предчувствие войны» – стержень книги. Этому способствовала и напряжённость международной обстановки, особенно на Дальнем Востоке. Японские войска вторглись в Маньчжурию. Газеты Дальнего Востока из номера в номер публиковали подробные материалы о захвате северо-восточной территории Китая японскими войсками в 1931–1932 годах. «Знамя пионера» обращалось к своим молодым читателям

с призывами оказывать всяческую поддержку и даже организовывать денежные сборы в помощь китайским сверстникам. Кроме газетных публикаций, был у Гайдара «осведомлённый источник», знающий обстановку в Маньчжурии из первых рук, – Елпидифор Иннокентьевич Титов (1896–1938) – этнограф, археолог, собиратель фольклора северных народов, который в ту пору делил с Гайдаром и Борисом Заксом одну комнату в общежитии. С 1927-го по 1932 год Титов работал в Харбине, где жили его жена с дочерью. Сначала в Центральной библиотеке Китайской Восточной железной дороги, затем редактировал советскую харбинскую газету «Молва». В его знакомых и друзьях числились работники Генерального консульства СССР в Харбине: А. Я. Авдощенко – учёный, специалист по экономике Японии, Н. В. Устрялов – директор Центральной библиотеки КВЖД.

Вернувшись в 1932 году в Хабаровск, Титов вновь стал сотрудником «Тихоокеанской звезды». Руководил в редакции литературным и международным отделами.

В середине июля 1932 года обстановка на дальневосточной границе накалилась. Начальник русского отделения 2-го (разведывательного) отдела японского генерального штаба Касахара телеграфировал начальству: «Подготовка завершена. В целях укрепления Маньчжурии война против России необходима для Японии». Рубежные территории СССР на этой военной тропе – Приморье и Приамурье.

Надо помнить, что 1932 год – это 10-летие освобождения Дальнего Востока от интервентов. Соответствующие мероприятия, встречи с участниками боёв за освобождение Дальнего Востока от интервентов, в том числе и на сопке Июнь-Корань, где ещё в 1928 году рядом с братской могилой было построено здание музея памяти о волочаевском сражении. Эхо прошедшей войны и гром наступающего грозового времени наполняли пространство, окружающее Гайдара в Приамурье и Приморье.

С конца августа до 28 октября 1932 года Гайдар не делал записей в дневнике. Лишь в Москве он вновь возьмётся за него. Прощай, Хабаровск! На Дальний Восток Аркадий Гайдар вернётся уже в камне в 1972 году.

В печати «Сказка о Военной Тайне, Мальчише-Кибальчише и его Твёрдом Слове» впервые появилась в 1933 году на страницах газеты «Пионерская правда» в номерах за 5–11 апреля. В том же году «Сказ-

Акикуса Сюн, генерал-майор Японской императорской армии.
 В 1920-х годах принимал участие в военной интервенции в Россию. В 1933-1935 годах помощник начальника Японской военной миссии в Харбине в чине майора.
 Принимал непосредственное участие в создании Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) в 1934 году, при котором стал советником.
 Летом 1936 года Акикусу перевели в японский Генеральный штаб помощником начальника русского отделения. С декабря 1942 года проходил службу в пограничных войсках в Маньчжоу-го на Уссури.
 В 1943 году получил чин генерал-майора. В начале февраля 1945 года возглавил японскую военную миссию в Харбине.

В 1926 году вблизи села Волочаевка (ныне - Смидовичский район Еврейской автономной области) на месте одного из крупнейших сражений Гражданской войны на Дальнем Востоке, на вершине сопки Ионь-Корань, рядом с братской могилкой по проекту скульптора А.А. Бадоньи (участник Волочаевского боя) было построено здание музея с расположенной на крыше скульптурой красноармейца.

ка...» выходит отдельной книжкой в Детгизе с яркими рисунками художника В. М. Конашевича и авторским посвящением: «Моему смелому сыну Тимур-Гайдару» (именно так и написано «Тимур-Гайдару»).

И только в 1934 году завершится работа над повестью «Военная тайна». В журнале «Пионер» (№№ 5–6) Гайдар, отвечая на вопросы читателей, расскажет: «...Сейчас я работаю над повестью, которая называется «Военная тайна». Это повесть о теперешних ребятах, об интернациональной смывке, о пионерских отрядах и ещё много о чём другом».

Повесть «Военная тайна», с полностью вошедшей в неё «Сказкой...», впервые была опубликована в 1935 году в журнале «Красная новь» (№ 2) и почти одновременно вышла отдельной книгой в Детгизе.

Сказка о Мальчише-Кибальчише – эпитафия не только к повести, но и девиз почти четырёх лет работы писателя Аркадия Петровича Гайдара, результатом которой стала «Военная тайна» – повесть, окончательно утвердившая Гайдара детским писателем.

Самым фантастическим в поисках дополнительных аргументов для подтверждения моей географии места действия «Сказки...» и тайны «буржуинского войска» оказались... иллюстрации Конашевича.

На иллюстрации № 1 изображён портрет Главного Буржуина (обратите внимание на фото реального человека, помещённое под иллюстрацией). На другой – № 2 – изображены железнодорожный мост и тоннель, а на противоположном берегу реки (как я полагаю – Амура) от памятника Мальчишу, который очень даже похож на памятник партизанам на Волочаевской сопке, и портал тоннеля. Тоннель под Амуром строился, заметьте, в 1937–1941 годах для дублирования моста через Амур. Понятно, не от хорошей, читай – мирной, жизни. Во время Гражданской войны один пролёт моста был взорван отступавшими партизанскими частями во время провокационного выступления японских военных. Введённый в постоянную эксплуатацию 25 октября 1942 года тоннель – единственное подводное сооружение на железных дорогах России. То есть нет больше такого места в нашей стране, где рядом были бы и мост и подводный тоннель! Вот вам и фантастика!

Как Конашевич в 1933 году мог знать про тоннель и нарисовать «портрет» Главного Буржуина? Кстати, я больше не видел иллюстраций к «Сказке...» (за исключением одного старого мультфильма, где интервенты объединены в международную команду: немец, англичанин и японец), где бы Главный Буржуин имел бы азиатскую внешность.

Иллюстрации к «Сказке...» Конашевича были забыты. Причиной такой забывчивости могли стать разные обстоятельства. В том числе и политическая обстановка. Автор другой замечательной детской повести, о капитане Врунгеле, вспоминал, с каким трудом проходили в печать главы с главным злодеем книги адмиралом милитаристской Японии. Составитель первой и наиболее полной библиографии творчества А. П. Гайдара К. П. Кипарисова писала: «Не все издания произведений А. П. Гайдара пригодны для использования их в работе с детьми. Многие из них имеют очень плохое оформление, схематичные, надуманные, небрежно выполненные иллюстрации». В её «чёрный список» попало издание 1933 года с иллюстрациями В. М. Конашевича.

Необходимо сказать два слова о Владимире Михайловиче Конашевиче (1888–1963), художнике, заслуженном деятеле искусств РСФСР. Слово коллегам художника: «...В Конашевиче мы ценим прежде всего неистощимую выдумку мастера. Посмотрите книжки, им оформленные, – как изобретательно претворяется в зримый образ текст книги. И наряду с изображением, продиктованным текстом, сколько деталей добавлено художником! Фантазия художника, как дар доброго волшебника – нет ей границ... Есть у него образы героические, славящие смелых, сильных, упорных. Композиции в этих случаях наполнены напряжением, динамикой... В этом жанре Конашевич – один из самых ярких художников».

В Хабаровске помнят Аркадия Гайдара. Его имя носят главная городская детская библиотека с 1951 года, детский парк с 1954 года и улица с 1964 года. Имеется памятник работы скульптора Галины Мазуренко (1972), мемориальная доска на бывшем здании редакций газет «Тихоокеанская звезда» и «Знамя пионера» (1972).

Кибальчишия находится где-то здесь – на Дальнем Востоке. Думаю, вы согласитесь со мной.

И. Л. Шевнин

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ В ХАБАРОВСКЕ В 1885–1911 ГОДАХ

Очень поучительна, любопытна, невероятно увлекательна и богата яркими и необычными событиями история благотворительности тех лет в Хабаровске. Её делали выдающиеся личности, известные в стране, городе и малоизвестные, а порой уже забытые. Невероятной сложности стояли перед ними социальные задачи призрения и помощи всякого рода нуждающимся, попавшим ли во временную беду или в тяжелейшую жизненную ситуацию, детям-сиротам, ветеранам, вдовам, больным. И приходилось их решать в условиях даже отсутствия самого представления о «социальном государстве», в большей мере только за счёт добровольных пожертвований самих хабаровчан. Хотелось бы, чтобы за сухими и сжатыми фактами можно было бы увидеть трепетную заботу и сердечный энтузиазм хабаровских благотворителей давнего времени.

«Устав об общественном призрении» за 1892 год суть благотворительной работы в России определял так: «1) установление, содержание и управление богоугодных и общественных заведений, как-то: сиротских и воспитательных домов, больниц и домов для призрения умалишённых, богаделен и работных домов для прокормления неимущих работаю и 2) заведывание подобными заведениями, от частных лиц и обществ учрежденными...».

По оценке исследователя благотворительности и общественного призрения в Российской империи Г. Н. Ульяновой, на рубеже XIX–XX веков благотворительность в России приобрела широкий размах и самобытные формы. В 1909 году образовался «Всероссийский союз» учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению». Он стал инициатором общероссийских съездов деятелей благотворительности в 1910-м и 1914 годах.

Действующее тогда законодательство по общественному призрению не определяло категории лиц, нуждающихся в помощи, как не определяло и вообще границ общественного призрения. Поэтому города, зем-

ства, ведомства и сословные общества сами избирали подходящие формы помощи бедным, исходя из местных условий.

В масштабах России общественное призрение обеспечивалось на проценты с благотворительных капиталов и специальными сборами. Законодательством устанавливались также «1) пособия от городов и от казны, 2) подаяния, пожертвования и завещания в пользу заведений общественного призрения, 3) пенные и штрафные деньги и 4) хозяйственные и случайные доходы всякого рода».

В первые десятилетия XX века, по данным статистики, лишь 25% бюджета общественного призрения исходило из средств казны, земств, городов и сословных обществ, остальные 75% – за счёт частной благотворительности, то есть добровольных пожертвований.

Высшее заведование делом общественного призрения в Российской империи велось Министерством внутренних дел и сосредоточивалось в Главном управлении по делам местного хозяйства – в Отделе народного здравия и общественного призрения. К МВД было причислено более половины благотворительных заведений. Широкую помощь нуждающиеся получали и через Ведомство учреждений Императрицы Марии, Российское общество Красного Креста, Попечительство о трудовой помощи, Императорское человеколюбивое общество и городские, земские учреждения, приказы общественного призрения, церковно-приходские попечительства, сословные общества (крестьянские, мещанские, купеческие, ремесленные).

Формирование региональной системы помощи нуждающимся, развитие институциональных форм благотворительности и перспективных благотворительных проектов происходило в период с 1862 года до начала XX века. Именно на это время приходится и начало заселения, освоения Приамурья и Приморья после вхождения их в состав Российской империи.

Исследователь благотворительности на Дальнем Востоке Н. Г. Мизь считает, что особенности благотворительной деятельности в Южных районах Дальнего Востока в конце XIX – начале XX века были исторически обусловлены:

- отсутствием российского коренного населения с глубокими историческими традициями и связями;
- удалённостью и оторванностью от центра Российской империи, от её культурных традиций (регулярное пароходное сообщение с европей-

скими портами установилось в 1880 году, а первая очередь Великого Сибирского пути была сдана только в 1901 году);

– многонациональностью и многоконфессиональностью этих территорий с самого начала их освоения.

Другой исследователь дальневосточной благотворительности Е. Ю. Костина полагает, что в силу указанных причин начало значительного роста численности благотворительных обществ на просторах Тихоокеанской России наступило на четверть века позже, чем в Центральной России – в середине 1880-х годов. Становление системы общественного призрения в Приморской области, куда административно входили Хабаровск, Владивосток, Николаевск-на-Амуре, Никольск-Уссурийский, происходило в соответствии с «Уставом об общественном призрении» от 1892 года, «Городовым положением 1870 года», которые закладывали правовую базу под складывающуюся структуру. Во Владивостоке благотворительное общество возникло в 1876 году, в Хабаровске начало было положено в 1885 году, в Николаевске-на-Амуре и Никольске-Уссурийском – в 1900-м.

Согласно положениям уставов, работа благотворительных обществ направлялась на помощь без различия сословий и прав состояния – всем бедным, престарелым, увечным, неспособным к труду, больным. Сюда же включались и доставление неимущим вдовам и сиротам средств для выезда на родину, выдача ежемесячных и единовременных пособий на воспитание бедных детей. Средства обществ шли на содержание детских приютов, в Хабаровске – Ольгинского детского приюта трудолюбия, на учёбу детей в школах за казённый счёт. Прикладывались старания дать возможность случайно впавшим в нужду выйти из неё приисканием подходящих занятий, брались под покровительство круглые сироты.

Главную роль в организации призрения играли августейшие особы, семьи высших чиновников императорской администрации, чинов армии и флота, а также городское самоуправление. Деятельность благотворительных обществ поддерживалась частными пожертвованиями и организацией различного рода благотворительных акций.

Немалый вклад вносили меценаты и предприниматели. Так, газеты сообщали, что в 1912 году в Хабаровске в благотворительной акции участвовали торговые дома «А. Я. Чурин и К^о», «Кунст и Альберс», «М. Пьянков с братьями», магазины Кишлалы, Приамурского торгово-

го товарищества, Тинеева, Дмитриева, Денисова и Михура, Киосинша и К°, братьев Урманчевых, Сыромятникова, Заблотского, аптекарский магазин В. Ф. Зандау, Ливан Юна, русское мукомольное товарищество, пивоваренные заводы Люббена, Тифонтая, Ласькова, кондитерские – бывшая Мардон и Жукова, торговцы базарных лавок Марьгин, Лобастов, Кибера, Шмуйлович, Бубнов, Старостенко, Голодаев и другие.

Но остановимся на некоторых особенностях деятельности Хабаровского благотворительного общества (далее – Общество). Их, на мой взгляд, несколько:

- 1) незначительное количество членов;
- 2) малая собираемость денежных сумм, идущих на благотворительность;
- 3) отсутствие приютов на первоначальном этапе деятельности;
- 4) ограниченное число задач, решаемых Обществом;
- 5) патронаж августейших особ.

Чтобы показать первые три особенности, нужно кратко охарактеризовать деятельность Хабаровского благотворительного общества в хронологическом порядке.

1890 год

В Хабаровске в 1889 году, по данным однодневной переписи, проживало 6 939 жителей. Благотворительное общество состояло первоначально из 58 действительных членов, внёсших по 5 рублей за год. 9 членов в Комитете, при 3 кандидатах, казначей и секретарь.

Хабаровское благотворительное общество приступило к своей деятельности 8 февраля 1890 года на основании устава, утверждённого министром внутренних дел. Учредителями были – супруга приамурского генерал-губернатора баронесса Софья Алексеевна Корф, председатель и члены временного Дамского благотворительного комитета. На попечение перешли все средства от предыдущего благотворительного комитета и поступили те же лица. А их на тот момент оказалось 25 человек, им выдавали ежемесячное пособие. Материальной помощью в 2 411 руб. 89 коп. воспользовались ещё 74 лица. Среди них: ссыльнопоселенцев – 16, отставных чиновников и членов их семей – 13, крестьян – 12, казаков – 11, мещан – 9, солдат и матросов – 4, офицеров – 2, инородцев – 2.

Приход в тот год составил 9 335 руб. 18 коп., а расход – 3 528 руб. 95 коп.

В 1890 году поступили средства от бывшего временного Дамского благотворительного комитета, членских взносов, пожертвований, сбора взамен визитов, сбора от спектаклей и лотереи, кружечного сбора, дохода с процентных бумаг, принадлежащих обществу. Поступили средства в уплату от должников бывшего Дамского благотворительного комитета, пособия из сумм Приходского попечительства. От приамурского генерал-губернатора обществу было перечислено 500 рублей.

Деньги расходовались на выдачу ежемесячных и единовременных пособий, на содержание, лечение больных и погребение умерших в военном полугоспитале, гербовый сбор, сбор при покупке бумаг, на канцелярские расходы, за сохранение процентных бумаг в Хабаровском отделении Государственного банка. Сумму в 1 000 рублей выдали на постройку здания для помещения приюта.

Примерно такая же структура прихода-расхода сохранялась и дальше.

1892 год

В Хабаровске, по данным газеты «Приамурские ведомости», уже проживало 7 960 человек. В благотворительном обществе зафиксировано 64 действительных члена. Председателем комитета осталась баронесса С. А. Корф. Членов комитета было 14 человек, 3 кандидата, казначей, секретарь и 2 кандидата.

Ежемесячные пособия от 3-х до 15 рублей выданы 38 лицам. Годом раньше – 18-ти. Единовременные пособия получили 66 человек. Состояло на лечении 10 лиц. На содержание больного тратилось 20 рублей в месяц. Всего в течение года помощью воспользовались 114 человек, на что израсходовали 2 854 руб. 16 коп., и на лекарство бедным 42 руб. 55 коп. В приюте содержалось в течение года от 2-х до 4 человек и состояло 3 инвалида, которые имели 1 292 продовольственных дня, что обошлось в 291 руб. 22 коп.

Приход составил 11 071 руб. 22 коп. Расход – 3 681 руб. 07 коп.

1895 год

В 1894 году в Хабаровске, по данным Сибирского торгово-промышленного календаря, числилось 10 138 человек. В благотворительном обществе состояли 88 действительных членов при 2-х почётных и 9-ти пожизненных членах, которые внесли по 5 рублей. Председатель комитета – супруга приамурского генерал-губернатора Варвара Фёдоровна Духовская, по её отъезду – Елизавета Александровна Попова. Членов комитета – 14 человек, 3 кандидата, 2 казначея, секретарь и кандидаты на эти должности.

В течение года ежемесячными пособиями пользовались 47 нуждающихся. Единовременные пособия получили 53 лица. В военном полугоспитале лечилось за счёт общества 13 человек. Материальной помощью воспользовались 113 человек, на что израсходовано было 2 840 руб. 55 коп., и в счёт уплаты в частную аптеку за отпущенные бедным лекарства 197 руб. 19 коп.

Было подсчитано, что с 1890-го по 1895 годы материальной помощью воспользовались 658 лиц.

15 мая 1895 года открылись бесплатные курсы для дам по уходу за больными и ранеными. За три месяца на них обучилось много слушательниц. Пять дам пожелали держать экзамен в присутствии генерал-губернатора. Состоялась торжественная закладка здания приюта, строительство которого закончилось в том же году, и благотворители стали заготавливать нужные для приюта вещи.

Приход составил 29 891 руб. 26 коп. Расход – 13 200 руб. 34 коп.

1896 год

Состав Хабаровского благотворительного общества включал в себя уже 140 действительных членов. При 4-х почётных и 10-ти пожизненных членах. Председатель комитета – В. Ф. Духовская, с её отъездом заступали место Елизавета Зеноновна Зиновьева и Олимпия Ивановна Суботич. Было 16 членов комитета при 3 кандидатах, казначей и 2 секретаря при кандидатах.

В течение года ежемесячными пособиями воспользовались 52 человека. Единовременные денежные пособия выданы 41 лицу. За год помощью общества были поддержаны 96 человек, на что израсходовано 2 799

руб. 15 коп. Трое больных состояли на излечении. Таким образом, общее число получивших помощь возросло до 754 человек.

К 1 января 1897 года в детском приюте Хабаровское благотворительное общество содержало уже 15 детей под присмотром надзирательницы, няньки, кухарки и сторожа. На содержание его с 1 февраля 1896-го по 1 февраля 1897 года общество потратило 2 432 руб. 21 коп.

Приход составил 25 276 руб. 35 коп. Расход – 9 113 руб. 20 коп.

1899 год

В 1899 году в Хабаровске проживало 15 498 человек. В Хабаровское благотворительное общество входили тогда 4 почётных члена, 17 пожизненных и 96 действительных. Председателем комитета была избрана Мария Александровна Меренова. В комитете работали 14 членов, 3 кандидата, казначей, 2 секретаря при 3 кандидатах на эти должности.

За год 53 человека воспользовались ежемесячными пособиями. Единовременные получили 22 лица. В местных лечебных заведениях лечились 4 больных. Всего же помощь общества получили 78 человек и 52 – бесплатное лекарство из аптеки. На это всё потратили 3 584 руб. 74 коп.

Благотворители хорошо сознавали, что деятельность Хабаровского благотворительного общества была ограниченной и весьма паллиативной перед объёмом призрения всех нуждающихся. И при тех наличных средствах общества благотворительность не могла развиваться более широко. Комитет предпринял попытку изыскать дополнительный источник финансирования благотворительности и вновь возбудил ходатайство о разрешении открыть в Хабаровске аптеку Общества, которая бы давала ему значительный доход и позволяла содержать несколько благотворительных учреждений. Власть сочувственно приняла это ходатайство.

К 1 января 1900 года в приюте состояло 12 девочек и 6 мальчиков под присмотром надзирательницы, учительницы, кухарки и сторожа. Стоимость каждого призреваемого в год составила 185 руб. 86 коп. На содержание детского приюта было потрачено 3 259 руб. 60 коп.

Приход составил 22 005 руб. 95 коп. Расход – 6 890 руб. 31 коп.

1900 год

К концу XIX века в Хабаровске, по данным Сибирского торгово-промышленного календаря, проживало 16 400 человек. Благотворительное общество состояло из 97 действительных членов, 4 почётных и 17 пожизненных. Председателем комитета оставалась М. А. Меренова, членов – 10 при 8 кандидатах, казначей, секретарь при кандидатах на эти должности и 3 члена ревизионной комиссии.

За год ежемесячными пособиями воспользовался 51 человек. Единовременные пособия были выданы 29 лицам. Теперь уже 9 больных могли лечиться за счёт общества в городской больнице. Всего же помощь была оказана 89 нуждающимся в размере 2 814 руб. 20 коп., а 47 человек получили бесплатно, за счёт общества, лекарства из аптеки Лухта.

К 1 января 1901 года в приюте состояло 14 девочек и 11 мальчиков под началом надзирательницы, учительницы, кухарки и сторожа. Число воспитуемых колебалось от 18 до 29. Хабаровские благотворители понимали, что в здании, рассчитанном на 12 детей, явно не хватает помещений. Комитету даже пришлось отказать многим детям в приёме. Вопрос о расширении приюта обсуждался не один раз в течение года, и решили всё-таки пристроить к каменному зданию на каменном фундаменте деревянную пристройку. Строительство пристройки обошлось в 3 781 руб. 76 коп. Всего же на содержание приюта израсходовали 4 060 руб. 72 коп.

Приход составил 24 059 руб. 34 коп. Расход – 10 302 руб. 25 коп.

1905 год

После постройки детского приюта общество изменило своё название на «Благотворительное и попечительное общество об Ольгинском детском приюте трудолюбия в гор. Хабаровске».

В том году членов его было 83 человека. Из них 8 почётных, 16 пожизненных, 57 действительных и 2 члена попечительства о домах трудолюбия и работных домах. В состав комитета входили: председатель Мария Алексеевна Александрова, товарищ председателя, 6 членов и 8 кандидатов, казначей, секретарь и 3 члена ревизионной комиссии. Управление Ольгинским детским приютом состояло из 4-х человек.

За год 26 человек получили ежемесячные пособия и 24 лица – единовременные пособия.

В Ольгинском детском приюте после предпринятых мер можно было содержать уже до 37 воспитанников и воспитанниц. Расширился и состав служащих, который включал надзирательницу, учительницу, кухарку, сторожа и прачку. К 1 января 1906 года в приюте состояло 18 девочек и 11 мальчиков. На содержание его благотворители израсходовали 5 242 руб. 54 коп. Более того, в приют разными лицами пожертвованы 599 руб. 04 коп., и сами воспитуемые смогли заработать 437 рублей.

Приход составил 14 611 руб. 24 коп. Расход – 8 908 руб. 90 коп.

1906 год

В Хабаровске тогда, по данным П. Ф. Унтербергера, проживали 32 148 человек. В состав благотворительного общества входят 93 члена. Из них – 9 почётных, 16 – пожизненных, 66 – действительных, 2 члена благотворителей попечительства о домах трудолюбия и работных домов. Во главе комитета – супруга приамурского генерал-губернатора Эмма Ивановна Унтербергер, ей помогают заместители, 6 членов и 7 кандидатов. Работают казначей, секретарь, ревизионная комиссия из 3-х человек и кандидаты. Управление Ольгинского детского дома составляют 4 человека. При благотворительном обществе уже существовала аптека. Всего выдано на ежемесячные пособия 33 лицам 2 107 руб. Единовременные пособия для 51 лица составили всего 438 руб.

К 1 января 1907 года число воспитуемых включало 21 девочку и 10 мальчиков. В среднем на одного ребёнка в год потратили 108 руб. 16 коп. Всего же на содержание Ольгинского приюта благотворители израсходовали 6 260 руб. 03 коп. Сами дети заработали 378 руб. 02 коп.

Оборот средств предприятий благотворительного общества содержит такие цифры: аптека заработала 36 848 руб. 66 коп., потратила 27 181 руб. 13 коп., завод минеральных вод заработал 44 341 руб. 92 коп., потратил 31 564 руб. 04 коп.

Приход за год – 16 435 руб. 17 коп. Расход – 9 507 руб. 31 коп.

1907 год

По данным П. Ф. Унтербергера, в Хабаровске проживало 35 452 человека. Количество членов Хабаровского благотворительного общества составило 68 человек, включая 9 почётных членов, 16 пожизненных, 3 благотворителей попечительства о домах трудолюбия и работных домов и 40 действительных членов. Комитет состоял из председателя – Э. И. Унтербергер, её заместителей, 6 членов и 5 кандидатов, казначея, секретаря, 3-х членов ревизионной комиссии. Количество управляющих Ольгинским детским приютом осталось прежним – 4 человека. При обществе работала аптека. Ежемесячные пособия выплачивались 37 лицам на сумму 2 013 руб. Единовременными пособиями помогли 52 лицам на сумму 468 руб. 34 коп.

На 1 января 1908 года в приюте состояло 24 девочки и 14 мальчиков. В состав служащих приюта входили надзирательница, учительница, сторож, кухарка, нянька. В среднем на ребёнка в год потратили примерно столько же – 106 руб. 98 коп. На содержание Ольгинского приюта израсходовали 5 371 руб. Сами дети заработали 248 руб. 56 коп.

Аптека заработала 31 796 руб. 12 коп., потратила – 30 542 руб. 13 коп.; завод минеральных вод заработал меньше – 10 252 руб. 56 коп., а потратил и того меньше – всего 4 648 руб. 02 коп.

Приход составил 20 971 руб. 86 коп. Расход – 17 371 руб. 87 коп.

1911 год

По данным газеты «Приамурские ведомости», в Хабаровске проживали 50 026 человек. Количество членов Хабаровского благотворительного общества возросло до 104 человек, из них почётных – 11, пожизненных – 13, членов-благотворителей – 3, действительных членов – 77. Во главе комитета стояла супруга последнего приамурского генерал-губернатора Маргарита Мечиславовна Гондатти, которой помогали товарищ председателя и 8 членов. Работал казначей, секретарь при 7 кандидатах. Члены ревизионной комиссии – 3 и кандидаты. Управление Ольгинским приютом осуществляли 3 человека.

Ежемесячные пособия получили 45 человек на общую сумму 2 963 рублей. Единовременные пособия – 15 лиц на сумму 142 рубля.

В Ольгинском приюте количество призреваемых возросло и составило 36 девочек и 20 мальчиков. На детский приют потратили 5 313 руб. 30 коп. Дети заработали 311 руб. 56 коп.

Общий приход составил 13 355 руб. 93 коп. Расход – 11 110 руб. 39 коп.

В 1911 году поступления шли от членских взносов, сборов с концертов, спектаклей, лотереи-аллегри, сборов по подписным листам, пожертвований и разных поступлений, субсидий от города, процентов по книжкам сберегательной кассы, по государственным бумагам, от аптеки благотворительного общества, пожертвований на пристройку к приюту.

Денежные средства расходовались на содержание приюта, ремонтные работы, выплату ежемесячных и единовременных пособий, канцелярские и типографские расходы, на страховку здания приюта, телефон для приюта, лекарства для детей, в Комитет трудовой помощи в погашение ссуды, на приобретение акции Акционерного общества электрической энергии.

Как видно, в целом структура прихода-расхода сохранилась.

Патронаж августейших особ

В ноябре 1895 года император Николай II повелел учредить «особое убежище для призрения детей обоюга пола, остающихся без призора и пристанища». В ознаменование рождения Великой княжны Ольги Николаевны такое заведение получило название «Детский приют трудолюбия святой Ольги» или «Ольгинский приют». Созданное учреждение, получившее наименование Петербургский Ольгинский детский приют трудолюбия, состоявшее под непосредственным императорским покровительством, было передано в ведение Попечительства о домах трудолюбия и работных домах (с 1906 года – Попечительство о трудовой помощи). Этот приют послужил образцом для устройства и развития подобных учреждений в Российской империи, и для них был разработан типовой устав. Дети принимались в приюты без различия вероисповедания, сословия или звания, но способные к работе по состоянию здоровья. Их обучали Закону Божию и грамоте, земледельческим, огородным работам и несложным ремёслам. И после двух лет работы, в 1898 году, первый детский приют, располагавшийся на углу улиц Барановской и Барабашеской (ныне Ленина и Запарина), был переименован

в «Ольгинский детский приют трудолюбия». Таким образом, Хабаровск встал в один ряд с 36 губернскими и областными городами России.

Некоторые хабаровские благотворительные учреждения были под патронажем августейших особ. Так, деятельность детского приюта «Ясли» с 1 июля 1910 года состояла под покровительством императрицы Александры Фёдоровны.

Александр-Ксениевская община сестёр милосердия Красного Креста в Хабаровске и богадельня при ней были сооружены и поддерживались на средства Великого князя Александра Михайловича. От него в богадельню, существующую с 1885 года, на содержание двух кроватей ежегодно поступали пожертвования в 300 рублей. Покровительницей детского убежища была с 10 июня 1896 года Великая княгиня Ксения Александровна.

Задачи благотворительности

Анализируя приходно-расходные суммы Хабаровского благотворительного общества, можно говорить, что они тратились на решение следующих задач: выдачу ежемесячных пособий, единовременных пособий, содержание и лечение больных в военном полугоспитале и городской лечебнице, постройку здания для помещения приюта, содержание приюта, приобретение одежды, обуви, мебели и прочей обстановки, ремонт здания, уплату лекарств для больных, поддержание в хорошем состоянии имущества и деятельность детского приюта, воспитание и обучение детей-сирот в Ольгинском детском приюте и деятельность детского приюта «Ясли».

В Николаевске-на-Амуре при организации благотворительного общества в 1900 году взяли в качестве примера устав и деятельность Хабаровского благотворительного общества, то есть опыт благотворительной работы в Хабаровске получил распространение вширь.

Особенности деятельности благотворительных обществ в Приамурье и Приморье можно подтвердить подобным положением дел в Никольске-Уссурийском и Владивостоке.

Автор выражает благодарность Анатолию Михайловичу Жукову за добросердечную помощь в поисках сведений. Глубокая признательность – работникам Государственного архива Хабаровского края и отдела краеведческой литературы Дальневосточной государственной научной библиотеки за поддержку.

В. Н. Вольхин

СУДЬБА УНИКАЛЬНЫХ СКЕЛЕТОВ ИЗ ГРОДЕКОВСКОГО МУЗЕЯ

В начале 1901 года в Хабаровский музей Приамурского отдела Императорского Русского географического общества, после сдачи его в окончательную эксплуатацию, обильно начали поступать дары для будущих экспозиций. Только за три месяца, с января по март, их набралось больше полусотни. Директор В. П. Маргаритов едва успевал их регистрировать. Поступления были разнообразны: от генерала Гродекова – два изображения Будды и медная пушка, захваченная в Гирине, а также 12 артиллерийских орудий из Порт-Артура, от инженера Кербедза – два бивня, найденных при постройке моста через реку Сунгари на глубине шести сажен под водой, от поручика Маслова – фальшивый рубль 1898 года и один фальшивый полтинник 1899 года, от других – начиная с модели золотопромывательной машины, богатейшей коллекции боевого снаряжения китайцев, предметов пыток и казни преступников, и кончая японским мечом с пропитанным смертельным ядом лезвием.

Но «венцом благополучных дел музея» было два уникальных приобретения: первое – на Командорских островах в октябре 1897 года, когда у инородца Трифона Синицина были куплены за 200 долларов (золотом) два полных скелета вымершей морской коровы (капустницы); второе – в августе 1899 года, когда из Владивостока графом Генрихом Кейзерлингом был прислан в дар музею скелет огромного китообразного длиной 10 сажен (свыше 20 метров).

Стеллерова корова

Впервые это редкое, ныне вымершее китообразное травоядное животное увидел Георг Вильгельм Стеллер – путешественник и натуралист, адъютант натуральной истории (помощник профессора) Петербургской академии наук, врач и участник 2-й Камчатской экспедиции Витуса Беринга к берегам Америки в 1741 году.

Оказавшись с частью экипажа после кораблекрушения «Св. Петра» на необитаемом острове (получившем позднее имя Беринга), Стеллер

во время зимовки описал это животное так: «Тело длинное, свыше 10 аршин, толстое, округлое, веретёнообразной формы и к хвосту утолщающее. Передняя часть тела напоминает тюленя, задняя – кита. Голова собачья, с стоячими острыми ушами, зубов нет, дёсны покрыты ребристыми роговыми пластинками, на верхней и нижней губе по обеим сторонам борода; глаза большие. Кожа складчатая, похожая на кору старого дуба, густо покрыта волосами, на спине серого, на брюхе рыжеватобелого цвета; в воде же животное было такого цвета, как бурая корова. Ласты имели два сустава, на концах – копытообразные уплотнения. Животные почти всегда были заняты едой».

Такое описание оставил нам Георг Стеллер, впервые увидев невиданное млекопитающее – морскую корову, названное позже его именем – *Rhithina Steller*».

Эти уникальные животные водились только в Беринговом море, держались огромными стадами у побережья Командорских островов, особенно на морских пастбищах Берингова острова, в местах с обильной водной растительностью – морской капустой (ламинарией) и морской травой (аларией).

Мясо морской коровы оказалось нежным и вкусным, неотличимым от говядины, напоминающим мясо молодых бычков, а жир икр – мясо молодых свиней. Эти животные и были основной пищей зимовщиков экспедиции Беринга.

По описанию Стеллера, «...морская корова, или капустница, крайне миролюбивое, доверчивое животное, при появлении человека корова продолжает оставаться на месте, поедая по берегам водоросли. К ней можно было подходить и трогать руками; поэтому добыть капустницу не составляло никакого труда. В любое время года этих животных можно найти повсюду вокруг острова в таком количестве, что всё побережье Камчатки могло бы постоянно щедро снабжать себя их жиром и мясом... Вес животного со шкурой, мышцами, мясом, костями и внутренностями я оцениваю в 200 пудов».

Дальше Командорских островов она не распространялась, что при её доверчивости к человеку и послужило, по словам французского географа конца XIX века Ж. Реклю, «главнейшей причиной её быстрого исчезновения».

Шведский исследователь Арктики, член-корреспондент Петербургской академии наук Н. Норденшельд, на основании рассказов туземцев

сообщает, что «стеллерова корова до 1780 г. встречалась ещё. В настоящее время это животное совершенно исчезло, и каждая уцелевшая отдельная часть этого животного в учёном мире считается драгоценностью».

Таким образом, морская корова была полностью истреблена зверо-промышленниками всего за сорок с небольшим лет после открытия её Г. Стеллером.

В Хабаровск скелеты были доставлены с Командорских островов в конце 1897 года по распоряжению начальника Командорского округа Н. А. Гребницкого и благодаря любезности его помощника Н. С. Ваксмута. При осмотре и обмере находки было определено, «что скелет состоит: из черепа, 45-ти позвонков, рёбер и костей конечностей. Длина всего доставленного скелета – 7 арш. 13 вер. (4,05 м), длина черепа – 13 вер. (57,2 см), высота – 8 вер. (32,5 см), окружность спинного позвонка – 18 вер. (79,2 см), наибольшая длина ребра – 31 вер. (136,4 см), а окружность ребра 6,5 вер. (28,6 см)».

Факт приобретения Приамурским отделом ИРГО сразу двух скелетов вымершей «стеллеровой коровы», опубликованный в печати, «произвёл мировую сенсацию в учёных сферах». Сразу был получен ряд запросов на возможность приобретения драгоценной находки – от Лионского музея и Парижского естественно-исторического музея, от Королевского кабинета естественных наук в Штутгарте и Мюнхенского музея (Германия), Национального Венгерского музея в Будапеште. Известно, что на Совете отдела 7 октября было рассмотрено письмо императорского российского консула в Сан-Франциско В. Арцимовича «об оказании содействия в разрешении продать французскому консулу **de Lalande** одного экземпляра **Rhytina Steller**». Известна и резолюция совета: «...передать в канцелярию генерал-губернатора мнение о разрешении продать французскому консулу «одну корову» и затем внести в смету будущего года 100 долларов золотом на покупку для Хабаровского музея одного экземпляра морской коровы».

Желали приобрести скелет морской коровы и в России – Академический зоологический музей и Музей Императорской академии наук в Петербурге.

Все заявки и пожелания были тщательно изучены членами совета, а во всех городах, музеи которых пожелали приобрести скелет «Rhytina Steller», побывал на переговорах хабаровский представитель, член Совета отдела К. Е. Пфаффиус. Он выяснил, что все музеи, как европейские,

так и русские, не обладают средствами для покупки дорогих экземпляров для своих коллекций. И всё же Пфаффиус по поручению Совета отдела продал один экземпляр скелета коровы Стеллера, после того как на все отправленные им из Хабаровска весной 1903 года телеграммы с условиями продажи экземпляра пришёл один незамедлительный ответ от директора Парижского естественно-исторического музея господина Перие. Оперативность этого господина и решила участь редкого скелета. Он был продан с громадной выгодой для хабаровцев, а именно за 2500 франков (по другим данным – за 5000 франков).

Вот как об этом событии сообщила газета «Приамурские ведомости» от 1 апреля 1903 года: «Приамурским отделом ИРГО отправлен для парижского естественно-исторического музея редкий скелет морской коровы, купленный парижским музеем за 5000 франков. Скелет укупорен в пяти ящиках весом 31 пуд».

Расширим эту скупую информацию. По просьбе покровителя Приамурского отдела ИРГО Н. И. Гродекова ящики со скелетом были бесплатно перевезены из Хабаровска во Владивосток по Уссурийской железной дороге с любезного разрешения её начальника Н. И. Кремера. Из Владивостока скелет был отправлен морским путём до Нагасаки, куда он прибыл 27 апреля 1903 года и передан французскому вице-консулу. Доставку до Нагасаки любезно и безвозмездно принял на себя торговый дом «Кунст и Альберс». Из Нагасаки он 3 июня отбыл на французском почтовом пароходе в Йокогаму. Затем французский посланник в Токио распорядился о переправке скелета в Европу на одном из французских крейсеров.

Можно догадаться, кем был приобретён второй скелет. В зоологическом музее Академии наук России в Петербурге хранится наиболее крупный и полный скелет «стеллеровой коровы». Откуда он? Известно, что в марте 1902 года К. Е. Пфаффиус, занимаясь продажей скелетов, сообщил телеграммой из Петербурга в Хабаровск следующее: «Сенатор Семёнов (П. П. Семёнов-Тян-Шанский, вице-президент ИРГО) советует так: продавать скелет за границей. Если нельзя получить желаемой цены, обратиться к нему, будет хлопотать приобрести скелет для Музея Академии наук».

Известно также, что русскими исследователями Аляски посчастливилось в своё время найти и собрать три полных скелета морской коровы и они были вывезены в Петербург, Москву и Гельсингфорс (Хельсинки).

Скелет морской коровы, который сегодня размещён в отделе природы Хабаровского Гродековского музея, также можно просчитать, откуда. Известно, что В. Н. Маргаритов, будучи директором Хабаровского музея, в 1897 году во время своей этнографической экспедиции на Камчатку приобрёл для музея скелет, доставленный с Командорских островов. Это был некрупный скелет морской коровы, скорее, её взрослый телёнок длиной около трёх метров, и сенсации особой не произвёл, но ценностью обладал необыкновенной. Эта находка и демонстрируется нынче в нашем музее. Не шутка, что сегодня в мире полных скелетов стеллеровой коровы можно пересчитать по пальцам, и едва ли дойдёшь до десяти. Все они размещены лишь в крупнейших музеях мира. И один из этих уникальных экспонатов – в Хабаровске! Это и есть настоящая ценность и настоящая сенсация.

Что же касается истории путешествия и последующей жизни исследователя-естествоиспытателя Георга Стеллера, который родился в Германии в 1709 году и прославил себя великим открытием, она вкратце такова. Прожив девять долгих и трагических месяцев на острове, похоронив 26 членов экипажа, включая командора Беринга, измученный болезнью Стеллер и другие участники экспедиции во главе с лейтенантом Свенном Вакселем в августе 1742 года добрались до Камчатки. Здесь Георг Стеллер продолжил исследования до 1744 года, детально изучая флору, фауну, быт и нравы камчадалов и параллельно работая над материалами экспедиции.

Он закончил рукописный труд – результат кратковременного пребывания учёного на американском континенте: «Описание растений, собранных за 6 часов в Америке». Именно за это время неистовый учёный сумел собрать и описать 160 видов американской флоры. Он обработал собранные 224 вида командорских растений, дал первое описание острова Беринга, закончил работу «О морских животных», в которой впервые описал морскую корову, подготовил к изданию работу «Описание земли Камчатки».

К лету 1744 года Стеллером было отправлено в Петербург 16 ящиков ценных научных материалов, собранных в экспедициях. Вскоре и ему самому пора уже было возвращаться в Петербург в академию. Осенью 1744 года Стеллер через Охотск прибыл в Якутск и осенью 1745 года был уже в Иркутске, а весной 1746 добрался до Соликамска. Позже по до-

роге, не доезжая Тюмени, Георг Вильгельм Стеллер тяжело заболел и скончался в ноябре 1746 года, в возрасте 37 лет. Похоронен в г. Тюмени.

Долгие годы труды Стеллера на русском языке не издавались. И только в 90-е годы XX столетия вернули долг великому учёному-естествоиспытателю: в 1995 году издан «Дневник плавания с Берингом к берегам Америки. 1741–1742», в 1996 году – «Описание земли Камчатки» и «Описание острова Беринга», в 1999 году – «Письма и документы. 1740 г.». В 1999 году в «Краеведческих записках» Камчатского областного музея впервые опубликована работа Стеллера «Историко-этнографическое описание народов Камчатки в XVIII веке».

Имя учёного помнят на Командорах. Самая высокая вершина на острове Беринга названа горой Стеллера. Есть на острове уникальный памятник природы – каменная арка, носящая его имя. Имя Стеллера увековечено и в названиях некоторых растений и животных.

Японское «чюдище»

Если мы откроем газету «Приамурские ведомости» за 5 мая 1902 года, то прочтём следующее: «На площадке, около музея, в праздничные дни и в послеобеденное время собирается много публики, любующейся сборкой скелета морского «чюдища» (чюдища – *ред.*), огромного, свыше 10 сажен длины кита, пожертвованного нашему музею китобойным товариществом Генриха Кейзерлинга из Владивостока. Скелет кита был доставлен в 1899 году из бухты Гайдамак, где у графа находится салотопенный завод. Устанавливается скелет директором музея Маргаритовым В. П. с помощниками, на железных стойках 1 сажени высоты, укрепленных на бревенчатых рамах (брёвна пожалованы самим городской головой А. А. Рассушиным). Позвонки уже нанизаны на железные штанги в полтора дюйма толщины. Скелет почти собран; остаются несобранными грудная клетка и голова».

Отойдём ненадолго от скелета «чюдища» и вспомним несколько исторических эпизодов рассвета китобойного дела на Дальнем Востоке.

В дальневосточных морях, Японском, Охотском и Беринговом, в начале XIX века водились многие виды китов. В Охотском и Беринговом – полярный кит (из семейства гладких, длиной до 21 м), кашалот (зубастый кит, длиной до 20 м и весом до 70 тонн), заплывал и голубой кит (блювал, или синий кит, самое крупное млекопитающее, весом до 150

тонн). В водах Камчатки, как писал известный исследователь Дальнего Востока доктор Н. В. Слюнин («Охотско-Камчатский край». 1901), «размеры китов некоторых видов достигают 102 футов длины, вес доходит почти до 10 тысяч пудов. Иначе говоря, такой кит по весу соответствует 30–32 слонам или 160–170 быкам. Это, поистине, чудовище снабжено в пасти, вместо зубов усами, длина которых превышает четыре аршина, и в пасти этой может поместиться лодка с гребцами. Поэтому неудивительно, что один такой кит даёт уса и ворвани (вытопленного жира) на сумму от 5 до 20 тысяч рублей».

Южнее, в Японском море, обитали в основном финвалы, или сельдяные киты (семейства полосатиков, длиной 20–27 метров), появлялись и другие виды. Добыча китов изначально была задумана для получения продуктов их переработки: жира – для пищевой, кожевенной и мыловаренной промышленности, мяса – для получения консервов и белка, печени – для выработки витаминов и фармпрепаратов, амбры и спермацета (воскоподобных веществ в желудке и голове кашалотов) – для использования в парфюмерном деле и получения смазочных материалов, кремов и мазей. Всё должно было бы идти по-научному.

Но в реальной жизни с начала XIX века китоловство стало развиваться по хищническим законам в угоду добычи модного тогда в Англии, Франции и Америке китового уса, применяемого при шитье модной одежды, изготовлении разных поделок и стоившего на рынке баснословных денег – от 6 до 8 тысяч рублей за усы с одного кита. (Китовый ус – это роговые пластинки на верхней челюсти у беззубых китов, их у него обычно до 800 штук, с одного кита можно было добыть 3,46–4,5 (от 55 до 70 кг) пуда уса. И вот ради этих 70 килограммов уса убивали, порой, китов весом от 70 до 120 тонн. Немалую выгоду приносили взятое с китов мясо и ворвань, которых получали с одного кита, в зависимости от его породы, от 3 000 до 4 000 пудов (48–64 тонны).

В дальневосточных морях с начала XIX века по-разбойничьи хозяйничали иностранные дельцы. Так, в Охотском море плавали в течение лета целые флотилии – до 200 шхун. По свидетельству только американских арматоров (капитанов снаряжённых судов), за 14 лет (с 1847-го по 1861-й) ими вывезено китового жира и уса на 130 миллионов долларов.

С 1849 года по концессии, выданной Российско-Американской торговой компанией, американцы начали заниматься китоловством у берегов Русской Америки, в Беринговом проливе и Охотском море. Толь-

ко за два промысловых сезона 1849–1850 гг. их китобойные суда добыли китового уса на сумму 2 071 742 доллара и китового жира – на 6 370 711 долларов.

Позднее, только за пять лет (1881–1885 гг.), американскими же китобоями было добыто в водах Чукотки и Камчатки китовых продуктов на сумму 7 155 474 зол. рублей. Для сравнения: всё население Чукотского уезда получало в год от китового промысла уса доходов на сумму до 100 тысяч рублей и пищевых продуктов до 50 тысяч пудов. Приведённые выше цифровые данные заимствованы, с некоторыми дополнениями и изменениями, из статьи неизвестного автора «Морские промыслы у берегов Дальнего Востока», помещённой в № 2512 «Приамурских ведомостей» за 1916 год.

Из русских предпринимателей первым занялся китобойным промыслом в здешних водах Линдгольм Отто Васильевич, финн по рождению. Служил в Российско-финляндской китоловной компании. С 1857 года – вольный шкипер. В 1863 году с тремя товарищами прибыл в Николаевск-на-Амуре для организации китобойной компании. В 1864 году основал, с благословения военного губернатора Приморской области контр-адмирала П. В. Казакевича, факторию в Тугуре и занимался убоем китов до 1885 года. Тугурское китоловство давало ежегодно чистого дохода свыше четверти миллиона рублей. О. В. Линдгольма принято считать пионером китобойного дела на Дальнем Востоке.

За ним успешно начинает китобойное дело отставной капитан 2 ранга Аким Егорович Дадымов, но в январе 1891 года китобоец «Геннадий Невельской», на котором находился Дадымов со своей командой, пропал без вести в Японском море. После гибели А. Г. Дадымова китоловством у берегов Дальнего Востока стал заниматься граф Генрих Кейзерлинг, расширив промышленное и коммерческое значение этого промысла. В 1899 году он вместе с компаньонами образовал фирму «Тихоокеанское китобойное и рыбопромышленное АО графа Г. Г. Кейзерлинга и К^о». Обществом было приобретено два специально приспособленных парохода «Николай» и «Георгий», устроен на берегу бухты Гайдамак (в заливе Восток) завод для вытопки китового жира, переработки костей и проч.

Поначалу его пароходами и шхунами добывалось в год до 80 китов, позже, в 1903 году, было убито уже 300 китов. В основном в Японском море, как у наших берегов, так и у берегов Кореи. В 1904 году Г. Кейзерлинг намерен был отправить вновь построенный пароход-фабрику

«Михаил» к полярному кругу, так как от одного полярного кита получалось «барыша» в 10–15 раз больше, чем от местных пород, истребляемых в Японском море.

Основной капитал общества к концу 1903 года превысил 1,5 миллиона рублей, но дальнейшее развитие промысла остановила Русско-японская война: в 1904 году почти весь русский китобойный флот, находившийся в Нагасаки, был арестован японскими властями в качестве военного трофея.

Первая попытка возродить китобойный промысел в одах Дальнего Востока была предпринята советским правительством в 1925 году на базе концессионного договора с норвежской компанией «Вега», которая в сезон 1925–1926 гг. добыла 686 китов.

Завершив краткий экскурс в историю китобойного промысла, хочется заглянуть ещё раз на площадку около музея. Та же газета «Приамурские ведомости» за 30 июня 1902 года сообщала: «Скелет кита собран, рядом собран скелет помельче, гигантской рыбы – касатки; оба скелета помещены под особым красивым шатром и огорожены деревянной решёткой изящного рисунка; такой же решёткой обнесён и край Муравьёвского утёса, что давно не мешало бы сделать, ибо обрыв здесь почти отвесный и дети, гуляя, могли подвергаться опасности...»

Хабаровчане должны быть благодарны русскому моряку-китобою, графу Генриху Гуговичу Кейзерлингу за эти переданные музею реликвии. Более ста лет созерцали хабаровчане и гости города эти редкие экспонаты, пока летом 2004 года оба скелета не были переданы на реставрацию учёным-специалистам. Через четыре года восстановленный скелет кита-полосатика занял достойное место на новом месте, в специальном стеклянном павильоне музея.

С. А. Монахова

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ЗВЁЗДЫ РОССИИ В ХАБАРОВСКЕ

На рубеже XIX и XX столетий в театрах Москвы и Петербурга появились хорошо подготовленные, высокопрофессиональные отечественные артисты-музыканты. Этому способствовала замечательная плеяда педагогов, работавших в Московской и Петербургской консерваториях. Многие из них вели обширную концертную деятельность как солисты и ансамблисты. Строго выдержанные программы их концертов, просветительская направленность способствовали воспитанию художественных вкусов публики и распространению серьёзной музыки.

Среди тех, кто не раз посещал Дальний Восток, был русский виолончелист, крупнейший музыкант, преподаватель Петербургской консерватории Александр Вержбилович. Особенно активно концертная деятельность Вержбиловича развернулась с конца 70-х годов XIX века. Он постоянно выступал как в сольных, так и в ансамблевых концертах. Репертуар исполнителя был огромным.

Гастроли А. Вержбиловича в Хабаровске проходили летом 1908 года. Как и полагалось знаменитости с мировым именем, виолончелист приехал в сопровождении небольшой труппы. Большая часть публики стремилась послушать знаменитого маэстро – «короля виолончелистов». Высокий, статный, с одухотворённым взглядом предстал перед хабаровскими слушателями знаменитый музыкант. Талант Вержбиловича оказался настолько велик, что даже заигранные вещи, такие, например, как «Серенада» Брага и «Грёзы» Р. Шумана, получили свежесть и новизну. Его исполнение восхищало безупречной техникой, осмысленной фразировкой, тонкостью и разнообразием нюансов. Красивый сильный звук его инструмента оставлял неизгладимое впечатление. «Артист стоит давно выше критики», – писала газета «Приамурские ведомости». В исполнении А. Вержбиловича сконцентрировались лучшие черты русской инструментальной школы.

Активную концертную деятельность вели солисты столичных оперных театров. Важнейшей задачей артистов являлось формирование русской школы камерного пения. Они старались знакомить публику с искусством русских композиторов.

В 1908 году в Хабаровске побывали выдающиеся русские оперные певцы: В. Н. Петрова-Званцева, Н. А. Шевелев, А. В. Смирнов, А. М. Лабинский, М. Н. Ланская.

Замечательными для дальневосточников стали гастролы блестящего тенора Николая Фигнера. Звезда русской оперы Н. Н. Фигнер пришёл на сцену Мариинской оперы уже сложившимся артистом, много выступавшим в Европе и Южной Америке. Он был первым исполнителем многих партий в операх русских композиторов. Для него П. И. Чайковский написал партию Германа в «Пиковой даме». В письмах П. И. Чайковского можно прочесть: «Что бы вы думали, чтобы бедному Н. Фигнеру дать роль не слишком непосильную? Семь картин, и он всё время должен действовать!.. Я прихожу в ужас, когда вспоминаю, сколько я уже для него написал и сколько ещё придётся написать. Боюсь, просто не хватит сил у бедняги. Да и не только Н. Фигнер, но и всякий артист будет приведён в страх и трепет, узнавши, что постоянно нужно быть на сцене и петь».

Хабаровчане, почитатели оперной музыки, наслышанные о таланте Фигнера, окружили вниманием и заботой знаменитого певца. Почётная депутация, встречавшая гастролёра, сопровождала его на всём пути следования. Модная причёска Фигнера и щеголеватый вид стали примером для подражания. Звание придворного солиста позволило певцу брать высокий гонорар, но, несмотря на непомерно высокие цены на билеты, зал был полон. Огромный успех Фигнера в Хабаровске отмечала местная пресса. Это свидетельствовало о высоком уровне слушателей, сумевших по достоинству оценить талант певца. И хотя с годами тембр голоса Фигнера стал глуховатым, яркий темперамент, экспрессивность искупали всё.

Первое десятилетие XX века культурная жизнь Хабаровска была насыщена сенсациями. Весной 1909 года всё внимание хабаровчан было устремлено на приезд на Дальний Восток великой трагической актрисы Веры Фёдоровны Комиссаржевской. Поставив силами любителей драму Зудермана «Отчий дом» и сыграв в ней, актриса покорила Хабаровск. Под бурю аплодисментов Комиссаржевскую увенчали лавровым венком. Медленно, находясь ещё во власти только что сыгранной роли, сошла со сцены Вера Фёдоровна. Рассеянным, ничего не видящим взглядом она скользнула по залу. Вне себя от восторга публика вскочила с мест и последовала за нею. Вряд ли те, кто был на этом спектакле

и видел полную жизненных сил артистку, мог подумать, что дни её сочтены. Это были последние гастроли Комиссаржевской, через год её не стало.

Восторженный приём вызвал Леонид Собинов, гастролеровавший на Дальнем Востоке весной 1910 года. Дня концерта хабаровские любители музыки ждали с особым нетерпением. Никого не удивляли высокие цены на билеты. Было известно, что во Владивостоке выручка с двух его концертов составила одиннадцать тысяч рублей, а певцу за каждый выход платили три тысячи. Девятого мая 1910 года зрительный зал общественного собрания был переполнен, в проходах сидели на приставных стульях, в дверях толпились гимназисты и кадеты. Городская власть расположилась в ложах и на первых рядах. Напряжённое ожидание повисло в воздухе. И вот на сцену вышел Леонид Собинов. Его облик говорил о необыкновенной одухотворённости. Скрытое волнение, которое певец невольно испытывал перед каждым выходом на сцену, передавалось залу. Как только голос зазвучал, волнение исчезло, и певец преобразился. Достоинства его вокального мастерства высоко оценивали даже наиболее придирчивые и суровые слушатели. Буря аплодисментов сопровождала каждый исполненный им номер. И хотя в программе было объявлено всего три произведения, исполняемых Собиновым, публика требовала и требовала повторений, и певец не отказывал ей в этом. Нелегко пришлось выступавшему с Собиновым баритону итальянской оперы Андага. Надо отдать должное хабаровской публике, которая, несмотря на огромное восхищение кумиром, смогла по достоинству оценить превосходное мастерство его партнёра. Да и сам Леонид Витальевич, никогда не ставивший себя в исключительное положение, всячески выказывал своё дружеское, уважительное отношение к итальянскому коллеге, что и было отмечено слушателями.

Своё выступление Л. Собинов начал с исполнения романсов русских композиторов. Неожиданными красками расцвели хорошо знакомые романсы М. Глинки, А. Даргомыжского. Не обошлось в концерте и без романсов Чайковского. Лирика композитора была близка творческой индивидуальности певца, его тёплому, мягкому голосу. Исполнив романс «Средь шумного бала», певец не услышал привычных оваций и с удивлением взглянул в зал. Публика замерла, не раздалось ни одного хлопка, у некоторых в глазах стояли слёзы. Л. Собинов почти гипнотически действовал на слушателей, будил в душах дорогие воспомина-

ния, наполнял ощущением радости, счастья, надежды. Через несколько секунд зал словно прорвало. Все вскочили с мест, овации долго не утихали. Счастливики, побывавшие на исторических для Хабаровска концертах, ещё долго рассказывали о том, что простой, общительный, лишённый чванства певец расположил к себе всех без исключения.

Второе десятилетие XX века ознаменовано сменой власти в Приамурском крае. Главным начальником Приамурья становится Николай Львович Гондатти. С лёгкой руки нового генерал-губернатора хабаровская общественность пережила период увлечения театральными постановками. Публика вновь переполняла концертные и театральные залы.

Блестящий успех выпал на долю труппы Е. Долина. В заглавных ролях выступала Надежда Гондатти, по отзывам прессы, «артистка с выдающимся талантом». Последний спектакль, данный труппой в Хабаровске, превратился в день театральных именин актрисы. Её осыпали цветами и ценными подарками.

В театре Матеуса шли спектакли труппы Н. Ф. Улиха. Театральная афиша обещала познакомить публику с артисткой петербургских театров, создательницей нового жанра Анной Александровной Арабельской.

И вновь сенсация! Впервые Хабаровск посетил симфонический оркестр 2-го Заамурского железнодорожного батальона под руководством капельмейстера, выпускника Петербургской консерватории Т. М. Зунделя. Основная часть оркестрантов – выпускники столичных консерваторий. Рецензент газеты «Приамурье» г-н Мяновский отмечал прекрасное исполнение оркестром сочинений Ф. Шуберта, Э. Грига, А. Лядова, Я. Сибелиуса.

Но, как это часто случается в провинциальном городе, и тут не обошлось без казусов. Хроническая нехватка мест в гостиницах города вынудила отцов города поселить коллектив численностью сорок человек прямо на вокзале, в комнате ожидания. Учитывая отсутствие элементарных удобств и трудности передвижения по хабаровским улицам из-за непролазной грязи, мы можем представить, в каком виде являлись музыканты на концерт. Однако ни плохая акустика театра Матеуса, ни унылый вид оркестра не могли ослабить впечатления, бесспорно самого яркого в этом концертном сезоне.

Весной 1912 года в городе прошёл слух о приезде всемирно знаменитого клоуна и сатирика Анатолия Леонидовича Дурова. Гастролировал

артист с женою – дрессировщицей Анной Игнатьевной и дочерью Марией. В его «Антропозоологическую труппу» (как гласили афиши) входили самые прозаические животные: кошки, собаки, поросята.

К счастью для дальневосточников, слухи обрели реальность, и 20 апреля запестрели афиши с именем Анатолия Дурова. Публика, собравшаяся в цирке Шараповой, была буквально наэлектризована. Остроты Дурова в те годы передавались из уст в уста, поэтому от него ждали политической злободневности, смелости. Было известно, что актёр чаще всего не повторялся, а варьировал свои шутки в зависимости от ситуации.

Действительность превзошла все ожидания. Необыкновенный подъём артиста не могла не отметить публика. В атласном клоунском костюме, в колпаке с бубенцами, с небольшими чёрными усиками, в гриме Пьеро, набелённый и покрашенный – таким запомнился Дуров хабаровчанам.

В том же 1912 году, 16 февраля, с единственным концертом выступала «эстрадная дива» Надежда Васильевна Плевицкая. Её талант был случайно открыт Леонидом Собиновым, который услышал певицу в ресторане Нижнего Новгорода. Они познакомились, и Леонид Витальевич убедил певицу выступать вместе с ним в концерте. Этот случай наделал много шума и послужил прекрасной рекламой для молодой певицы. Л. Собинов помог Н. Плевицкой выбраться на большую сцену из кафешантанов и кабаре. К моменту гастролей Н. Плевицкой на Дальнем Востоке её слава достигла зенита.

Самобытность певческой манеры Плевицкой проявилась в сочетании народной исполнительской манеры с яркой артистичностью и безупречным владением голосом. Наиболее искушённые слушатели подметили влияние «шаляпинской» манеры. В Хабаровске Плевицкая приобрела много поклонников, прежде знавших о ней лишь понаслышке. Она исполняла русские песни с необычайным чувством и правдивостью. Пела Плевицкая так, как поют простые крестьянки, со всем своеобразием народной манеры. Большинство пришедших на концерт Плевицкой хабаровчан считали за счастье услышать её.

Разбуженное хабаровское общество проявляло интерес ко всем гастролирующим труппам. Летом 1913 года Хабаровск посетили два драматических коллектива. Один из них занял театр Матеуса, другому был

предоставлен театр, находившийся в городском парке, где была устроена сельскохозяйственная выставка.

Фурор произвели гастроли Григория Григорьевича Ге, приехавшего с труппой петербургских артистов из 26 человек. Спектакль А. Толстого «Смерть Иоанна Грозного» завершился неистовыми аплодисментами. Восторги, рукоплескания, цветы сопровождали все спектакли.

Если просвещенная публика штурмовала кассу театра Матеуса, где гастролировали петербуржцы, то публика попроще не отказывала себе в удовольствии посетить концерты исполнителя цыганских романсов Александра Васильевича Ильманова в сопровождении виртуоза-балалаечника Ивана Вольского и представления цирка Ф. Я. Изако. Афиша цирка извещала о головокружительных трюках: люди-мячики, адские прыжки через восемь лошадей и прочее.

Любители эстрадной музыки спешили посетить концерты Марии Андреевны Инсаровой, ежедневно выступавшей в театре-кабаре «Аркадия», открывшемся на Поповской улице (ныне улица Калинина). Концерты, театральные спектакли, театральные встречи поощрялись городским начальством, считавшим их хорошим признаком процветания.

Живя в мире театральных страстей, хабаровчане и не думали о надвигающихся событиях. Находясь вдали от европейской части России, они спокойно приняли весть о начале Первой мировой войны. Теперь музыкальные и театральные развлечения приняли политический оттенок.

Проходившие в общественном собрании патриотические вечера начинались с пения государственного гимна и гимнов союзных держав. Только к концу 1914 года беспокойство охватило и хабаровское общество. Часть интеллигенции покинула Дальний Восток. Постепенно сократилось число увеселительных мероприятий, стали редкими гастролёры. Война и, главным образом, запрещение продажи спиртного вызвали повышенный интерес к книге, газете, политическим выступлениям. В газетах того периода можно встретить упоминание об увеличении числа читателей в библиотеках города. В народном доме возобновились литературные чтения. Их программа была составлена с учётом военного времени. Цветистые патриотические призывы звучали в выступлениях лекторов. В кругах любителей музыки шли споры о том, можно ли в дни войны на эстраде исполнять музыку Вагнера. В доверительных беседах читались строки писем с фронта, с тревогой размышляли о будущем,

многим безрадостной виделась судьба страны. Заглушая постоянно живущее беспокойство, хабаровское общество старалось сохранить тонус, присущий мирной жизни. Спектакли любителей по-прежнему проходили в общественном собрании и народном доме.

Первая мировая война, круто изменившая жизнь Европы, почти не изменила послевоенного уклада дальневосточной окраины. Как никогда, Хабаровск стал местом паломничества многочисленных гастролёров. Многие из них были здесь хорошо знакомы.

В театре миниатюр ставила свои спектакли одесская труппа под руководством М. Н. Нининой-Петипа. На хабаровских подмостках блистала Софья Белая, именовавшая себя артисткой-писательницей. Она выступала в сопровождении группы «Фарс».

Истинным «праздником души», по определению местной прессы, стал концерт скрипачки Маргариты Бернсон и пианиста Гарри Оре. Молодые музыканты восхитили публику блестящей программой, тонким художественным вкусом, разнообразием программы.

Гастроли театра миниатюр Н. Ф. Улиха и драматическо-опереточной труппы Барского проходили осенью 1916 года.

Открытием для дальневосточников стали гастроли актрисы Александринского театра Елены Николаевны Роциной-Миансаровой. По слухам, она была дочерью знаменитого провинциального актёра, принадлежавшего к старинному дворянскому роду. На сцене актриса была неподражаема и имела успех. Репертуар её труппы был первоклассным: Б. Шоу «Пигмалион», Н. Островский «Гроза», А. Дюма «Дама с камелиями», А. Батайль «Обнажённая».

Редкими и поэтому наиболее запоминающимися были гастроли столичных балерин. Сформировавшийся ещё в XVII веке русский балет долгое время оставался обособленным, сосредоточенным в основном в Петербурге и Москве, почти не проникал на провинциальную сцену. В разросшихся балетных труппах Мариинского и Большого театров были замечательные мастера танца. Артисты балета выступали в провинции только эпизодически. Знаменательными для дальневосточников были выступления солистки Большого театра Екатерины Гельцер.

Силой её таланта восторгались зрители, до того никогда не видевшие классического балета, а также искушённые балетоманы.

С триумфом в 1916 году проходили концерты певицы с мировым именем Надежды Ван-Брант с участием тенора Л. Я. Румяновского и

пианиста Г. Я. Станевского. Изысканная публика собралась на концерте виолончелиста Богумила Сикоры и примадонны Варшавской оперы Ады Ленчевской. Оригинальными были выступления гусяря А. Н. Новосельского. Если верить прессе, то «военные и народные» песни, исполняемые гусярем, были напеты ему графом Львом Толстым.

Среди гастролёров бывали и такие, кто приезжал на Дальний Восток за длинным рублём. По поводу гастролей актёра императорских театров тенора Д. Н. Смирнова «Приамурские ведомости» писали: «Нам давно не доводилось слышать столько избитых вещей в таком небрежном исполнении. Пение фистулой и детонирование не делают чести. Нам много раз приходилось слышать Смирнова в Петербурге, но такого оттабаивания не случалось».

Развитие концертной жизни отражала хабаровская пресса. После концертов и спектаклей появлялись рецензии, демонстрировавшие широту взглядов и профессионализм критической мысли. Откликаясь на многочисленные выступления гастролёров, критики давали объективную, продуманную оценку, тем самым формируя вкусы публики.

Процессы культурной жизни, протекавшие на Дальнем Востоке, оказались многими нитями связаны с историей культурной жизни России.

М. А. Ковальчук

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ОСНОВАНИЯ СЕЛА СОЛОНЦЫ УЛЬЧСКОГО РАЙОНА

В 1994 году мной при поддержке земляков – учёного секретаря Приамурского географического общества Валерия Ивановича Симакова и председателя колхоза «Удыль» Александра Васильевича Ворощенко была опубликована книга «Село моё родное», посвящённая моей малой родине – селу Солонцы. Село во всех отношениях замечательное. Больших усилий мне стоило выяснить, а главное, документально подтвердить, существовало ли вообще до революции под таким названием русское село на Нижнем Амуре.

Дело в том, что во всех общедоступных дореволюционных справочниках по Приморской области, а она тогда включала в себя и территорию Нижнего Приамурья, под таким названием значилось ульчское стойбище. Первое упоминание о русском селе Солонцы я обнаружил в книге «Низовья Амура накануне эвакуации» (Хабаровск, 1922). В ней пишется о том, что некий хуторянин Иванов из Солонцов (якобы помор из Архангельской губернии) привёз зимой 1921/1922 года в оккупированный японцами Николаевск партию овса, что позволило сбить цены на фуражное зерно с 4–3,5 иены до 2,5 иены. Так как в годы Гражданской войны переселение на Нижний Амур практически прекратилось, то можно с уверенностью предположить, что село возникло ещё до революции. Об этом же говорили, со слов старожилов, мои старшие земляки. Однако к тому времени, как я начал собирать материал по истории села, самих первопоселенцев уже не осталось в живых. Попутно отметим, что автор названной книги (видимо, корреспондент газеты «Вехи» Н. П. Штейнфельд) допустил ошибку, спутав Архангельскую область с Астраханской. Вплоть до конца 1930-х годов ехали в наше село переселенцы из Астрахани, а поморов у нас и в помине не было. Зная этот факт, В. И. Симаков в одной из своих газетных публикаций предположил, что в Солонцы перебрались жители села Астрахановка, что располагалось близ г. Николаевска, оказавшиеся там ранее. Зачем и почему они это сделали, осталось без объяснений.

Таким образом, село наше возникло до революции 1917 года, а вот название его – Солонцы – появилось уже после неё. При этом уже не ульчское стойбище, а русское село.

Концы с концами сошлись, когда мне в руки попали две дореволюционные книги. В первой из них, «Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Т. 4. Переселенцы, наделённые по душевым наделам» (Владивосток, 1912) есть следующий текст: «Пяти деревням (Флуговка, Николо-Гондательевская, Покровское, Сухановка, Елабужское) предоставить 13 неводных тоней по Амуру. Три заездка по реке Ухта – селу Николо-Гондательевскому сверх отведённых тому же селению двух неводных тоней по Амуру». Таким образом, кроме села Красный Яр, основанному в 1912 году на протоке Ухта, было и другое русское село – Николо-Гондательевское. Однако требовалось установить, является ли Николо-Гондательевское ранним названием села Солонцы. Из «Справочной книги о земельных отводах в Приморском переселенческом районе» (Владивосток, 1913) узнаю, что селение Николо-Гондательевское переселенческого участка Солонцы получило два новых отвода. Окончательно я убедился в правильности своих предположений, когда обнаружил в фонде 1884 (Министерство путей сообщений) Российского государственного архива экономики карту Нижнего Амура 1913 года, на которой были обозначены только селения «новосёлов». В их числе оказалось селение Николо-Гондательевское, обозначенное на р. Ухта, напротив её слияния с р. Кенжа, то есть на том месте, где и расположено село Солонцы.

Казалось бы, всё встало на свои места. Село Солонцы образовано на месте ульчского стойбища (русифицированное название ульчского стойбища Суланкси) в 1912 году и названо было поначалу в честь последнего генерал-губернатора Приамурского края Н. Л. Гондатти – Николо-Гондательевское. Следовательно, в 2012 году наше село должно было отметить своё 100-летие.

Сам я лелеял планы переиздать книгу о Солонцах, приурочив это к юбилейной дате. Казалось, дело было за малым – решить финансовую проблему. Однако весной того же 2012 года мне повезло – на целых три недели я оказался в командировке в г. Санкт-Петербурге, где имел счастье поработать в Российском государственном историческом архиве и в Российской национальной библиотеке.

В последней хранится весь комплект газеты «Амурский лиман», издававшейся в Николаевске-на-Амуре в 1907–1917 гг. В номере газеты за 1 января 1912 года была помещена следующая короткая заметка. «Крестьяне-переселенцы из Черноярского уезда Астраханской губернии, водворённые на участок «Солонцы» по Ухтинской протоке близь села Богородского-на-Амуре представили заведующему водворением переселенцев приговор, в котором ходатайствовали: «Принимая во внимание, что вновь образованные селения являются одними из первых, образованных путём организованного из России переселения селений в низовье Амура, что они приписываются исключительно тем мероприятием и заботами, которые проявились по отношению Приамурского края правительством, благодаря работам командированного по высочайшему повелению Амурской экспедиции, во главе которой шталмейстер Николай Львович Гондатти, наименовать их селение «Никологондатьевское»».

Выходит, первые переселенцы из Астраханской губернии оказались здесь уже в летнюю навигацию 1911 года. Этот год и следует считать годом основания села. Так что юбилей был упущен.

Н. Л. Гондатти, назначенный в том же году генерал-губернатором Приамурского края, снизошёл к просьбам крестьян. Об этом свидетельствует другая заметка в той же газете за 19 августа 1912 года. В ней сообщалось, что 8 августа «начальник края» Н. Л. Гондатти, направляясь на пароходе в Николаевск-на-Амуре, сделал остановку в селе Богородское. Он и сопровождавшие его лица побывали в церкви, церковно-приходской школе. Около 17 часов пароход проследовал по Ухтинской протоке в с. Николо-Гондатьевское, расположенное на участке «Солонцы», где «...вновь прибывшими переселенцами была сделана ему самая тёплая встреча с поднесением хлеба и соли. Осмотрев село и ознакомившись со всеми нуждами переселенцев, главный начальник края обещал поддержать возбуждённое ими ходатайство о выдаче дополнительных ссуд на скотоводство, устройство хлебозапасного склада, постройки школы и т. п. Напутствуемый дружескими прощальными приветствиями (крестьян – автор), тронутых оказанным им вниманием, около 7 вечера отбыл в г. Николаевск».

О том, что первое лицо края, в честь кого и было названо наше село, побывал в нём, я узнал впервые. Обе заметки ещё раз подтвердили догадки о том, что возникновение Солонцов связано с переселенческой

политикой П. А. Столыпина. В принципе, всё правильно, на Нижний Амур, где преимущественным занятием было рыболовство, и следовало переселять из тех районов Европейской России, в которых был развит этот хозяйственный уклад.

Дальнейший поиск выявил, что первая партия переселенцев прибыла к нам из села Солодники Черноярского уезда, самого северного в Астраханской губернии. Это были семьи Куракиных, Коневых, Пеньковых, Шалухиных, Ивановых, Чайкиных, Демьяновых, Перегудовых. По сведениям волгоградского исследователя П. П. Петрова, село Солодники было основано в 1758 году царицынским купцом Солодниковым Николаем Петровичем. Солодники были одним из немногих российских сёл, сведения о котором удостоены чести быть опубликованными в знаменитом дореволюционном энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. В конце XIX века, согласно сведениям вышеупомянутой энциклопедии: «**Солодники** – с. Астраханской губ., Черноярского у., в 70 вер. от уездн. г., на правом берегу р. Волги, при её рукаве Дубовой-Воложке. 5 836 жителей, приёмный медиц. покой, 3 учил., 17 лавок, 9 кузниц, 25 ветряных мельниц, 1 рыболовная ватага, 1 миножное заведение, 1 паровой маслобойный завод, ежедневные базары, 2 ярмарки, с привозом на 33 000 р. и продажей на 4 700 руб. Жители, кроме земледелия и скотоводства, занимаются извозом, рыболовством, выделкой овчин, варежков, валенных сапог и промыслами колёсным, бондарным, горшечным и кирпичным».

Моё внимание к Солодникам обусловлено двумя причинами. Первая заключается в том, что в моей книге было сделано ошибочное утверждение о том, что село это исчезло с карты России. Подвели, с одной стороны, доверчивость к информатору, коим была довольно пожилая моя односельчанка, которой уже нет в живых, а с другой, отсутствие надёжного альтернативного источника информации в виде не печатавшихся тогда подробных карт или того более – Интернета. В то же время как исследователю мне интересно было проследить, как соотносились между собой своеобразная метрополия – Солодники и её далёкая колония – Николо-Гондатьяевское (Солонцы).

В 1912 году в селе жило всего 32 коренных семьи (100 душ мужского пола и 83 – женского). «Коренных» – означает «приписанных к сельскому обществу». Сравните, в Солодниках – 5,8 тысячи человек, живущих

в 1890-х. Кстати, в Солонцах и через 100 лет было всего около тысячи жителей.

1911–1912 годы оказались для нижеамурцев крайне трудными. От наводнения погибло около 40% посевов. Бедствие охватило все нижеамурские сёла и не обошло моих земляков. Этим прежде всего и были обусловлены их просьбы к начальнику края, именем которого они решили назвать своё село. Уже к приезду солодниковцев на Дальний Восток определились хозяйственные предпочтения нижеамурцев – рыболовство. Ясно, что и астраханцы, жившие на Волге, обладали соответствующими навыками.

В брокгаузовской энциклопедии я обратил внимание на то обстоятельство, что в Солодниках была рыболовная ватага. Поинтересовался в словаре В. Даля, что же означает слово «ватага». Оказалось, «Артель рыбаков, по Волге, Днепру, Каспийскому и Чёрному морям; место, пристанище рыбаков, для неводного залава, со всем устройством для ловли этой». В связи с этим хочу заметить, что лов рыбы на Амуре, как фиксируют источники того времени, вёлся либо всем селом, либо артелями по 6–10 домохозяев. Главные расходы шли на устройство заездков и на приобретение неводов. Длина каждого заездка была до 500 сажен (1 050 метров). По окончании хода рыбы заездочные кули вынимались. Зимой, по льду, разбирался и сам заездок, сложенный из кольев, воткнутых вертикально в дно реки. Неводные тони также организовывались на артельных началах. Каждый домохозяин, вошедший в артель, приобретал на свои средства и хранил у себя часть невода, которая перед ловом связывалась в один общий невод. Длина его зависела от места, отведённого под тонь, и колебалась от 150 до 300 сажен, а стоимость – от 400 до 1 000 рублей.

Артельные (кооперативные) начала труда способствовали образованию в 1916 году Усть-Лиманского кооперативного союза с центральной конторой в г. Николаевске-на-Амуре. Ещё в 1925 году в нашем селе было две артели, входившие в этот союз. Одна называлась «Волга», в которой были астраханцы, а другая «Удыль», состоящая из переселенцев других мест. Ехали астраханцы к нам ещё и в первой половине 1930-х годов.

Однако после войны этот источник переселения, по моим сведениям, иссяк. Последним потомком первопереселенцев был, по всей видимости, уехавший из села лет 10 назад мой одноклассник Сергей Петрович

Куликовский, прадед которого Павел Куракин в 1911 году переселился на Нижний Амур из Астраханской губернии.

Таким образом, село Солонцы Ульчского района возникло в 1911 году на месте ульчского стойбища примерно такого же названия и было заселено первоначально выходцами из с. Солодники Астраханской губернии. В 1912–1917 годах моё село называлось Николо-Гондатьяевским в честь приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти. После революции 1917 года жители вернули своему селу прежнее название Солонцы.

В. А. Лысунец

КУДА ДОЛЖЕН СМОТРЕТЬ ЕРОФЕЙ ХАБАРОВ?

Первое впечатление о незнакомом месте, которому повезло иметь рядом с собой стальную нитку магистрали, выносишь от встречи именно с вокзалом. Согласитесь, что он – как зеркало, в котором отражается время.

Если взять наш Хабаровск, то его бурное развитие конца XIX – начала XX века было связано с большим железнодорожным строительством на Дальнем Востоке. В 1891 году начато возведение Уссурийской железной дороги, и венцом его стало установление в 1897 году регулярного сообщения между Хабаровском и Владивостоком. Возведение же в 1916 году знаменитого железнодорожного моста через Амур превратило Хабаровск в крупный железнодорожный узел.

Сам вокзал и привокзальная площадь являются не только историческим, но и культурным объектом, имеющим свою интересную историю.

В письме начальника работ по сооружению Уссурийской железной дороги О. П. Вяземского приамурскому генерал-губернатору П. Ф. Унтербергеру от 5 июня 1894 года мы читаем: *«По изысканиям 1891 года место для станции Хабаровск избрано с южной стороны города, в четырёх верстах от него, на ровной и широкой площадке, допускающей развитие станции до требуемых размеров. От этой станции проектирована ветвь к пристани, расположенной в южной части города против артиллерийских складов»*. Газета «Приамурские ведомости» от 13 октября 1896 года уточняет: *«Закладка здания станции Северо-Уссурийской железной дороги – Хабаровск состоялась 6 октября в 2 часа дня. В основание здания была заложена доска с надписью: «В благополучное царствование Государя императора Николая II, при Приамурском генерал-губернаторе генерал-лейтенанте С. М. Духовском, его помощнике генерал-лейтенанте Н. И. Гродекове, при строителе действительном статском советнике инженере О. П. Вяземском, заложено здание сие в лето 1896 года октября 6 дня»*.

Название станции «Хабаровск» впервые упоминается 5 февраля 1897 года в приказе начальника работ по сооружению Уссурийской железной дороги – в перечислении уже пущенных в эксплуатацию сооружений.

*Здание первого хабаровского
железнодорожного вокзала*

Первое здание вокзала было построено к моменту пуска Уссурийской железной дороги и введено в постоянную эксплуатацию 1 ноября 1897 года. По своему виду это было типовое одноэтажное деревянное здание. Его дореволюционные снимки хранятся в Государственном архиве Хабаровского края, фондах краевого музея имени Н. И. Гродекова и в Дальневосточной государственной научной библиотеке. 29 мая 1900 года возле вокзала был установлен памятный обелиск.

В 1900 году приамурский генерал-губернатор Н. И. Гродеков ходатайствовал перед Николаем II о возведении в Хабаровске монумента в память об участии войск в постройке Уссурийской железной дороги. Известно, что к её сооружению привлекалось 17 720 солдат. Высочайшее согласие было получено.

Установленный на привокзальной площади в торжественной обстановке обелиск украшал двуглавый орёл и медная доска с надписью: *«Повелением императора Александра III Уссурийская железная дорога начата постройкой 19 мая 1891 года. 31 августа 1897 года, в царство-*

Вокзал 1930-х гг.

Вокзал 1960-х гг.

вание императора Николая II, её постройка закончена. Войска Приамурского военного округа, будучи призваны к сооружению этого пути, значительную часть его выполнили своим трудом. Да свидетельствует этот памятник, что воины уссурийские, стоящие грозным оплотом на отдалённом участке империи, умеют служить Отечеству как оружием, так лопатой и топором. Слава русскому солдату!»

Автором проекта был полковник Третьяков. Орёл, венчающий верх памятника, был отлит из чугуна в хабаровских артиллерийских мастерских (завод «Дальдизель»), однако после установления советской власти на Дальнем Востоке вначале с обелиска был сбит орёл, а когда появилось новое здание вокзала, снесли саму стелу, несмотря на то, что это был первый памятник в городе Хабаровске.

Современный
вид вокзала

Привокзальная площадь

Первое здание вокзала, деревянное, сгорело 5 апреля 1920 года во время боя на привокзальной площади с японскими войсками.

После Гражданской войны назрела необходимость его восстановления. Первая очередь – одноэтажное каменное здание – построено в ноябре 1926 года. Полностью же вокзальный комплекс завершён в 1935 году. Это было крепкое, массивное сооружение. Обновилась и привокзальная площадь: она стала шире, впервые асфальтирована, а в центре появился зелёный газон.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. через железнодорожный вокзал ежедневно проходили эшелоны с техникой и живой силой на фронт. На площади был установлен громкоговоритель, здесь собирались люди, чтобы послушать сводки Информбюро.

После капитуляции фашистской Германии домой стали возвращаться победители. На перроне вокзала жители города торжественно встречали своих героев.

В 50-е годы привокзальная площадь стала приобретать новый вид: Хабаровск готовился отпраздновать свое 100-летие. Партийными органами было принято решение о сооружении здесь памятника Ерофею Хабарову, землепроходцу XVII века. В мастерской хабаровского скульптора Яна Мильчина был создан макет, который он готовил для участия в выставке. Его работа понравилась, фигуру Хабарова отлили в Мытищах под Москвой и доставили на берега Амура.

В мае 1958 года привокзальная площадь покрылась строительными лесами. Из бетона была отлита монолитная скала. Фигуру Хабарова установили с помощью подъёмных кранов. И 29 мая 1958 года в торжественной обстановке, при огромном скоплении горожан состоялось открытие памятника.

У здания вокзала в то время была установлена стела с текстом, посвящённым событиям Гражданской войны. Об этом памятном знаке сообщала в 1957 году «Тихоокеанская звезда»: «В ночь с 4 на 5 апреля 1920 года 3-й и 4-й взводы 1-го особого морского отряда под командованием краснофлотца Николая Хорошева получил приказ занять перрон и часть вокзала, где на железнодорожных путях было сосредоточено 88 вагонов с боеприпасами и другим военным имуществом партизанских отрядов. Утром японцы предприняли попытку захвата вокзала, но встретили упорное сопротивление. Несмотря на наличие у противника артиллерии и нехватку патронов, моряки отбивались ружейно-пулемётным огнём до тех пор, пока паровозы экстренно не эвакуировали военное снаряжение на левый берег Амура. Практически все защитники при этом погибли, лишь небольшой их части с ранеными удалось отойти, пробившись с перрона. Источники сообщают о том, что последние моряки, оказавшись без патронов, бросились в рукопашную, в которой погиб и их командир».

В 1963 году началась новая реконструкция вокзала, которая закончилась в 1966 году. Основное здание снесли и на его фундаменте построили железобетонное двухэтажное сооружение в стиле конструктивизма. К сожалению, памятная стела во время строительства нового

Восстановленный памятник
воинам-строителям
Транссибирской магистрали

Памятник героям Гражданской войны

В октябре 2003 года её в основном завершили.

В память о трудовом подвиге военных строителей Уссурийской железной дороги здесь был воссоздан монумент (открыт 5 августа 2005 г.), а на самом здании вокзала со стороны перрона восстановлена мемориальная доска в честь подвига моряков-амурцев: *«Доблестным защитникам города. 5 апреля 1920 при защите железнодорожного вокзала от японских интервентов пали смертью храбрых моряки Амурской флотилии под командованием Николая Хорошева».*

В канун празднования 150-летия со дня рождения города Хабаровска по инициативе городской власти, мэра Александра Соколова, полностью реконструировали и привокзальную площадь. Она заиграла новыми красками, и теперь Ерофей Павлович, ставший визитной карточкой Хабаровска, встречает гостей нашего города тоже помолодевшим.

Существует масса споров, куда должен смотреть Хабаров? На горы Хехцира? На величавый Амур, по правому берегу которого и раскинулся сам город, а во времена освоения новых земель здесь проплывали

здания была ликвидирована. Вместо неё на новом здании, с правой стороны, установлена мемориальная доска.

И ещё одна особенность: на первых зданиях хабаровского вокзала часов не было. Об отправлении поездов возвещал железнодорожный колокол. Часы появились лишь на новом здании, да и сама площадь расширилась. Памятник Ерофею Хабарову в центре зелёного газона оказался окружённым автомобильной дорогой. Чтобы от вокзала дойти до трамвайной остановки среди бурного потока машин, нужна была особая сноровка. Конечно же, все эти неудобства требовали своего решения. Со временем обветшало и это здание. Было принято решение о масштабной реконструкции вокзального комплекса станции Хабаровск.

струи дружины Ерофея Павловича? Есть и мнение, что Хабаров должен был смотреть именно на здание вокзала.

Конечно, последние правы. Открываются его двери, и поток пассажиров устремляется к автобусам, трамваям. Ерофей Павлович первым встречает их и приветствует.

Торжественное открытие привокзальной площади Хабаровска состоялось 30 мая 2008 года. Изменения были колоссальными: памятник первопроходцу поднят выше, а вокруг него появились фонтаны и сосны, рядом выстроены многоэтажная автостоянка и торговый комплекс. Теперь попасть на вокзал можно по подземному переходу.

И, пожалуй, главное. Постановлением правительства Хабаровского края от 28 июля 2008 года вокзальной площади города Хабаровска присвоено имя великого русского землепроходца XVII века **Ерофея Хабарова**. И теперь её следует именовать площадью имени Ерофея Павловича Хабарова.

В. А. Лысунец

СТАДИОН МОЕГО ДЕТСТВА

У каждого из нас есть свой стадион детства, куда впервые приводили родители. Строки из стихотворения «Мой стадион» хабаровской поэтессы Людмилы Миланич позволяют нам вновь вернуться в юность, спортивное прошлое каждого из нас.

Мне стадион – почти родня:
Он на глазах рождался у меня –
Где мы купались, где была коса,
Он у реки как в сказке начался.
Его основа – крепкая земля,
Подаренная сопкой. Он земляк.
А суть его – стремленье к высоте,
Которая всегда живёт в мечте.
Ты мне амурский ветер подари
И над родной рекой цветок зари,
Мой стадион, друг наших детских дней,
И стану я добрее и сильней.

Историческая правда даёт возможность новому поколению точнее осознать значимость того или иного события. С этим не поспоришь, верно? Но лично у меня всегда вызывает удивление, как вольно трактуют хронологию строительства стадиона имени Ленина в средствах массовой информации и в интернете.

Закончилась война. Восстанавливается народное хозяйство. Послевоенное время характерно энтузиазмом людей, их устремлением в спорт. Но для этого у хабаровчан не было больших возможностей. Спортивная база была ограниченной. Газета «Суворовский натиск» от 27 июня 1986 года, рассказывая о сороковых годах прошлого столетия, писала: *«Ведь в распоряжении (воинов-дальневосточников – ред.) был только один, да и то небольшой зал в Доме офицеров. В нём тренировались представители всех видов спорта. Можно представить, каким напряжённым был график его эксплуатации. До самой поздней ночи не ос-*

Начало. Вид с Казачьей горы. 1955 г.

вобождался зал». Тем не менее, несмотря на ограниченность спортивной базы конца сороковых – начала пятидесятых годов, дальневосточные воины-спортсмены постоянно занимали призовые места на соревнованиях по первенству Вооруженных сил СССР.

Постановление Правительства СССР «О дальнейшем подъёме массовости физической культуры и спорта» от 1949 года определило для командования Дальневосточного военного округа задачу – обеспечение массовости занятий спортом, но выполнить её при слабой обеспеченности спортивными сооружениями было нереально. Столице военного округа нужен был новый мощный спортивный объект, что прекрасно понимал командующий ДВО Маршал Советского Союза Родион Яковлевич Малиновский.

Подвижническая деятельность Р. Я. Малиновского, дважды Героя Советского Союза, главкома вооружёнными силами округа, способствовала развитию физической культуры и спорта на Дальнем Востоке. Он понимал, что трудно развиваться спорту, а спортсменам добиваться высоких результатов без солидной спортивной базы. Нужны стрелковые тир, футбольные поля, волейбольные и баскетбольные площадки, беговые дорожки, плавательные бассейны. В начале пятидесятых годов назрела необходимость военному округу иметь свой спорткомплекс.

Листая подшивки газеты «Суворовский натиск», в статье «Каким будет стадион в Хабаровске» от 28 декабря 1947 года читаем: «В малом зале

Формирование территории

Дома офицеров была открыта выставка конкурсных эскизных проектов строительства учебного спортивного стадиона Министерства Вооруженных сил СССР в Хабаровске. Строительство учебно-спортивного стадиона намечалось на территории «Орлово поле», включало также район нижнего колхозного рынка и прибрежной полосы Амура вплоть до городского парка культуры и отдыха. Планировался огромный комбинат, состоящий из стадиона на 15 000 зрителей с баскетбольными, волейбольными, городошными площадками и теннисными кортами, площадкой для детских игр, гимнастическими городками и полосами препятствий, тренировочным футбольным полем, зимнего спортивного комбината с гимнастическими и тяжело-атлетическими залами и закрытым водным бассейном с вышкой для прыжков».

Однако специальная комиссия под руководством Р. Я. Малиновского выбрала другой проект. Надо сказать, самый дорогостоящий и более масштабный. Он включал в себя возведение на берегу Амура, в районе устья речки Чердымовки, стадиона, бассейна, Дворца спорта, яхт-клуба и других сооружений.

12 апреля 1955 года был утверждён организационный план по строительству хозяйственным способом спортивного стадиона ДВО в рай-

Открытие стадиона. 1.09.1957

оне городского парка и речного порта. 23 сентября того же года проект окружного стадиона утверждён командующим войсками ДВО.

На берегу Амура, от Казачьей горы до утёса и городского парка культуры и отдыха, началось возведение крупнейшего на Дальнем Востоке стадиона. Его главными строителями стали офицеры и рядовые ДВО. Сама история стройки – одна из самых ярких в биографии военного округа, города и края.

Согласно плану, территория стадиона должна была раскинуться на площади в 33 гектара. Центральное место занимало спортивное ядро стадиона – футбольное поле в окружении трибун из железобетона на 25 тысяч зрителей.

Неподалёку было запланировано тренировочное футбольное поле, волейбольная и баскетбольная площадки, места для состязаний тяжелоатлетов, боксёров, борцов, двухсотметровая полоса препятствий. Ближе к Амуру – пятидесятиметровый открытый плавательный бассейн с десятиметровой вышкой для прыжков и детский плескательный бассейн. Смотришь сейчас на старые снимки и просто завидуешь: ведь в итоге получился не стандартный «лягушатник», а в чём-то даже прообраз во-

Открытый плавательный бассейн

дных горок. Также намечалось построить Дворец спорта, стрелковый тир и теннисные корты с трибунами для зрителей.

Однако прежде чем приступить к этим работам, нужно было создать строительную площадку, подняв берег Амура на четыре-семь метров. Отсыпать огромный участок и намыть более миллиона кубометров грунта. Уже по этой причине само строительство было уникальным в рамках страны, поскольку велось на заливаемой паводками песчаной косе, практически на воде.

В состав авторского коллектива проекта спортивного ядра вошли рядовой Паньков, младший лейтенант Семененко, старший инженер-лейтенант Михаил Яковлевич Сорокин, инженер-лейтенант Михель Тевьевич Лубман. Очень важно, чтобы их имена остались в нашей памяти. Как и благодарность безымянным славным строителям – воинам округа, ставшим на это время укладчиками железобетонных плит и дренажного слоя, плотниками, каменщиками, арматурщиками.

Начальник строительства стадиона Лев Михайлович Шлейпак рассказывал, что предстояло выполнить огромный объем работ. За 1955–1956 годы была подготовлена площадка и поднят берег Амура, завершилось сооружение главной спортивной арены. На футбольном поле проведены дренажные работы, полным ходом шла работа по устройству коллектора речки Чердымовки. Завершались работы и по обору-

дованию основной части набережной Амура. Вдоль берега по насыпи было уложено семь тысяч бетонных плит – из тех одиннадцати тысяч, которые требовались для этой цели.

Уже к концу 1956 года наместились контуры спортивных сооружений: завершилось возведение

Детский плескательный бассейн

трибун вокруг футбольного поля, проведение разметок аллей и газонов, волейбольных и баскетбольных площадок, строительство главных входов на стадион. Почти три тысячи тонн асфальта было уложено на дорожках. Завершающим событием 1956 года было открытие на улице Шевченко спортивного комбината ДВО.

К 1 сентября 1957 года многие жители города стали обладателями специально приготовленных пригласительных билетов на торжественное открытие стадиона: *«Командование Дальневосточного военного округа приглашает Вас на спортивный праздник, посвящённый открытию окружного стадиона, который состоится 1 сентября 1957 года. Начало в 11 часов»*. За активное участие в строительстве стадиона имени В. И. Ленина были награждены почётными грамотами крайкома КПСС и крайисполкома с вручением ценных подарков тринадцать офицеров. Среди них: Пеньковский Валентин Антонович, Шлейпак Лев Михайлович, Сорокин Михаил Яковлевич, Чернов Алексей Александрович, Журавель Василий Тихонович. Более ста военнослужащих от рядовых до офицеров были награждены грамотами крайкома КПСС и крайисполкома.

Рапорт воинов-строителей в этот замечательный день принимал командующий войсками Дальневосточного Военного округа генерал-полковник Валентин Антонович Пеньковский. От имени Военного совета округа он поблагодарил строителей за их самоотверженный труд и зачитал приказ командования об открытии стадиона. Решением Хабаровского краевого совета депутатов трудящихся стадиону Дальневосточного военного округа было присвоено имя В. И. Ленина. Затем со-

стоялся большой спортивный праздник, где были показаны массовые гимнастические упражнения, эстафеты, велогонки, футбольный матч, состоялся концерт лучших творческих коллективов города.

В 1958 году строительство стадиона продолжилось. Вводилась вторая очередь спортивных сооружений. Украшением его северной части стало элегантно оформленное здание яхт-клуба, у подножия которого плескались воды Амура. Ну а работа зимнего плавательного бассейна стала приносить свои плоды: армейские спортсмены сумели повысить свои результаты, полностью обновив таблицу рекордов ДВО и Хабаровского края. Среди них – перворазрядники В. Плехов, Е. Ермаков, А. Малеев, А. Дудкина. За эти годы здесь вырос новый отряд пловцов-разрядников, значкистов ГТО.

Спортивный комплекс округа приобретал завершённый вид. Действовали и вступали в эксплуатацию спортивные объекты, озеленялась территория. Стадион становился любимым местом отдыха хабаровчан, «амурскими Лужниками» называли его горожане.

Приняв дела у своего знаменитого предшественника, новый командующий войсками ДВО В. А. Пеньковский постоянно осматривал строительство стадиона. Его интересовало всё: наличие материала

В. А. Пеньковский. Осмотр территории

на объектах, как идёт работа по благоустройству территории, сроки сдачи спортивных сооружений. И 1960 год стал годом полной реализации проекта. Завершающим и самым значимым его сооружением был Дворец спорта. Ещё 16 июня 1958 года решением исполнительного комитета Хабаровского краевого совета депутатов трудящихся военному округу было разрешено возведение в южной парковой зоне Дворца спорта. Основой стал типовой проект, разработанный институтом «Гипроспорт».

Газета «Суворовский натиск» от 25 марта 1960 года в статье «Для вас, спортсмены» сообщала: *«Это будет один из крупных Дворцов спорта в нашей стране. На поле искусственного льда площадью 1 830 квадратных метров будут проводиться состязания по хоккею с шайбой и мячом, соревнования конькобежцев. На трибунах разместятся 3 000 зрителей, а во время торжества в зале – 5 500 человек».*

На тот момент он был самым крупным спортсооружением в восточной части страны. На его арене длиной шестьдесят один и шириной в пятьдесят метров можно проводить любые спортивные состязания. Дворец открыли 5 ноября 1960 года, приурочив к этому событию торжественное заседание по случаю 43-й годовщины Великого Октября.

Перед главным входом Дворца в те годы был установлен памятник Сталину, который убрали в 1961 году, заменив его гипсовым бюстом Ленина.

Решением бюро Хабаровского горкома КПСС за активное участие в строительстве Дворца спорта были отмечены 37 военнослужащих и среди них: начальник строительства Журавель Василий Тихонович, командир воинской части Васягин Семён Петрович, производитель работ строительства Дворца спорта Сорокин Михаил Яковлевич, начальник бетонного завода Алёхин Борис Константинович, начальник площадки строительства Гинсбург Евгений Михайлович, заместитель начальника по политической подготовке Калугин Валентин Александрович.

Под занавес, когда были возведены все намеченные к сдаче в 1960 году спортивные объекты комплекса, на месте речки Чердымовки возник Амурский бульвар и был сооружён ещё один вход на стадион. Сам объект получил красивое название «Летящая чайка». Его авторами были Михель Тевьевич Лубман и старший инженер лейтенант института «Военпроекта 533» Анатолий Васильевич Кощей. Новый вход на стадион со стороны Амурского бульвара был открыт 5 ноября 1960 года.

В течение пяти лет (1955–1960) шла героическая стройка спортивных объектов. Необходимо отметить, что город Хабаровск, его жители и предприятия также внесли свою лепту в это грандиозное по тем временам строительство.

Стремительный бег времени не может заслонить героику стройки, комсомольско-молодёжные субботники и воскресники, социалистическое соревнование ради досрочного завершения объектов. Всё это увековечено мощными сооружениями стадиона.

Главными в любом событии являются люди. Здесь это в первую очередь воины – от рядовых и сержантов до офицеров и генералов. Проходя по территории стадиона, испытываешь огромное уважение к славному прошлому и к тем людям, кто создавал для нас всю эту красоту.

Мы любим тебя, стадион, за твои тенистые аллеи, просторные площади, набережную. Мы дорожим спортивными победами наших спортсменов и благодарны стадиону за то, что он по-прежнему растит новые поколения спортсменов-дальневосточников. Мы дорожим тем наследием, которое оставили нам прошлые поколения XX века.

Там, где бьёт седой Амур в бетон,
Видим мы красавец-стадион.
Он цветёт ковром ярко-зелёным,
И простор кругом, и красота.
Вот она, солдатских чемпионов
Давняя заветная мечта!
Сколько в ней труда, упорства, пота
И тепла умелых, крепких рук!
Это наша славная работа,
Мой товарищ, мой солдатский друг!
Выше знамя воинского спорта,
Молодой спортсмен и чемпион!
Новые победы и рекорды
Ждёт от нас красавец-стадион.

Борис Копалыгин.

Н. Е. Спижевой

СВЯТИЛИЩЕ «БОГАТЫРЬ ДЖЕРМЕНЬ» В ПОКРОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ ПРИАМУРЬЯ

Вопрос о религиозных представлениях населения Приамурья в средневековье достаточно важен. На сегодняшний день принято считать, что шаманизм – основная форма религии в археологических культурах мохе и покровской (амурские чжурчжени) на Среднем и Нижнем Амуре в IX–XIII веках. Рассмотрим, когда и на каком этапе он появился в этих двух средневековых культурах, различающихся в деталях, но единых в генезисе.

Одной из существенных задач истории культуры является изучение особенностей влияния форм религиозного мировоззрения на организацию жизненного пространства. Географическая среда представляет собой субстрат, на котором разворачиваются виды хозяйственной деятельности населения. В соответствии с его религиозно-натуралистическими взглядами эта деятельность видится ими контролируемой со стороны высших сил и духов предков. Религиозное сознание привело к выделению персонифицированных участков ландшафтов (мест поклонения), где происходит общение со сверхъестественными силами, которые требуют от верующих особого поведения не только в духовной жизни, но и в быту.

Места поклонения возникли в древнейшие времена и сохранились до настоящих дней. Они обладают рядом функций, благодаря которым верующая часть населения сознательно группируется на территориях, окружающих культовые объекты. В далёком прошлом наиболее значимым представлялся ландшафтный объект (долина, гора, озеро и т. п.), надёленный признаками присутствия высших сил, где собирались проживающие в пределах какой-либо территории для проведения общественных и индивидуальных ритуалов.

Одним из источников реконструкции жизненного пространства и религиозных представлений в средневековом Приамурье стало изучение погребального обряда. В основе его лежит представление о мире ином и стремлении позаботиться о будущем умершего, его душе. Если для культуры мохе (ранняя форма покровской культуры) характерны

только грунтовые могильники, то для покровской – как грунтовые, так и курганные.

На карте могильников покровской культуры, составленной археологом Ю. В. Васильевым, выявлена их локализация. На пространстве от реки Сунгари и до озера Болонь могильники исполняют роль маркеров этнотерриториальной, субэтнической, локальной, родовой идентичности. Благодаря им, в культуре покровцев сохраняются традиционные черты религиозной и обрядовой практики, которые за нескольких столетий приобрели устойчивый характер. Северная граница ареала культуры чётко прослеживается по линии мыс Малмыж (р. Амур) – мыс Оджал (оз. Болонь), границы ландшафтно-хозяйственной зоны, на которую обратил внимание ещё в XVII веке землепроходец Е. П. Хабаров: «...и с того места люди пошли имя ачаны. И с того места и до моря место не пашено, и скота нет, а живут все рыбою...»

Как видим, обрядовая практика в покровской культуре, носители которой являлись землепашцами и скотоводами, выделяется в форме древнейшей религии – погребального обряда. При этом могильникам отводится особая роль в этих верованиях, как культовых мест.

В свою очередь, культовые объекты, помимо антропогенного происхождения, могут быть и естественно-природного характера, с дополнением сооружений и культовой атрибутикой.

В 2004 году при проведении работ, связанных с разработкой перспективного туристического маршрута, в урочище Зелёное поле (левобережье реки Тунгуски) был выявлен один из таких культовых объектов Приамурья – памятник покровской культуры Николаевка-5 (Зелёное поле-5). Как затем выяснилось, этот природно-культовый памятник на сакральной горе оказался в центре курганной локалии.

Урочище Зелёное поле представляет собой равнину, поросшую луговой растительностью. Это пространство (примерно 10 кв. км) окружено с запада и востока небольшими рёлками лиственного леса, в основном лип и дубов. С юга поле обрамлено подковообразным заливом Джермень, на берегу которого в 2003 году автором при проведении студенческой практики были выявлены четыре памятника покровской культуры – Николаевка-1, 2, 3, 4. С севера Зеленополье ограничено невысокой одноимённой сопкой-грядой (Зеленопольская гора), вытянувшейся с запада на восток на 2,5 км. У восточной оконечности, на месте бывшего посёлка Зелёное поле, разместилось фермерское хозяйство. В восточной

стороне, к подножью сопки, осью СВ-ЮЗ подступает Зеленопольское озеро (след палеоруслу Тунгуски), которое в большую воду через систему заливов и озёр соединяется с рекой Тунгуской.

Заросшая дубняком Зеленопольская сопка, при обзоре её с юга, напоминает лежащего великана, при этом «голова» располагается на западе, а «ноги» – на востоке. Есть ещё одна особенность в этой «фигуре». Там, где заканчивается «туловище» и начинаются «ноги», находится возвышение. Оно, как «фаллический отросток», выше всех остальных частей «тела». Именно на этой оконечности было открыто святилище, которому мы дали название «Богатырь Джермень».

Селище Николаевка-5 (Зелёное поле-5) расположено в 23 километрах на северо-запад от пос. Николаевка (ЕАО), на 60-метровой сопке, поросшей лиственным лесом, в 500 метрах на юго-запад от строений усадьбы Зелёное поле. На селище в северо-восточной части склона выявлена компактно разместившаяся группа жилищных западин в количестве пяти. Шестой котлован – на вершине горы. При общей углублённости до 0,6 м жилищные западины имеют в плане прямоугольную и квадратную формы.

Площадь памятника определяется как 80х30 м. Подъёмный материал отсутствует. Сохранность археологического объекта хорошая.

По характеру жилищных котлованов селище отнесено к покровской культуре и датируется IX–XII вв. н. э.

Работы в котловане, который находится на 60-метровой отметке, были начаты с расчистки от травы, кустарника и деревьев. Была охвачена площадь около 300 кв. метров. Выяснилось, что с запада, севера и востока котловина с внешней стороны была оформлена выступом шириной 1,5–2 м. Южный склон был без него, представляя единый скат от вершины до основания горы. Глубина котлована, который был чашевидной формы, составляла один метр в центре. В поперечине он достигал 8 метров. Раскоп (64 кв. м) был разбит в углублении, с охватом кромки. Дерновый слой едва достигал 3 см, под ним сразу же присутствовал материк. Отсутствие культурного слоя объясняется спецификой нахождения объекта – на вершине сопки, где постоянный ветер выдувал слой гумуса, и не было более поздних построек.

Сразу же стало ясно, что котлован был не жилищный. Отмечено полное отсутствие каких-либо следов каркасной конструкции. При завершении зачистки в центре котлована проявились следы кострища с не-

значительным слоем золы. Слабую мощность зольных отложений можно объяснить выветриванием и редким разжиганием костра – только во время ритуальных действий.

Делаем вывод. Перед нами святилище, причём оформленное как фаллос. Впечатление усиливается от искусственной складки в виде выступа, который обрамляет «головку» фаллоса («крайняя плоть»?) с запада, севера и востока. Южный склон создатели святилища оставили нетронутой. Вероятно, он имитирует анатомическую уздечку, почему-то смещённую с оси Восток-Запад. Мужское начало ритуального комплекса сочетается с женским – котлован символизирует вагину. Если на святилище взглянуть в проекции сверху, то мы увидим солнечный символ – «круг»-котлован с «точкой»-кострищем в центре. Солнечные святилища издревле обычно связывались с культом плодородия. Думается, что он был актуален для древних земледельцев Зелёного поля.

От фермера мы узнали, что у него в огороде, у изгороди покоится жернов – гранитный круг с насечками. Мы нашли его, диаметр круга достигал 80 см, но существуют ещё два – один из них при постройке фермерского дома заложен в основание, а третий – увезён на железнодорожную станцию.

***

Работа на реке Тунгуске выявила необычное расположение памятника Николаевка-5, что позволило сделать некоторые предположения, характеризующие его семантику. В первую очередь обращает на себя внимание факт размещения его вдали от воды, хотя ранее обнаруженные селища находятся непосредственно на берегу залива. Во вторую – сильное сходство Зеленопольской сопки, где находится памятник, с лежащим великаном-богатырём с остроконечной «головой».

Сэвены по имени Калгама у нанайцев и Кальдямы у ульчей также имеют конусообразную голову. В нанайских преданиях Калгамасал (Калгама во множественном числе) характеризуются как люди, но люди «не нашего рода». Их описывали как высоких, худых, стройных существ с голубыми глазами, белой кожей. Они были такими сильными, что украденные лодки-оморочки взваливали на плечо и уносили с собой.

В одной из экспедиций в беседе с ульчанкой, живущей в селе Булава, мне стало известно, что приметный булавинский ориентир – пирамидальный мыс Аури с примыкающими террасовидными берегами,

которые в целом воспринимаются ульчами как члены тела спящего великана. Слово «аури» с ульчского языка переводится – «спит». В целом природный комплекс ульчами отождествляется со спящим богатырём, при этом остроконечной формы каменный утёс – его «голова», а прилегающие к ней береговые террасы составляют «туловище» и «ноги». Там же, на утёсе, со стороны реки, выбит шестиконечный крест более трёх метров высоты. Собственно, выбиты перекладины, а вертикальная основа – трещина в скале. Вероятно, в древности этим крестом подчеркивалась сакральность утёса Аури.

Аналог рельефа с лежащим человеком в урочище Зелёное поле – бесспорен, так же, как и бесспорен факт сакральности сопки, где помещён природно-культурный комплекс в виде фаллического возвышения. Топоним «Джермень» не имеет перевода ни с нанайского, ни с тунгусского языков. Возможно, это дошедшее до нас имя всемогущего божества в образе спящего богатыря из языка носителей покровской культуры.

Ещё в раннем средневековье мохэские племена, обитавшие на Амуре, были вовлечены в тесные взаимоотношения с тюркскими степными племенами, что отмечено в искусстве и наскальных изображениях Сикачи-Аляна и урочища Маи. Эти жизненные контакты были разнообразны – то мирные, то военные. Историческая ситуация того времени складывалась так, что тюркским племенам принадлежала руководящая роль в Азии и отчасти в Европе. Поэтому черты культуры амурских племён во многом отражали повседневный быт тюркоязычных степняков – занятие скотоводством, разведение лошадей, изготовление одежды. А в значительной степени и верования: культ священных гор и, вероятно, культ плодородия, выраженный в символизированном знаке женского начала в наскальном рисунке (урочище Маи) и в сакральной мезаформе святилища «Джермень».

Известный археологический материал подводит к выводу, что тюркско-монгольский компонент в культуре народов Амура играл значительную роль в мохэский период и в большей степени в покровский период.

На основании вышеизложенного материала даётся предварительное заключение: археологический объект на вершине Зеленопольской сопки со следами культового сооружения мог быть святилищем, а следы пяти котлованов, находящихся в отдалении, – от жилья и хозяйственных построек тех, кто имел непосредственное отношение к сакральной гряде.

Л. В. Корнева

МУЗЕИ ПРИАМУРСКОГО ОТДЕЛА ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА НА ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКЕ В ПАРИЖЕ

Всемирная выставка в Париже на рубеже двух веков вызвала огромный интерес. Её называли международным праздником труда, прогресса и цивилизации. Впервые 35 государств, и среди них Российская Империя, устроили свои национальные павильоны. В них сосредоточили всё, что характеризовало страну и отличало её от других, «исторические памятники, предметы искусства. Всё новое, что возникло в мире, прогресс фактический и мнимый в любой отрасли деятельности был представлен на выставке века. Парад-алле искусства, науки и техники!»

Парижская выставка продолжалась с 15 апреля по 12 ноября 1900 года. Её символом стала встреча нового, XX века. Выставку посетило свыше 50 миллионов человек (мировой рекорд того времени), и она принесла французской казне доход в 7 миллионов франков. В грандиозном проекте приняло участие свыше 76 тысяч экспонентов, почти в полтора раза больше, чем на предыдущей выставке 1899 года. Площадь выставки составила 1,12 кв. км. Специально к этому событию были сооружены Лионский вокзал, вокзал Орсе (ныне Музей Орсе), мост Александра III, Большой и Малый дворцы. 19 июля 1900 года начала работать первая линия парижского метро.

На Марсовом поле располагались самые интересные во всех отношениях разделы выставки. Здесь были экспозиции горного дела, металлургии, промышленности, обширная и богатая экспозиция по электричеству. Рядом представлено строительное искусство со снимками, планами и описаниями самых замечательных построек мира, транспортное дело, отрасли химической индустрии, земледелие, образцы народных промыслов, пряжа, ткани и готовое платье, народное образование с учебными кабинетами, лабораториями, опытными станциями, образцовые операционные залы со шкафами, наполненными новейшими хирургическими инструментами. Демонстрировались успехи свободных искусств: фотография, музыка, сценическое искусство и т. п.

Россию представили около 2,5 тысячи экспонентов, среди них – правительственные и общественные учреждения, крупные промышленные компании, фирмы. Все российские экспонаты располагались в «Украинном отделе». Русский павильон в виде Кремля возводили свои же, из России, плотники, срубившие его без единого гвоздя, чем удивили заграничную публику. Его украшали 28 огромных панно, выполненных под руководством и с участием мастера станковой живописи К. А. Коровина. Вся эта работа увенчалась успехом: в Русском отделе, особенно в здании Кремля, наблюдался такой наплыв публики, что «против давки приходилось принимать специальные меры», – писал позднее в отчёте генеральный комиссар русской выставки.

Общее руководство «Украинным отделом» Парижской выставки было возложено на хорошо знавшего Сибирь члена Государственного совета, известного путешественника, человека обширных научных знаний по ботанике, географии, статистике, энтомологии, вице-президента Императорского Русского географического общества (ИРГО) П. П. Семёнова. По его особой просьбе сибирские и другие филиалы ИРГО, местные органы власти, музеи, частные лица предоставили уникальные коллекции и отдельные предметы. Приамурский отдел ИРГО (ПО ИРГО) в частности – коллекции музеев Владивостока, Хабаровска, Читы и Кяхты.

Готовиться к выставке музеи Приамурского отдела начали ещё в 1897 году. Был создан выставочный комитет по сбору экспонатов для Парижской выставки. Им руководили генерал-губернаторы С. М. Духовской, а затем Н. И. Гродеков.

Забота о подборе коллекций Хабаровского краеведческого музея для Всемирной Парижской выставки легла на плечи окружного инспектора училищ Приамурского края Василия Петровича Маргаритова, исполнявшего в 1896–1898 гг. обязанности директора музея при Приамурском отделе. Он имел большой опыт выставочной деятельности, неоднократно участвовал в российских конгрессах, местных выставках. Был одним из организаторов проходившей в 1889 году в Хабаровске Амурско-Приморской выставки. В. П. Маргаритову, входившему в организационный комитет, было поручено заведовать учебно-книжным отделом. Работа этого отдела показала большой организаторский талант В. П. Маргаритова, и ему было поручено готовить этнографические коллекции и традиционные предметы быта народов Дальнего Востока для участия на Всемирной Парижской выставке.

О том, насколько профессионально это было сделано, свидетельствует диплом, присуждённый в Париже Приамурскому отделу Императорского Русского географического общества.

Надо отметить, что не все отделения ПО ИРГО восприняли с воодушевлением распоряжение выставочного комитета о подготовке своей части коллекции для выставки. Общественность Владивостока высказывала большая тревогу по поводу отправки уникальных экспонатов из музея Общества изучения Амурского края в далёкий Париж, предлагая заменить подлинники муляжами, готовить на выставку только дубликаты или вообще отказаться от участия.

Завершал отправку экспонатов Хабаровского музея в Париж его новый общественный директор С. Н. Ванков при непосредственном участии главного начальника края, генерал-губернатора Н. И. Гродекова, который решал вопросы оплаты всех расходов, уточнял место сбора экспонатов, их необходимое количество, площадь под выставку Приамурского отдела ИРГО.

В конце ноября 1898 года Н. И. Гродекова уведомили телеграммой из ИРГО о том, что в связи с изменившимися обстоятельствами под экспонаты Приамурского отдела вместо обещанных 80 кв. саженей отводится 33–35 кв. саженей. Пришлось В. П. Маргаритову вместе членами выставочной комиссии вновь пересматривать список отобранных к выставке коллекций.

После бурных обсуждений было решено отправить во Францию «образцы национальной одежды амурских племён и чучела наиболее примечательных представителей фауны. Было подготовлено 12 чучел амурских рыб, в том числе калуга в 6 аршин». К большому огорчению членов Приамурского отдела ИРГО, сотрудников музея, «великолепно выделанное чучело калуги при транспортировке получило повреждение, дело с реставрацией затянулось, и редкостный экспонат пришлось отправить в Забайкалье». Среди экспонатов ПО ИРГО европейцы увидели «чучела северных оленей – один запряжён в нарты, другой – под вьюком, 8 манекенов амурских инородцев в костюмах, чучела ездовых собак и др.».

В июле 1899 года в Хабаровске провёл несколько дней известный художник, доктор П. Я. Пясецкий, снимавший виды Уссурийской железной дороги и реки Амура для подготовки картины-панорамы Сибирской магистрали на Парижскую выставку. Панорама представляла собой ряд

последовательных изображений акварелью главнейших сооружений Сибирской железной дороги и местных видов на бумажной ленте длиной 1000 м. Лента двигалась, наворачиваясь с одного цилиндра на другой, в комнате на 125 зрителей. По описанию генерального комиссара Русского отдела В. Н. Тенишева, «публика помещалась в вагонах, где получала завтрак, обед или напитки, и в полчаса перед ней мчалась местность от Москвы до Порт-Артура... После закрытия выставки, наряду с этнографическими коллекциями Западной Сибири и панно К. А. Коровина, украшавшими отдел окраин России, картина-панорама П. Я. Пясецкого поступила в Русский музей императора Александра III».

В краткой истории Приамурского отдела ИРГО (1893–1913), вышедшей к 300-летию Дома Романовых, участие Гродековского музея во Всемирной Парижской выставке 1900 года оценивалось очень высоко: «Казалось бы, больше чем беззастенчиво было со стороны провинциального, да к тому же ещё не совсем сформированного, музея принять это приглашение и идти вслед за убелёнными учёными сединами европейскими музеями на суд мировой истории. Но подбор коллекций Приамурского края оказался составленным с такой совершенной научной подготовкой, что был признан одним из лучших экспонатов Всемирной выставки, и Приамурскому отделу был присуждён диплом на золотую медаль».

За этим последовало признание августейших особ. В начале 1901 года на имя генерал-губернатора Приамурского края Н. И. Гродекова пришло благодарственное письмо от Великой княгини Елизаветы Фёдоровны, сестры жены Николая II. «На Всемирной выставке в Париже, осматривая находившийся под моим покровительством Окраинный отдел, я имела случай убедиться в превосходном подборе экспонатов, собранных во вверенном вам крае, дающих наглядную и полную картину жизни и промышленных успехов его населения, зная из объяснений организатора и достойного руководителя отдела, члена Государственного Совета П. П. Семёнова, что таковой подбор экспонатов был исполнен под вашим руководством и при деятельном вашем участии, я поставлю себе в приятный долг выразить вам свою признательность за ваши труды, а также прошу вас передать мою благодарность и вашим полезным сотрудникам».

Н. Е. Стижевой

КАМЕННЫЙ АРТЕФАКТ ИЗ НИКОЛАЕВСКОГО МУЗЕЯ

(Г. Г. Пермяков и его публикации о скульптуре каменной головы с Большого Ключа)

В 1956 году учеником школы № 1 с. Денисовки Николаевского района (ныне на месте села дачный посёлок) Георгием Ермоловичем в устье ручья Большой Ключ, что в 25 км к юго-западу от г. Николаевска-на-Амуре, была найдена скульптура каменной головы. Впоследствии она была передана Яковом Павловичем Сергеевым в Николаевский краеведческий музей и поэтому долгое время авторство находки причисляли ему.

Учителю истории и краеведу В. И. Беляеву, который в 60–70-е годы XX века проводил археологические исследования в Николаевском районе, принадлежит открытие и описание стоянки

«Большой Ключ». В своей рукописи «Передвижение древних народов на Нижнем Амуре. Характеристика исторических памятников» он дал описание этой уникальной находки: «Маска-личина в корне отлична от амурских личин Сикачи-Аляна, описанных А. П. Окладниковым. Она не носит характерных черт, присущих народам, проживающим на Амуре. У неё высокий лоб, покрытый морщинами. Скорее всего, это говорит о том, что «её мысли, её взгляд обращены вверх к высшему божеству». Губы тонкие, большой волевой подбородок, прямой и тоже большой нос. «Каменные» волосы, по-видимому, специально уложены волнами. У личины есть сходство с айнскими деревянными масками, находящимися в Хабаровском краеведческом музее.

Возможно, это изображение одного из «самых сильных, могущественных», имеющих прямую связь с верховным божеством Камуи, ко-

торый благодаря своему авторитету сам стал предметом поклонения. А после его кончины с него и была сделана маска-личина, которой можно было поклоняться наряду с поклонением другим богам.

Возможно, это личный бог-покровитель шамана, который, в свою очередь, согласно религиозной иерархии, обращался непосредственно к верхнему богу как защитнику шамана, и исполнитель его просьб и пожеланий».

К сожалению, рукопись Беляева не имеет даты создания, но есть основания связать её с началом 70-х годов.

Первое упоминание в печати о каменной маске появилось в журнале «Дальний Восток» (1965, № 6). Автор заметки «Загадка каменной головы» Павел Егоров (псевдоним Г. Г. Пермякова), помимо фотографии экспоната, сделанной им самим, дал размеры находки (46x26 см) и её краткое описание: «...Чья-то искусная рука умело выточила морщинистый лоб, очевидно, желая показать, что это изображение старика. Она же выбила глазницы и высекла нос с неазиатскими ноздрями, небольшой рот и округлый подбородок. И всё это на фоне каменных волн, означающих густые волосы. Уши на каменном изваянии отсутствуют... Привлекает внимание и то, что глаза божества округлы, а не раскосы, что нос велик и прям, губы тонки».

Тут же высказаны две догадки. Первая – это может быть надгробное украшение над могилой выдающегося члена племени, жившего в низовьях Амура в давнее время. Вторая – не исключено, что каменная маска принадлежала служителю культа, придавая авторитет и ореол тайны своему обладателю.

В 1969 году внимание учёных вновь было обращено на каменный артефакт. Это произошло после того, как ряд исследователей узнали об оригинале. Георгий Георгиевич Пермяков, известный учёный-китаевед, к этому времени вновь сделал две публикации: одну в журнале «Дальний Восток» – «Ещё о каменной маске», другую в газете «Молодой дальневосточник» – «Тайна каменной маски» (1969, 30 июля, № 148). По сути, это были первые научные сообщения о находке с Большого Ключа.

Автор корреспонденций говорит о сходстве каменной скульптуры с айнскими масками, выставленными в Хабаровском краеведческом музее, и с шаманскими бурханами, которые встречаются в айнских погребениях. Георгий Георгиевич продолжает этнографические сравнения: «Может показаться, что на лбу изваяния вырезаны глубокие морщины,

на самом деле это татуировка соком амурского растения «чачака», которым покрывают верх лица. Тем же соком шаманы обводили свой рот рисунком в виде прямоугольника – символом повиновения незримым всемогущим силам. Каменный рот маски также взят в символический квадрат. Вальчатая резьба по сторонам базальтовой маски – ритуальные косы, которые носят шаманы».

После образного описания каменного лика Пермяков продолжает: «На затылке каменного фетиша оказался выбит знак племени – буква X с четырьмя точками в каждом углу». Далее он выдвинул гипотезу о происхождении каменной головы: «Фетиш привлёк внимание и тем, что его глаза не были раскосы, а нос оказался прям и велик. Быть может, каменная голова – свидетель древней жизни Амура? Быть может, она ваiana по образцу неизвестного европейского племени, приходившего в былые века на низовья Великой Реки?».

В то время снимки Г. Г. Пермякова изучил известный этнограф Ю. А. Сем, который выдвинул несколько гипотез.

Первая гипотеза такова. Истукан – это каменная маска айнского шамана. Ведь каждый из них, по словам Сема, имел своего духа-покровителя.

Вторая гипотеза. Учёный обратил внимание на заметное сходство николаевского идола со всемирно известными петроглифами Сикачи-Аляна. И там и здесь древние художники обвели глаза божества одним приёмом. Как он сказал, если удастся доказать родство скульптуры с Большого Ключа с сикачи-альянскими личинами, то будет новое свидетельство распространения древней культуры до устья Амура.

И третья гипотеза. Бросается в глаза тонкий, изящный и прямой нос бурхана и его узкие ноздри. А ведь носы айнов разлаписты. Возможно, по мысли учёного, камень с Большого Ключа увековечил европеоида Средней Азии, скорее всего, авара, а у них и у чжурчженей, говорит этнограф, бесспорное родство.

Таковы предположения известного учёного-этнографа.

В дальнейшем каменная скульптура стала объектом активного исследования учёных Хабаровска и Новосибирска, но их результаты уже выходят за рамки нашего сообщения.

В настоящее время каменный артефакт демонстрируется в экспозиции Николаевского-на-Амуре краеведческого музея им. В. Е. Розова и служит его визитной карточкой.

А. Ф. Вежновец

К ИСТОРИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ ВОИНОВ-ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ

Сложилось так, что первыми исследователями Дальнего Востока, первостроителями и первопросветителями были военные.

Замечательным примером воина-дальневосточника дореволюционных времён стал **Степан Осипович Макаров**. Родился в 1848 году, учился в Николаевской-на-Амуре мореходке, руководил двумя кругосветными экспедициями. Был одним из разработчиков ледокола «Ермак», руководил его постройкой и совершил на нём походы в Арктику. Разработал и внедрил систему непотопляемости кораблей, которая принята во всём мире. Изобретатель бронебойного снаряда. Любое из перечисленных дел сделало бы честь любому из офицеров русской армии. В возрасте пятидесяти шести лет погиб при взрыве броненосца «Петропавловск» 13 апреля 1904 года.

В музее Амурского речного пароходства хранится серебряный подстаканник, подаренный четырнадцатью флотскими чинами одному из руководителей Николаевского порта Архипу Богодайко. В числе прочих Г. Я. Седов.

Георгий Яковлевич Седов родился на Азовском море в семье рыбака. Окончил три класса начальной школы, работал, много читал, самостоятельно усвоил курс средней школы, добился приёма в мореходное училище и в 1898 году успешно его окончил. В 1901 году блестяще сдал экзамен за курс морского корпуса. И 22 апреля 1902 года поручик Седов был «определён в службу с зачислением по Адмиралтейству». Не так уж часты были случаи, когда мужик и сын мужика становился офицером. В 1904 году, во время Русско-японской войны, он испрашивает направление на Дальний Восток и служит на амурских миноносках по охране устья реки от возможного нападения неприятеля. В 1909 году гидрограф штабс-капитан Седов командирован на побережье Северного Ледовитого океана для обследования устья Колымы. К тому времени им уже овладела мысль о русском покорении Северного полюса, тем более, что успешность экспедиций Пири и Кука вызывает сомнение и у самих

американцев. Георгий Седов умер, не достигнув полюса, но, будучи смертельно больным, гнал упряжку на север...

Пётр Николаевич Нестеров, родоначальник высшего пилотажа, двадцатилетним пилотом, в сущности – мальчишкой, вопреки инструкциям и запретам на виражи с креном аппарата, первым, после строгих расчётов, выполнил «мёртвую петлю» 27 августа 1913 года, первым в истории совершил воздушный таран. Служил в Приморье и здесь осуществил первые подъёмы на разведывательном аэростате.

Александр Фёдорович Можайский, офицер миссии Путятина. В его биографии – строительство первого в Японии военного парусника «Хеда», участие в возведении Николаевской-на-Амуре крепости, в 1881 году изготовление воздухоплавательного снаряда-самолёта.

Перешагнём через годы, обратимся к именам людей, получивших известность в годы Гражданской войны.

О **Семёне Михайловиче Будённом** (до Первой мировой войны он служил на Дальнем Востоке), крестьянском сыне, родом с Дона, прочтём в «Записках неуча» русского фашиста, кубанского казака, эмигранта из Харбина Прокофия Ковгана (шёл за кордон из Приморья, от станции Хорватово).

«Кто не знает т. Будённого, бывшего вахмистра, который кроме «пошёл вон» от деликатно воспитанных не получал ничего, и до революции никто не знал о его существовании. Только революция показала, что бывший вахмистр Будённый по прирождённому уму, который не развит до должной высоты, – стоит далеко выше «светил» белой России.

Будённый показал, что его талант в военном деле стоит выше мнимых талантов разных стратегов. Правда, Будённый предатель и изменник, но достаточно появиться Будённому на фронте, как всё катилось к чёрту, все бежали без оглядки...»

Добавлю, зять Будённого, известный актёр Михаил Державин, как-то со скрытой иронией спросил Семёна Михайловича, читал ли тот роман «Война и мир». Будённый ответил: «Да, читал ещё при живом Льве Николаевиче».

Свои четыре «Георгия» Семён Михайлович заслужил дважды. После первых четырёх дал по физиономии старшему офицеру за подлость. Не будь Полным георгиевским кавалером, подлежал бы расстрелу. Вскоре вновь стал полным «Георгием», одной храбрости для этого мало, нужна ещё и голова.

Общее у всех – решительность, настойчивость, самостоятельность, умение думать, принимать решение и быть лидером. Но перечисленные – хрестоматийные личности, а были и рядовые. И при разговоре о Великой Победе следует помнить, что несут её рядовые на кончиках своих штыков.

Из «Книги памяти» о воинах-дальневосточниках мы узнаём, что на запад было направлено 23 воинских соединения. Учитывая малую населённость нашей территории – немало. В трудные дни, когда Гитлер стоял у ворот Москвы, от нас на запад, под Москву, были направлены: *26-я Златоустовская Краснознамённая стрелковая дивизия, 32-я Саратовская Краснознамённая стрелковая дивизия (с мая 1942 г. – 29-я гвардейская), 60-я танковая дивизия, 78-я стрелковая дивизия (с ноября 1941 г. – 9-я гвардейская), 107-я мотострелковая дивизия, 112-я танковая дивизия (с октября 1943 г. – 44-я гвардейская танковая бригада).*

Однажды из радиопередачи я узнал, что на месте уходящих частей и соединений оставались части с теми же наименованиями. Это было хитрой выдумкой командующего фронтом Иосифа Родионовича Апанасенко для ввода в заблуждение действующих разведок, ибо информация попадала в немецкий генштаб.

В литературе дальневосточники фигурируют как сибиряки. Это неточность, но не чересчур обидная. Главное то, что дальневосточники-сибиряки, в частности 78-я стрелковая дивизия под командованием полковника Афанасия Павлантьевича Белобородова, стоявшая бок о бок с панфиловцами, – проявили невероятные (для врага) стойкость и самостоятельность.

«О друзьях-товарищах»

Мне посчастливилось делать экспозицию к сорокалетию Победы. Те, с кем довелось работать и готовить её, мои коллеги – сотрудники ДальТИСИЗа, фронтовики и труженики тыла, решили сделать всё по-своему (сделали и не ошиблись). В противовес «иконостасам» мы решили простыми словами и малыми документами показать то большое дело, которое делали мои коллеги и сотрудники в годы войны, когда им было двадцать лет, чуть больше, чуть меньше.

Черновички и копии магнитных записей бесед с двадцатью одним человеком, в том числе двумя женщинами, я сохранил. Полный спи-

сок этих дорогих мне людей я приведу далее и сейчас нахожусь перед трудным выбором, о ком рассказать? Всех я хорошо знал, большинства из них нет в живых. Не буду делить их на живых и ушедших, не буду обращаться к нейтральному алфавитному списку, расскажу о тех, с кем работал рядом и кто мне, молодому, чаще всего вправлял мозги.

Константин Георгиевич Номоконов летом 1941 года проходил производственную геологическую практику в Читинской области. Незадолго до начала войны видел, как над тайгой с востока на запад прошли тройками несколько десятков бомбардировщиков ТБ-3. Рокот мощных моторов вселял уверенность в непобедимость нашего государства. Вечером того же дня поделился впечатлениями со старшим товарищем, а тот несколько охладил его пыл, пояснив, что в современной войне побеждают не штыки, а экономика, которая у Германии в совокупности с покорёнными странами Европы была очень мощной. Вскоре началась война, всех практикантов вызвали в Иркутск, мобилизовали, дали первоначальное военное обучение и направили на фронт.

2 января 1942 года произошло его боевое крещение. Оружие досталось не всем, Константину выдали две гранаты и объяснили, что оружие надо добыть в бою. Так и получилось: после боя он уже обладал трофейным пулемётом. Впервые он увидел и гибель своих товарищей, врагов тоже. Бой одним днём не закончился. В ночной атаке полегла почти вся его рота. Он сам получил сквозное ранение в руку. Жив остался, потому что его, раненого, отправили в тыл с донесением и на перевязку. Когда рана поджила, перевели в пулемётчики. Константин Георгиевич вспоминал: «Я их ненавижу. Я поглядел, что они натворили в деревнях, где стояли. Для зимы не подготовились, пялили на себя меховые лохмотья, что лежали подстилками в собачьих будках. Головы повязаны бабьими шерстяными платками. А гонору было много.

Перед атакой расчёт получил команду скрытно выдвинуться на нейтральную полосу, укрыться в воронке и применить оружие по обстоятельствам. Атака захлебнулась, кто бежал, кто отползал. Немцы выскочили на бруствер и, не жалея патронов, включили свои «машинки». Красиво стояли, а когда мы завели своего «максима» – некрасиво падали. Едва мы из одной воронки перебежали в другую, туда прилетела мина».

В апреле 1942 года полк стоял в обороне на левом берегу Северного Донца, в районе Белгорода. Константина Георгиевича, как знающего не-

много немецкий язык, направили поближе к немецким позициям зачитывать пропагандистские листовки. Враг был силён, нагл, требовалось любым путём поколебать его уверенность, склонить к сдаче. Техники не было, говорил в рупор. После одной из передач немцы проорали: «Эй, рус, иди к нам, угостим тебя украинским салом».

В ночь на 21 мая при выдвижении пулемётный расчёт попал под огонь, и из семи человек осталось только двое раненых, в том числе Константин с тяжёлым ранением в грудь. В горячке сбросил с себя вещмешок и нечем было перевязаться. В воронке, на нейтральной, пролежал сутки, а на следующую ночь туда заползли два солдата-казаха. В иных условиях они смогли бы вынести раненого бойца, но группе из троих пройти было невозможно. Казахи сделали перевязку, а поскольку ползти он не мог, дали ему в руки взведённую гранату РГД, поставили на ноги и попрощались. Так, в полный рост, с гранатой у груди и пришёл в своё расположение. Потом были госпитали. Длительная отсрочка и, наконец, служба на Дальнем Востоке до конца войны.

Мать Номоконова сохранила письма сына. От этих жёлтых ветхих листочков я получил даже больше, чем услышал от моего героя.

Анна Григорьевна Пестун и Любовь Михайловна Кравцова служили в спецвойсках. В 1985 году они об этом мне шепнули. О службе ничего не говорили, но, помимо службы, стирали обмундирование и штопали его, ходили к раненым в госпиталь с шефскими концертами, готовили посылки на фронт. Так всю войну.

Некоторое облегчение, больше – моральное, почувствовали после поражения гитлеровцев под Сталинградом. После войны у одной из них развился туберкулёз. Возраст – чуть больше 20 лет плюс военная медицина поставили её на ноги, и она ещё лет двадцать пять работала в экспедиционных условиях.

Все эти люди трудились рядом друг с другом, но так вышло, что до 1985 года, когда я их начал опрашивать, не знали, что некоторые воевали на одних позициях в один день.

Пётр Максимович Моргунов, кузнец, в войну морской пехотинец. был призван в августе 1942 года. Служил в отдельном 355 батальоне морской пехоты под командованием капитана Бараболько.

«Отпраздновали победу над Германией, а мы все тренируемся, марши совершаем по 30–60 километров. К началу войны с Японией нас вывезли на Русский остров, обмундировали, вооружили. По сигналу по-

грузили на два тральщика и направили курсом в порт Сейсин, через который шёл весь грузопоток для Квантунской армии. Задачей батальона было захватить плацдарм и удерживать его четыре часа до подхода 13 бригады морской пехоты. К Сейсину подошли в 4 утра. Накануне здесь хорошо поработала наша бомбардировочная авиация, и весь город был затянут дымом. Спасибо дыму, японцы посчитали десант батальона за десант бригады».

Как выяснилось, суда, на которых выдвигалась бригада, налетели на минное поле. Батальон захватил плацдарм 7 километров по фронту, и везде шёл бой. Такой масштаб не укладывался в уставные нормы. Японцы не знали численности десанта, и захваченный в плен их генерал был страшно огорчён. Он сказал через переводчика: «Да я бы вас в первый день смёл в море». Но ведь не смёл.

«За эту операцию, – вспоминал Пётр Максимович, – наш комбат из капитанов был произведён в подполковники и получил звезду Героя Советского Союза».

Иван Трофимович Шевцов, оптик-механик, в войну торпедист первого класса и оптик-механик.

«Я повоевал немного. Только придёт разрядка на запад, все пошли, а я, как оптик, остаюсь. Пришло и моё время. Наши торпедные катера были в составе охранения 13 бригады морской пехоты. Бригада вышла один раз, напоролась на мины, вернулись. На рассвете 15 августа к порту Сейсин подошли два дивизиона наших торпедных катеров. Для подхода кораблей с ходу торпедировали молы, а потом ввязались в бой. 22 августа боевые действия в Сейсине завершились полностью».

Ни Пётр Максимович, ни Иван Трофимович не знали, что были в одном месте, в одно время, их пути соединились на ленте моего магнитофона.

С **Ильёй Михайловичем Жуковым** я прошагал не один километр по дальневосточным тропам и до 1985 года не знал, что он фронтовик. Большой шутник и ещё больший скромник. Нагрудный знак участника Великой Отечественной войны на его пиджаке я впервые увидел в день празднования сорокалетия Победы.

«В армию был призван в 1943 году. Закончил «учебку» и в звании сержанта служил в Облучье. 9 августа 1945 года наш 553-й стрелковый полк вышел к границе в районе Гродеково в Приморье и оттуда вступил в Маньчжурию».

Илья Михайлович был миномётчиком, участвовал в боях за город Мулин, где японцы оказали ожесточённое сопротивление. После взятия города полк стоял там до капитуляции Японии. Из военных лет вспоминал изношенное, с чужих плеч обмундирование и скудную пищу, ему не было тогда и восемнадцати...

А теперь я приведу вам сводку погоды. Почему – вы поймёте.

Метеостанция Хабаровск, База КАФ, 9 мая 1945 года.

Наблюдалась облачная погода без осадков. Атмосферное давление 1008 миллибар. Ветер северо-восточный с переходом в середине дня на северный. Скорость ветра днём 7–5 метров в секунду. Температура воздуха ср. суточная 7,2 по Цельсию, максимальная 10,8, минимальная 3,2.

Все без исключения, где бы ни находились, запомнили 9 мая 1945 года как солнечный и очень тёплый день. 7 мая 1985 года, сорок лет спустя, мы всем коллективом праздновали день НАШЕЙ ПОБЕДЫ. По новым трезвым веяниям наливали водку из самоваров в чайные чашки и пили, кому сколько надо. Некоторые из ветеранов пошли танцевать с молодыми девчонками, они это умели, поскольку в военных училищах сталинской школы учили красиво есть и танцевать балльные танцы. Шутили по поводу самоваров и чашек, и никто не предполагал, что через пару лет на их многострадальные головушки обрушится «перестройка», а в толпе станут слышны разговоры: «Вот если бы нас победил Гитлер, сейчас бы сосиски с баварским пивом трескали».

Прошло ещё пять лет, и один из ветеранов, бывший военный, а после войны гражданский топограф, Борис Михайлович Рубис на праздновании сорокапяtilетия Победы обратился к молодёжи со словами:

«97 парней из каждых ста, рождённых в 1920–1923 годах, сложили свои головы во имя спасения Родины, во имя жизни грядущих поколений, во имя светлого будущего, мира и процветания. Вечный покой вам, не дожившим до дня Победы, и низкий поклон от благодарного народа.

Низкий поклон и вам, героические труженики тыла военных лет, особенно детям и подросткам, заменившим мужские руки ушедших на фронт. В неоплатном долгу мы перед нашими многострадальными женщинами, вынесшими на своих плечах тяготы военного лихолетья.

Героическим трудом женщин, подростков, стариков, вернувшихся к мирному труду искалеченных и израненных, прошедших через жернова кровавой мясорубки, за короткий срок было в основном восстановлено

и приумножено хозяйство, разрушенное до основания на территории, где с огнём и мечом прошли фашистские орды. Всё это было возможно лишь в единой семье народов, имевших перед собой ясную цель и веру в будущее. Весь мир восхищался героизмом того поколения, отдавая должное мужеству, стойкости, сплочённости советских людей.

Кажется, послевоенным поколениям, и особенно молодёжи, как говорится, сам бог велел бережно относиться к людям, которые потом и кровью, не щадя своих сил и даже жизни, создали предпосылки для мирной жизни, созидания и прогресса, В этом деле безграничное поле деятельности для комсомола, для молодёжи.

С каждым днём тают наши ряды, и с горечью приходится констатировать, что значительная часть современной молодёжи считает нас, ветеранов войны и труда, некой обузой, лишними людьми, забывая о том, что их благополучие пока что держится на основе, созданной старшим поколением, поколением военных лет.

Создаётся впечатление, что эта основа неприемлема и неудобна определённому кругу лиц. Сегодня стали реальностью идеологический разброд, развал комсомола, национальная рознь, шаги к реставрации капитализма, растраниживание национального богатства, искажение и забвение целых глав героической истории нашего народа, потеря святого чувства добра и милосердия. И этому не приходится удивляться. Даже в высших эшелонах кому-то резали слух слова: «Сталинградская битва», их заменяли «боями» под не существовавшим тогда Волгоградом. Ленинградскую эпопею, да и не только её, полностью поглотила Малая Земля. Был даже отменён праздник Дня Победы – разве это не кощунство над павшими и выстоявшими!

Мы не просим подаяния или особого милосердия к себе. Если его нет в душе – никаким законом не привьёшь духовность, уважение, миролюбие.

От имени павших, от имени оставшихся в живых, от имени героического поколения военных лет в день 45-летия Великой Победы обращаюсь к вам, людям сегодняшнего и грядущих поколений: всемерно сохраняйте и приумножайте дарованные вам завоевания ваших отцов и дедов, не щадивших своей жизни во имя вашего лучшего и счастливого будущего. Будьте уважительны и милосердны к их памяти. Помните, только в единой семье, в единстве дел и помыслов возможно мирозидание и прогресс. Берегите и укрепляйте Родину, охраняйте народ-

ное достояние от посягательств внешних и внутренних дельцов. Будьте бдительны! Мы свой долг исполнили! Дело за вами!»

Вот имена дорогих мне, сыну фронтовика, людей:

Алюков Анатолий Константинович, Ангарский Георгий Михайлович, Белокуров Василий Георгиевич, Бережной Василий Гаврилович, Волегов Иван Матвеевич, Волков Михаил Иванович, Грустнев Иван Карпович, Жуков Илья Михайлович, Кравцова Любовь Михайловна, Крестовский Алексей Борисович, Левичев Фёдор Михайлович, Лелеков Владимир Кириллович, Лысенко Пётр Иванович, Моргунов Пётр Максимович, Номоконов Константин Георгиевич, Приступов Станислав Александрович, Прокопов Григорий Петрович, Петренко Михаил Евдокимович, Перепёлкин Алексей Иванович, Пестун Анна Григорьевна, Рубис Борис Михайлович, Яковенко Александр Алексеевич.

Я помню их имена, я помню присягу.

28.02.2005 г.

Во втором выпуске «Дальневосточного краеведа» появилась постоянная рубрика «Memoires», в которой публикуются воспоминания, записки и другие литературные свидетельства истории нашего края, впервые напечатанные в периодических изданиях XIX века и не переиздававшиеся. В этом выпуске представлены воспоминания Алексея Евгеньевича Баранова, прапорщика, командира 4-й роты линейного батальона, участвовавшего в первом Амурском сплаве 1854 года.

В тексте, впервые опубликованном в 1891 году, сохранено правописание того времени.

А. Е. Баранов

НА РЕКЕ АМУРЕ В 1854–1855 гг.

Воспоминания офицера из отряда Н. Н. Муравьёва

I.

В 1848 году, после генерала Руперта, умершего в Иркутске, генерал-губернатором Восточной Сибири был назначен ген.-майор Николай Николаевич Муравьёв.

Первым действием нового ген.-губернатора, кажется, был вызов из России чиновников для обновления состава местных управлений, в которых были сильно распространены злоупотребления, преследуемые им не только в лице отдельных чиновников, но и целых присутственных мест.

В числе чиновников, решившихся ехать в Иркутск, был родственник мой, с которым поехал и я, чтобы поступить там в гражданскую службу.

Выехав из Москвы, в мае месяце 1849 г., мы весь путь сделали на лошадях (около 6000 вёрст), так как ни железных дорог, ни пароходов тогда не существовало. Волга была ещё в разливе, образуя местами целые моря; следуя почтовому тракту, через Волгу пришлось переехать три раза до Казани. В одном месте, кажется, у Василь-Сурска, разлив был так велик, что пришлось плыть на лодке целую станцию.

До Иркутска мы ехали более месяца, – это был обыкновенный срок; почта шла около месяца и только курьеры проезжали это расстояние в три недели и даже скорее.

По прибытии в Иркутск родственник мой, как человек там новый, не мог оказать мне помощи для получения в скорости места в гражданских учреждениях уже потому, что не знал, в котором из них было бы лучше, почему, следуя совету одного знакомого, декабриста Петра Александровича Муханова, я решился поступить в военную службу, юнкером в сибирские линейные батальоны.

Зная очень близко существовавшие там порядки, Муханов говорил, что пока ген. Муравьёв очистит состав чиновников, искореняя злоупотребления, мне, начинающему службу, пришлось бы подчиняться чиновникам, заматеревшим в разных каверзах, и, может быть, пострадать. Поступление в военную службу представлялось лучше и потому, что для юнкеров в Иркутске была учреждена школа, где преподавались общие и военные науки.

В 1850 г., в Иркутск прибыл командовать бригадой сибирских линейных батальонов генерал-майор Павел Иванович Запольский. У него я имел случай видеть высших тогда в Иркутске лиц, а также декабристов – князей Сергея Петровича Трубецкого и С. Г. Волконского.

Кн. Трубецкой был высокого роста, имел короткие, рыжеватые, с проседью, волосы, равно как и бакенбарды. Князь Сергей Григорьевич был скорее среднего, нежели высокого роста; ниспадавшие до плеч волосы, подгибаясь кольцами, были почти белы, равно как и длинная борода; но, насколько помню, по лицу он не казался столь преклонных лет, как можно было полагать по белизне волос.

В 1851 г., с образованием Забайкальской области и казачьего там войска, ген. Запольский был назначен губернатором области и наказным атаманом этого войска, которое составилось из двенадцати пеших батальонов (три бригады) и двух конных бурятских полков. Впрочем в состав этого войска вошли казачьи конные полки, существовавшие ранее и расположенные в станицах вдоль всей нашей границы с Китаем. Пешие батальоны сформировались из крестьян, бывших ранее приписанными к нерчинским горным заводам.

Офицеры в это войска были назначены из сибирских линейных батальонов и из казачьих полков, но много было приезжих из армейских, пехотных и кавалерийских полков.

Ген. Запольский переехал в Читу, назначенную быть областным городом, осенью в 1851 году, причём он взял меня с собою, так как батальон, в котором я числился, также был перемещён в Читу.

За Байкал имелись две дороги. Одна шла по горам вокруг озера, где надо было ехать много верхом, и другая, по которой поехал генерал, направляется вверх по Ангаре до станции Лиственничной, в шестидесяти верстах от Иркутска, отсюда, на пароходе, переезжали озеро поперек, около ста вёрст, в Посольский монастырь. Пароход останавливался на рейде, парусные же суда, называемые там карбасами, входили в бухту, называемую Прорвой.

В Байкале и в реках, в него впадающих: Верхней Ангаре и Селенге, ловится великое множество рыбы, называемой «омуль». Я не знаю к какой породе она принадлежит, но она красная, т. е. имеет мясо красноватое и очень жирное; величиной она около полуаршинна и даже более. Вследствие её обилия, омуль очень дешёв, составляя обычную пищу простого народа, как и кирпичный чай, который крестьяне и казаки за Байкалом употребляют по несколько раз в день. Чай этот готовится следующим способом. Накрошенный мелко чай (продается он в виде твёрдых, как камень, плитках, около полуаршинна длины и четырёх вершков ширины, при толщине около трёх четвертей вершка) долго (варят) кипятят в чугунном котле, после чего в него кладут масло или крепко варёное молоко и немного соли. Иногда в такой чай прибавляются поджаренной муки и тогда он называется затуроном; сахар в обоих случаях не употребляется. Если этот напиток, при непривычке, может показаться не вкусным, то во всяком случае он чрезвычайно питателен. От Посольска дорога идёт на Верхне-Удинск, за которым начинается Хоринская степь, около трёх сот вёрст протяжения, по сторонам, то справа, то слева, виднеются горы. В этой степи кочуют буряты, войлочные юрты которых разбросаны и группами и в одиночку в стороне от дороги и всюду видны стада крупного и мелкого скота, составляющие всё богатство бурят.

На восток Хоринская степь упирается в Яблоновый хребет, на который мы подымались две станции; местами были топкие болота, покрытые гатями для проезда. Спуск с хребта короче, но круче; он каменист и болот уже не встречается. От подошвы горы начинается опять степь до самой Читы, верст на тридцать; вдоль-же хребта она тянется, как будто без конца. Тут тоже кочуют буряты, и степь изборождена тропинками, проложенными верховой ездой из улуса к улусу (становище бурят).

Чита – казачья станица, в которой были также и поселенцы. Она стоит в горах на речке того же имени, при впадении её в реку Ингоду, принимающую отсюда, вместо северного направления, восточное. Чита

была известна ранее только потому, что в ней содержались декабристы до увольнения их на поселение.

Один из осуждённых, в 1826 году, верховным уголовным судом проживал здесь до самого возвращения в Россию, – то был Дмитрий Иринархович Завалишин, бывший до осуждения флотским лейтенантом. Он жил в своём доме с матерью и сёстрами своей жены, фамилия которых, насколько помню, была Смольяниновы; кажется, это было семейство бывшего в Чите плац-адъютанта. Несмотря на преклонные почти годы, он по-видимому пользовался удовлетворительным здоровьем, ходил очень скоро и вообще был очень живой. В его чёрных волосах, кажется, ещё не было седины. Одевался он, по старинному, в серый казачинетовый казакин на крючках и с фалдами в сборку; фуражка тоже была старинного фасона с большим козырьком. Почти каждый день я видел его за столом у П. И. Запольского, пользовавшегося его обществом, как единственного в Чите образованного человека, не бывшего у него в подчинении, как служащий. Как известно, Завалишин был из числа образованных из товарищей его по несчастью; говорил он хорошо и рассказы его из александровских времён и прошедшего Сибири были очень интересны. Сколько я мог тогда заметить, лица, окружавшие генерала Запольского, и вообще все служащие не жаловали Завалишина вероятно потому, что он не стеснялся высказывать всё, что делалось ему известным. По неимению в Чите архитектора, Завалишин производил постройку дома для губернатора.

В это время в Чите ещё существовал острог, где содержались декабристы. Он состоял из трёх длинных, одноэтажных зданий, поставленных в виде буквы П и окружённых высоким тыном с единственными воротами, против которых, через улицу, находился дом коменданта, заведовавшего узниками. Дом этот тоже был ещё цел с его каланчою, настолько высокою, что весь двор острога был хорошо виден.

Строение это в 1853 году, по уничтожении тына, было обращено в хлебные магазины для подготовлявшейся Амурской экспедиции. В зиму 1853–1854 гг., средствами местного линейного батальона были изготовлены брёвна для постройки плотов, к чему преступлено было ранней весной в 1854 году и тогда же начат сплав хлеба по Ингоде, Онону и Шилке в Шилкинский завод, где были сосредоточены все приготовления к экспедиции, начавшиеся ещё ранее, но так секретно, что мало кому было известно. Постройкою плотов в Чите и отправкою хлеба

распоряжался подполковник М. С. Корсаков, бывший потом губернатором Забайкальской области, а впоследствии и генерал-губернатором Восточной Сибири после Н. Н. Муравьёва. Встретив меня у генерала Запольского, М. С. Корсаков предложил назначение в число офицеров сводного батальона солдат, выделенных из всех линейных батальонов, расположенных за Байкалом, для экспедиции. Конечно, я не отказался участвовать в таком интересном деле и с того времени поступил в распоряжение М. С. Корсакова.

До производства в офицеры, мне часто приходилось жить в деревнях и особенно в селении Норым или Нарын, (по-видимому название бурятское, верстах в восьмидесяти, или более, от Читы. Крестьяне этого селения при хлебопашестве, большею частью, занимались звериным промыслом, добывая белок, лисиц, коз, а также и более крупных зверей, как лось, изюбрь (очень большая, как крупная лошадь, коза) и медведей. Изюбрей стреляли, преимущественно, раннею весною для получения их рогов, имеющих в это время вид шишек или наростов, ещё мягких. Рога эти сбывались китайцам по высокой цене (сто пятьдесят рублей и более за пару), как говорят, для приготовления сильно укрепляющего лекарства. У некоторых крестьян имелись домашние, прирученные изюбри, доставлявшие им хороший доход. Добыча зверей производилась не только стрельбой из винтовок, но и ловушками различного устройства, а также посредством ям. Эти последние делались аршина три длины и глубины при ширине около аршина; их закрывали лёгкой настилкой из тонких прутьев, листьями и хвоей. Пространства между ямами, саженой двадцать-тридцать, загоразивались валежником, так что звери, по необходимости, отыскивая свободный проход, подходили к яме и ступив на настилку, проваливались. При осмотре ям, устраиваемых по склонам гор, пойманного зверя прирезывали в яме (накинув петлю на шею и приподняв его), чтобы возле ямы не было следов крови, которую звери далеко чувят. У некоторых крестьян было по сотне и более таких ям.

Для добывания белок наши промышленники переходили китайскую границу, если там где-нибудь оказывался обильный урожай кедровых орехов; где много ореха, там обыкновенно много и белок. Более других животных добывалось коз, и если мясо их, по неимению сбыта, ничего не стоило, то козий мех и кожи были в цене. Они шли на одежду не только зимнюю, как шубы (дохи делаются шерстью наружу) и теплые сапоги, но и на летнюю, для чего шерсть на коже уничтожалась.

Если крестьянин был порядочный работник, то он жил хорошо, скот был очень дешев, земли вдоволь и урожаи большею частью удовлетворительные, а иногда и обильные. У многих крестьян, кроме дворов в селении, имелись хутора или, как их там называли, заимки (в верстах 10–30 и более от селения), на которых, в качестве работников, нередко бывали беглые с каторги, работавшие почти только за один хлеб. Вообще бродяг попадалось много, а в таких глухих местах, как Норым, тем более. Шли они кормясь подаянием, но никогда не называли себя нищими, – но прохожими. Крестьяне их никогда не задерживали, не смотря на приказы от начальства, опасаясь поджогов, а также из сострадания; это для них были все «несчастненькие», которым никогда не отказывалось в подаянии, но на ночлег, сколько помнится, – пускали только на заимках.

Буряты, как я неоднократно слышал, враждовали с бродягами из-за постоянных краж скота и лошадей и при встрече в глухих местах стреляли их из винтовок.

Я слышал также, что нередко беглые каторжники проживали в селениях под именем умерших поселенцев, с ведома, конечно, сельских властей, которые в этих видах не всегда своевременно уведомляли надлежащее начальство о смерти поселенцев. Такая сделка допускалась, вероятно, в тех случаях, когда умерший поселенец не был хорошо известен в селении или же поступивший на его место уходил на дальние прииски.

Впрочем, мне указывали в с. Норыме одного такого крестьянина и по-видимому это было всем известно. Он был уже женат в этом селении и имел детей; жил с достатком, считаясь хорошим хозяином и промышленником и, вообще, о нём отзывались как о хорошем человеке.

Уже в те времена за Байкалом были добровольные переселенцы. Так, в верстах сорока от Читы, вверх по Ингоде находились три довольно большие поселения малороссов. Судя по количеству стоявших на гумнах скирдов хлеба, по строениям и праздничным одеждам, поселенцы эти пользовались достатком.

С назначением в состав экспедиции, обязанность моя в Чите заключалась в наблюдении за постройкою и нагрузкою плотов, а также за постройкою небольших для них лодок. Работы производились спешно, начинали с рассветом и оканчивали с темнотою; шли часов 15–18 в день. Это продолжалось со времени вскрытия р. Ингоды, кажется, с конца марта, до последних чисел апреля, когда на последних плотях, с

последним грузом хлеба и остальной командой солдат отправился и я по р. Ингодь, Онону и Шилке. Это было 24 апреля 1854 года.

Плавание по рекам, при стоявшей тогда хорошей погоде, совершилось вполне благополучно, будучи интересным как по новости, так и по разнообразию встречаемых местностей. Берега представляли – то равнины и леса, то высокие утёсы. Мы не испытывали ни остановок на мелях, ни ударов о берега и только в начале плавания по Ингоде, на каменистых перекатах плотам нашим пришлось выдержать испытание прочности постройки. Несясь по мелким быстринам, плоты ударялись о камни дна, которые к счастью, были кругловатые. Местами брёвна перебирало как клавишами, отчего разваливались сложенные рядами мешки с хлебом.

Шилкинский завод – место каторжных работ; первое, что мы увидели там, был колесный пароход «Аргунь», построенный для экспедиции; машина для него сделана была на Петровском заводе (где-то возле Верхнеудинска за Байкалом) рабочими каторжными. Это была первая машина, сделанная в Восточной Сибири, и как оказалось впоследствии – удовлетворительно, так как работала исправно во всё время плавания по Амуру, но, кажется, была не достаточно сильна. Кроме этого маленького корабля, было построено много больших лодок, предназначенных не только для людей, но главным образом для нагрузки большого количества хлеба в виде муки, крупы и сухарей. Припасы эти были заготовлены как на время плавания по Амуру, так и для продовольствия всех бывших на устье Амура в течение, по крайней мере, целого года; доставить новый транспорт хлеба ранее этого срока было бы невозможно. Постройкой всех судов заведовал капитан 2-го ранга П. В. Козакевич (Казакевич – *ред.*), бывший потом адмиралом и начальником Кронштадта, ныне покойный.

Назначенный в экспедицию сводный батальон помещался в лагере на правом берегу Шилки против завода, где происходила живая работа по окончанию отделки и нагрузки судов хлебом. В первых числах мая, прибыл в шилкинский завод генерал Николай Николаевич Муравьёв и, сколько помнится, только к 7-му мая 1854 года мы были готовы к отплытию.

После молебна на плацу, перед лагерем, у берега реки, мы отвалили от шилкинского завода. Накануне отъезда у генерала Н. Н. Муравьёва был прощальный обед, на котором был генерал Запольский, полковник

горных инженеров И. Е. Разгильдеев и многие другие, прибывшие проводить экспедицию. Во время обеда пел хор песенников, составленный из каторжников, замечательный по своим голосам и тому выражению, с которым он пел некоторые, особенно сибирские, песни.

Через несколько дней, на Усть-стрелке, при слиянии Шилки с Аргунью, к экспедиции присоединились барки с сотней конных казаков, а 14-го мая 1854 года мы двинулись по Амуру.

II.

Перечислю, насколько помню, состав экспедиции: подполковник Корсаков – начальник бывших в экспедиции войск; капитан 2-го ранга Козакевич – начальник флотилии. Затем при генерале Муравьёве состояли: военный инженер Ахте, горный инженер Аносов, адъютант Буссе, гражданские чиновники: Бибииков, Свербеев и ещё, кажется, Филиппеус. Было ещё несколько лиц, в том числе какой-то учёный, кажется, натуралист и переводчик маньчжурского и китайского языков, фамилии которых не упомяну. Пароходом командовал лейтенант Куприянов. При сводном линейном батальоне было четыре офицера: Медведев, Монастыршин, Глен и я, считавшиеся командирами рот. Казаками командовал, исследовавший некоторую часть Амура, сотник Скобельцын; при казаках был ещё один офицер. Была с нами и артиллерия, в составе двух горных пушек и таких же мортир, с несколькими солдатами и одним офицером поручиком Бакшеевым. Батальон превышал тысячу человек, и, следовательно, весь личный состав экспедиции, считая казаков и артиллеристов, мог быть не более тысячи двух сот человек и, скорее, менее этого числа.

Генерал и его штаб помещался на лодках с поставленными на них домиками или будками; конечно, генеральская лодка и домик были наибольшие; этот последний состоял из двух, хотя и очень маленьких, комнат. Остальные лица штаба помещались по двое на одной лодке, так что всех таких лодок было около десяти. Некоторые лица помещались на пароходе.

Все остальные лодки были нагружены хлебом несколько выше бортов, в виду удлинённой пирамиды, и накрыты парусиной на два ската; на передних и задних частях лодок, свободных от груза помещались солдаты. Мы, офицеры батальона, также устроили себе на кормовых частях лодок нечто вроде кают, пользуясь парусиной, покрывавшей хлеб.

Казачьи и артиллерийские и их лошади находились на барках, построенных казаками на Аргунях. Эти барки были почти круглые, с низкими бортами, и двигались медленнее наших лодок, как вследствие своей формы, так и потому, что дно у них было сделано из брёвен, положенных поперек барок. Барки эти показывали, до какой степени эти потомки донских и уральских казаков утратили то, что так хорошо знали их предки, строившие лёгкие и быстрые на ходу ладьи, на которых они плавали по Азовскому и Каспийскому морям и прошли по рекам всю Сибирь.

Кроме разных лодок и барок у нас имелись ещё плоты из брёвен, занятые разными припасами: солониной, маслом и т. д. и рогатым скотом, для продовольствия экспедиции. По мере расходования припасов и скота, плоты уничтожались на дрова для парохода, так что, в половине плавания, их уже не было.

Плавание совершалось обыкновенно так: пароход с ночлега уходил вперёд и останавливался с таким расчётом чтобы флотилия могла прибыть туда же часам к десяти или одиннадцати. Прибывающие лодки устанавливались вдоль берега, придерживаясь своих рогат. Генерал со штабом останавливался в некотором отдалении. Тот час по привале, артиллерийщики получали припасы и начиналось приготовление пищи; солдаты между тем варили себе чай. Пока был скот, пищу приготавливали с свежим мясом, а потом с солониной и маслом. Особая команда назначалась на каждом привале рубить дрова для парохода. Солдаты любили пароход, называя его, как лошадь, «воронку», по цвету его окраски; присутствие парохода, действительно, как-то оживляло экспедицию, как будто делало её сильнее и значительнее, хотя в сущности от него нельзя было ожидать особой помощи в случае каких-либо затруднений.

К рассвету работы оканчивались и заунывные звуки рожка, игравшего подъём, указывали время отвала.

Лодки генерала и его штаба, оставаясь долее на ночлеге, обгоняли потом флотилию, располагаясь около полудня где-нибудь для обеда; но к вечеру вновь присоединялись к флотилии, следуя впереди или позади её; иногда играла музыка, находившаяся на особой лодке.

Так как при выборе места для остановки, главным образом, имелось в виду расстояние, которое флотилия могла сделать в известное время, а потом места эти иногда были не совсем удобны, – сыры, заросшие лозняком, камышом, с крутым, обрывистым берегом, или же, наконец, в

этом месте было такое быстрое течение, что было затруднительно останавливаться и лодки ударялись о берег и между собой.

Один из офицеров батальона находился на особом баркасе, свободном от груза, с двадцатью солдатами при ружьях.

Баркас этот следовал позади флотилии, в роде арьергарда, чтобы, в случае надобности, подать помощь, если бы какая-нибудь лодка попала на мель или потекла.

В военной предосторожности не представлялось надобности, так как нападения на экспедицию вообще не предполагалось и тем более, во время плавания в первой половине реки столкновение с китайцами могло произойти только в средней части Амура около города Айгуна. При прибытии на ночлег, дежурный на баркасе офицер был обязан обойти все лодки, чтобы удостовериться все ли они целы, здоровы ли люди, о чём доложить подполковнику Корсакову, от которого получались все приказания.

Иногда флотилия растягивалась на пристанище и притом на неудобном местности, где и днём проходить было бы затруднительно, а тут надо было ходить иногда в тёмную ночь, разыскивая, где остановились лодки, а потом разыскать расположение штаба и возвратиться на свою лодку, стоявшую на другом конце расположения флотилии. Если местность была удобная и ночь не тёмная, то это была только ночная прогулка, в противном случае тяжёлая работа.

Не знаю, как питались два других офицера, но Глен и я ели, преимущественно, то, что готовилось солдатам, и чёрные сухари; чай и сахар, однако ж, мы имели в запасе.

В первой трети плавания, когда ещё было мало островов, мы нередко плыли по ночам, приготовив пищу для солдат на два дня. Во время такого плавания на носовых частях лодок, на устроенных очагах разводили огонь, чтобы было видно направление всей флотилии. При тёмных ночах зрелище было очень интересное.

Каждая лодка была снабжена вёслами и парусом, которыми часто пользовались, чтобы ускорить движение флотилии. Генерал бывал очень не доволен, если при попутном ветре кто-либо из офицеров не распорядится своевременно поднять паруса; это особенно строго наблюдалось в первую половину плавания, пока прошли г. Айгунь. Повидимому, генерал торопился миновать этот город, опасаясь, вероятно, чтобы губернатор Приамурской области, проведав о появлении нашем

на Амуре, не успел снести с китайским правительством, которое могло дать ему инструкции, несогласные с видами генерала, желавшего непременно пройти Амуром, но совершенно мирно, оставаясь с Китаем в дружественных отношениях. Как потом сделалось известно, только под этим условием генералу было дано разрешение на экспедицию.

При том же и силы наши были так невелики, что лучше было обойтись без ссоры. Китайцы могли проведать о снаряжении экспедиции и, приготовившись, загородить нам путь. Трудно определить результаты этого столкновения, но последствием могла быть война.

По слухам, генерал послал, кажется подполковника генерального штаба Зубаринского, в Китай, через Кяхту, просить позволения пройти Амуром к морю в русские владения, находящиеся севернее устья этой реки; но это было сделано, как было слышно, перед самым отправлением экспедиции и посланец, вероятно, не достиг ещё китайской столицы; когда нами был пройден весь Амур, или, по крайней мере, большая часть его. Может быть, что это входило в расчёты генерала, так как нельзя было особенно надеяться, чтобы китайцы охотно, без затруднений, разрешили такое вторжение в их пределы, хотя бы только потому, что вообще не терпят появления у себя иностранцев, а тут был целый флот с войском и генералом во главе.

Что путешествие наше было вполне неожиданное для поселений на Амуре, видно из того, что в средней части его, приближаясь к Айгуну, мы находили все селения брошенными жителями, не вывезшими всего своего имущества и домашних животных.

Во время плавания по Амуру, нами не было сделано ни одного выстрела, хотя дичи было довольно, – стрельба была запрещена.

Насколько помню, около трети от Усть-стрелки, правый берег покрыт лесами и горист, левый же, большею частью, представляет на первом плане местность ровную, иногда несколько волнистую; леса не сплошные, но попадаются более или менее обширные безлесные пространства; в отдалении виднелись горы, в некоторых местах была ещё невиданной мною высоты трава почти в рост человека, но грубая, в роде осоки. В расстоянии около двухсот вёрст от Усть-стрелки, на месте, где был Албазин, виднелись только поросшие травой бугры, при раскапывании которых находили обгорелые кирпичи. Местность представляла довольно обширную равнину, поросшую местами редким лесом или отдельными группами деревьев.

В этой части Амура островов очень мало, но число их увеличивается по мере приближения к средней части и потом их так много, что, без знающих местность проводников, мы постоянно попадались бы в рукава неудобные для плавания.

Проводниками нашими были, в первой половине плавания, кочующие инородцы – орочен и манегры, тунгусского племени, по миновании же Айгуна – гольды, похожие на монголов и китайцев. Первые живут в летнее время в берестяных шалашах, конической формы, по берегам реки, но, вероятно, имеют более прочные жилища в лесах для зимы. Они ездят в лёгких берестяных лодочках, называемых «омороча», очень длинных, но узких, чтобы только сесть человеку и притом не очень большому; весло одно двух-лопастное, т. е. лопатки для гребли имеются на обоих концах весла. Лодочки эти идут очень быстро, но крайне неустойчивы, почему для непривычных очень опасны. Те из дикарей, которых мы видели, малы ростом, худощавы, с узкими глазами, приплюснутым носом и выдающимися скулами; кос не носят.

Гольды, большею частью, среднего и даже высокого роста, сложения крепкого, тип лица сходствен с монгольским и имеют косы. Живут они в постоянных селениях и одеваются в рубахи и штаны, из синей бумажной материи, вместо кожи, из которой состоит одежда орочен и манегров. Лодки у гольдов деревянные, в виде длинного ящика с прямыми боками и кормой; дно совершенно плоское, выходящее из воды в носовой части, вследствие погиба или закругления. Коротенькие, с круглыми лопастями, вёсла прикреплены к бортам лодки. У китайцев, под Айгуном, мы видели такие же лодки, довольно большие, с несколькими парами таких же вёсел.

В средней части Амура, с увеличением числа островов, не всегда приходилось плыть главным руслом, что рукавами между островов; но по тем местам настоящим, материковых берегов, которые мы видели, можно полагать, что тут и правый берег не горист, хотя и возвышен, и также как и левый берег, нередко совершенно без леса.

В этой части реки на правом берегу стали появляться селения, по видимому оставленные жителями при нашем приближении. Пока не миновали Айгуна, флотилия останавливалась только у левого берега, по миновании же его и у правого, но во всё плавание по Амуру мы не останавливались у селений, вероятно, во избежание столкновений с жителями.

За два перехода до Айгуна, на одном ночлеге мы простояли долее обыкновенного, чтобы осмотреть и вычистить ружья, наточить штыки и шашки. Кажется, здесь же были приняты все меры на случай каких-либо затруднений в дальнейшем следовании экспедиции. Также, кажется, здесь были уничтожены последние бревенчатые плоты с размещением на лодках оставшихся припасов, из которых часть роздана солдатам. Это были разные предметы, пожертвованные иркутским купцом Соловьевым для солдат экспедиции, как-то: сапоги, чай, сахар, мыло и табак.

Чем ближе подвигались мы к городу, тем чаще попадались селения, сделавшиеся под конец как бы сплошными.

К Айгуну мы подошли утром и расположились несколько выше его, т. е. не доходя до города, у острова, покрытого далее от берега деревьями, между которыми виднелись деревянные строения. Рукав реки, отделявший нас от города, был только около одной версты шириною, почему мы могли видеть собравшиеся на берегу у города толпы народа и стоявшие там большие лодки; этих последних было довольно много. Потом мы узнали, что это было войско и что там были и пушки, но сами орудия были покрыты деревянными чехлами, в виде двускатных крышек, почему их никто не видел; после было слышно в экспедиции, что на лафетах пушек совсем не было.

На берегу, у которого мы остановились, стояло несколько двухколесных подвод, без лошадей, с разным, кое-как уложенным, домашним скарбом: сундуками, коробками и корзинами, чем-то наполненными, а также с разным платьем. К подводам этим немедленно были поставлены часовые, чтобы сохранить все в целости.

Между тем, генерал перешёл на пароход, который, подойдя к городу, бросил якорь. Не присутствовав при переговорах генерала с китайскими властями и не слышав также рассказа об этом от кого-либо из очевидцев, я могу говорить о том, как они происходили, только на основании ходивших потом в экспедиции слухов. Так, было слышно, что генерал осведомился сперва, получил ли губернатор (амбань) распоряжение относительно экспедиции от своего правительства, которое, как объяснил генерал, было заблаговременно уведомлено о намерении генерала пройти Амуром в русские владения в Охотском море.

Затем, будто бы, генерал объяснил, что он идёт защищать русские владения от англичан, с которыми в это время и китайцы были не в ладах, и что появление наше на устье Амура будет полезно и китайскому

правительству, лишив англичан возможности напасть на Китай с этой стороны. Говорили, что губернатор выразился так: что если он пропустит, или не пропустит русских – может одинаково подвергнуться ответственности, смотря по тому, как взглянет на это правительство. На это, будто бы, генерал, заметил, что он намерен пройти на устье Амура во чтобы то ни стало и для этого не остановился бы даже перед необходимостью сжечь город Айгунь. но желал бы очень, по дружественным отношениям государств русского и китайского, чтобы плавание совершилось без всяких недоразумений.

Не подлежит сомнению, что, если бы местные китайские власти усматривали какую-либо возможность забрать нас всех до последнего и отрубить нам головы, т. е. если бы нас было десять-двадцать человек, – то этим они лучше всего угодили бы своему правительству. Так поступили они несколько лет ранее, в 1850 или 1851 году, с производившим исследование приамурских стран офицером генерального штаба Дарагань и бывшими при нем топографом и казаками. Убийство это китайское правительство объяснило нападением шайки разбойников, под видом которых казнило нескольких человек, как говорили потом, осуждённых за другие преступления. Казнь совершилась в виду наших властей на границе, кажется, на берегу реки Аргуни. Но теперь нас было так много, что о подобной расправе и думать было нельзя. Застигнутые врасплох, китайцы также не могли собрать столько войска, чтобы вступить с нами в открытую борьбу с надеждой на успех, считая нас сильнее, нежели было в действительности. Видя на обоих концах лодок солдат, как потом у нас говорили, китайцы полагали, что и под покрывавшими хлеб парусинами были тоже солдаты. Бежавшие от нас жители селений выше города, являсь туда, говорили, что русские идут как шуга, т. е. так много, как льду во время ледохода.

Впрочем, трудно сказать, решились ли бы китайцы преградить нам путь, если бы и имели точные сведения о наших силах и достаточно войска. Судя по состоянию сего последнего (лица, бывшие на пароходе, говорили, что это был какой-то сброд с каким-то допотопным оружием) и по известной невоинственности китайцев, вероятнее, что мы прошли бы далее беспрепятственно, расставшись с китайцами также дружелюбно, как и теперь. Я говорю «дружелюбно» потому, что о расставании нашего генерала с амбаном (губернатором) не было слышно ничего, что этому противоречило бы.

Как только дано было знать с парохода, флотилия тронулась в путь, а потом отошел от города и пароход.

В этот день я был дежурным, следуя на баркасе позади флотилии. Когда последние лодки наши миновали город, оттуда стали переезжать на остров китайцы в ярких цветных одеждах; они что-то кричали нам, размахивая руками, и, по-видимому, выражали радость, избавившись от непрошенных гостей.

Дальнейшее наше плавание совершалось тем же порядком, как и раньше, но останавливались на ночлег также и у правого берега, смотря по тому, где было удобнее.

В остальной своей части до устья, река, так же как и в средней части, усеяна островами, образующими множество рукавов различной ширины, в несколько десятков сажен и в несколько вёрст, с течением иногда очень быстрым и едва заметным.

В одном месте несколько тяжело нагруженных лодок втянуло в такой узкий рукав, с быстрым течением, но не достаточно глубокий. Это случилось потому, что одному из офицеров (Медведеву), в видах большого порядка в следовании лодок, вздумалось связать их попарно, почему солдаты не могли выгрести на вёслах и лодки плотно врезались в мелкий камень (гальку) дна рукава. Работа для перегрузки и вывода лодок на глубину заняла два дня, чем генерал был крайне недоволен.

Несколько позже с нами произошёл случай более важный по своим последствиям. Следуя по широкому рукаву, во время свежего ветра, флотилия придержалась не к левому, наветренному берегу, как бы следовало, но к правому, около которого и остановилась. Между тем, образовалось настолько большое волнение, что лодки стало заливать и некоторые наполнились водой, причём было подмочено много разного хлеба. Мешки с мукой, крупой и сухарями с большим трудом были вытаснены из лодок и разложены на берегу для просушки. К счастью, около этого берега, было не глубоко, так что солдаты могли входить в воду, чтобы ловить всплывшие в лодках мешки с хлебом.

От потопления уцелело немного лодок, даже генеральская была затоплена, причём подмочило все его вещи, в том числе и гардероб.

Кто был виноват в этом крушении – осталось неизвестным; об этом никто ничего не говорил и не было слышно, чтобы кто-либо подвергся за это ответственности.

Мешки с мукой подмокли не глубоко, но сухари промокли насквозь и потом покрылись плесенью.

Это происшествие случилось в конце нашего плавания, дней за пять или около того, до прибытия в Мариинский пост, в расстоянии около четырёхсот вёрст от Николаевска, т. е. не доходя до него. Еще мы стояли на месте крушения, как оттуда прибыла шлюпка, с двумя офицерами и матросами гребцами. Эта встреча была приветствована громким «ура!»

Подмоченный хлеб не мог быть высушен в короткое время нашего здесь, т. е. на месте крушения, пребывания (два или три дня); он только несколько обсох снаружи и в таком виде погружен опять в лодки. Вероятно, полагали, что сухари будут израсходованы ранее совершенной их порчи; это так бы и случилось если бы, по прибытии в Марийский пост, не пекли для солдат свежего хлеба. Оставшиеся сухари зазеленели и в таком виде выдавались потом солдатам.

Вскоре мы прибыли в Мариинский пост, в котором было только несколько казаков. Немедленно в обрыве берега реки были сделаны печи и на другой день у нас был свежий хлеб, показавшийся очень вкусным, после питания плохими чёрными сухарями в течение целого месяца.

С прибытием в Мариинский пост, окончилось наше странствование, результатом которого было завладение обширным краем буквально без выстрела. Мы прошли неизвестной рекой, сквозь чуждое население мирно, как будто проплыли по Волге.

Погода стояла всё время хорошая, дожди были не часты и непродолжительны. Все находившиеся в экспедиции всё время были здоровы и ни с кем не случилось какого-нибудь несчастья, за исключением одного унтер-офицера сводного батальона, пропавшего за несколько переходов до Айгуна. Как догадывались его товарищи, он, вероятно, бежал, тоскуя по оставленной молодой жене.

Чтобы закончить мой очерк первого русского плавания по Амуру, я должен сказать, что, по мере удаления от Айгуна, местность и растительность изменяется, принимая характер северных стран. Лиственные деревья попадаются всё реже и реже и потом совсем не появляются, уступая хвойным лесам, между тем как в средней части реки лиственные деревья преобладали. Берега становятся более низменными, иногда холмистыми.

(Продолжение следует.)

Русская старина : ежемесячное историческое издание. – Санкт-Петербург, 1891. – Т. 71.

Л. В. Корнева

«СИРЕНЫ» ЮЖНО-КИТАЙСКОГО МОРЯ

Собираясь на зимних каникулах во Вьетнам, в Нячанг, я расспрашивала друзей и знакомых, побывавших там, что их удивило, что понравилось, в каких музеях побывали. Больше, конечно, рассказывали о пляжном отдыхе, красивой природе, рыбалке, водопадах. И только моя коллега, краевед Т. В. Кирпиченко, старший научный сотрудник ДВГНБ, зная, что я любитель музейев, посоветовала посетить Океанографический музей: «По-моему, я там видела морскую корову Стеллера. Мы спешили, и я сразу не уточнила, а потом и забыла об этом».

Морская корова была обнаружена в 1741 года экспедицией Витуса Беринга. Георг Стеллер, врач экспедиции, был единственным из учёных-биологов, кто сам видел, изучал и зарисовывал морскую корову. По его описаниям, длина тела коровы достигала 7,5 метра, а масса – 3,5 тонны. Передняя часть тела напоминала тюленя, задняя – кита. Горизонтальный хвостовой плавник был очень широким, с бахромчатой оторочкой. Грубая складчатая кожа походила на кору старого дуба. Полутораметровые ласты имели два сустава, а на концах – копытообразные уплотнения. Во рту вместо зубов были ребристые роговые пластины, с помощью которых корова перетирали морскую капусту – свою главную пищу.

Стада капустниц обитали на мелководье близ берегов моря. Животные почти всегда были заняты едой. Детёнышей корова выкармливала молоком, жирность которого, как у всех морских животных, была очень высокой. Молочные железы располагались в подмышечной области тела.

К несчастью, мясо морских коров оказалось не только съедобным, но очень вкусным. Оно не имело неприятного запаха рыбы, как у других морских обитателей (ведь питались коровы водорослями). Это решило их судьбу. Стеллеровых коров истребили с поистине космической скоростью – всего за 27 лет. Принято считать, что последняя морская корова была убита на острове Беринга в 1786 году землепроходцем Федотом Поповым.

Истребление прошло так стремительно, что научный мир не успел даже узнать о существовании этого морского животного. Дневники Стеллера были опубликованы лишь спустя шесть лет после этого печального события.

В книге «Описание земли Камчатки» Г. В. Стеллер написал: «Хотя морские коровы и водятся исключительно близ Америки и расположенных в проливе островов, однако трупы их иногда заносятся волнами к камчатским берегам и выносятся там морем». Местные жители называли этих морских животных «манати». С первого же взгляда Стеллер решил – это манат, один из представителей сирен, или морских коров. И он не ошибся. В отряде сирен три семейства – ламантины, дюгоны, а также морские коровы.

Один из экспонатов, который является особой гордостью Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова – скелет морской коровы Стеллера. Гордиться есть чем: ведь подобных скелетов не только в России, но и в мире едва можно насчитать с десятков. Первое упоминание об этом экспонате появилось в одном из номеров газеты «Приамурские ведомости» за 1897 год: «В Хабаровский музей на днях поступило драгоценное приобретение – полный скелет морской коровы с Командорских островов, благодаря любезности г-на Ваксмута». Через год при участии того же Н. С. Ваксмута, бывшего помощника начальника Командорских островов, в музей снова поступил «полный скелет коровы Стеллера из 97 костей, найденный на восточном берегу острова Беринга».

О находках скелетов морской коровы на Командорах в Европе узнали лишь в конце XIX века. Интерес к ним повсеместно был большим.

В Нячанге функционирует с 1923 года единственный во Вьетнаме Океанографический институт. При нём Музей морской фауны, в котором более 8 000 видов морских и пресноводных животных, обитающих не только у берегов Вьетнама. И то, что я увидела там, как подтвердил Е. В. Новомодный, директор Музея рыб Амура, познакомившись с моими снимками, есть разновидность морской коровы – дюгонь. Длина этой сирены (дюгоня) 275 см, а вес 400 кг. Выловлена была в 2003 году у небольшой деревни провинции KIEN GIANS.

Ещё в древние времена люди охотились на сирен. В эпоху неолита первобытные люди оставляли на стенах наскальные рисунки дюгоней. Основной целью охоты тогда являлись жир и мясо животных, по вкусу

очень схоже с телятиной. А кости морских млекопитающих использовали в качестве материала для различных поделок и фигурок.

Как утверждают учёные, продолжительность жизни дюгоной практически равна человеческой – до 70 лет. Когда-то они встречались даже в морях Западной Европы. Рыба-корова. Из отряда коров Стеллера. Дюгоны – водные млекопитающие, ближайшие родственники ламантинов, вместе с которыми они образуют отряд сирен, обитающих в Красном море и Индийском океане, а также в северных водах Австралии. Это довольно крупное и необычное животное. Название «дюгонь» в переводе с малайского языка означает «морская дева», «русалка». В былые времена были созданы мифы о сиренах и русалках. Есть легенда о том, что именно эти животные наводили корабли на рифы и скалы и гибли вместе с моряками.

Сирены – это класс травоядных млекопитающих, в который входят всего четыре представителя. Живут они в воде, основной пищей является морская трава и водоросли. Так как дюгоны «пасутся» на мелководье в уединённых прибрежных водах, то их часто называют морскими коровами.

Из всех представителей сирен дюгоны являются самыми мелкими. Длина тела составляет не более 4 метров, а вес около 600 кг. Самки обычно намного мельче, чем мужские особи. Млекопитающие обладают массивным цилиндрическим телом, толстой кожей с множеством складок, чем внешне очень напоминают тюленей. Однако дюгоны, в отличие от тюленей, не могут передвигаться по суше. В процессе эволюции их лапы полностью преобразовались в плавники. Также отсутствуют задние конечности и спинные плавники.

Сегодня эти удивительные животные водятся не только в тропическом поясе Индийского и Южного Тихого океанов, а обитают, как утверждают вьетнамские учёные, в количестве 12–14 и в Южно-Китайском море. Сейчас отряд сирен представлен всего двумя семействами, обитающими в тропических водах: дюгоны и ламантины. Усиленной охотой поставили этих животных на грань уничтожения. Ловить дюгоной сетями категорически запрещено, но аборигенам разрешён традиционный промысел, представляющий собой охоту на дюгоной с гарпунами с лодок.

Дюгоны – очень миролюбивые животные. И этим часто пользовались охотники за их ценной шкурой и жиром, а также мясом. Причём бра-

коньерство достигло таких масштабов, что теперь популяция дюгоной нуждается в законодательной защите. Иначе этому виду грозит судьба морской коровы Стеллера.

Безнаказанная охота на дюгоной, а также глобальные проблемы окружающей среды привели к практически полному вымиранию морских коров по всему свету. На сегодняшний день дюгоны занесены в международную Красную книгу со статусом «уязвимый вид». Не случайно в Океанографическом музее Нячанга этот экспонат вызывает большой интерес как у местных жителей, так и у туристов.

НАШИ АВТОРЫ

Баранов Алексей Евгеньевич – прапорщик, командир 4-й роты линейного батальона, участник первого Амурского сплава 1854 года

Буря Виктор Петрович – главный редактор издательского дома «Частная коллекция», литературный краевед

Вежновец Алексей Филиппович – краевед-исследователь

Вольхин Владимир Николаевич (1941–2009) – краевед-исследователь

Ефименко Юрий Васильевич – член Союза писателей России

Жабина Нелли Яковлевна – краевед-исследователь

Зилова Клара Николаевна – литературный краевед

Кирпиченко Татьяна Васильевна – главный библиотекарь отдела краеведческой литературы ДВГНБ

Ковальчук Михаил Александрович – преподаватель вуза, доктор исторических наук

Корнева Лариса Владимировна – историк-краевед, музеевед, кандидат исторических наук

Лысунец Валерий Александрович – народный учитель РФ, краевед-исследователь

Монахова Светлана Анатольевна – исполнительный директор «Хабаровского землячества» (Москва), кандидат исторических наук

Спижевой Николай Евдокимович – краевед-исследователь, эксперт Русского географического общества

Фонова Татьяна Владимировна – журналист

Ходжер Елена Григорьевна – заместитель начальника отдела использования и публикации Государственного архива Хабаровского края

Циновская Людмила Николаевна – библиограф-краевед, в ДВГНБ работала в 1959–2007 гг.

Шевнин Иван Леонидович – преподаватель английского языка, краевед-исследователь

Электронное издание

*Минимальные системные требования по ГОСТ 7.83-2001:
требования к компьютеру:*

тип – любой

процессор – любой

частота – не ниже 1,5 ГГц

объём свободной памяти на жестком диске – не менее 380 Мб

объём оперативной памяти – не менее 1 Гб

операционная система – любая

разрешение экрана – не менее 1024x768 точек на дюйм

браузер – Internet Explorer 8, 9, 10, 11; Firefox Extended Support Release

скорость подключения к информационно-

коммуникационным сетям – не менее 256 Кбит/сек

дополнительные надстройки к браузеру – AdobeAcrobatReader,

или – дополнительное программное обеспечение для чтения

pdf файлов (программы из семейства AdobeAcrobatReader

для различных операционных систем)

Объём издания: 9 978 КБ

Дата подписания к использованию и размещению на сайте 26.01.2016 г.